

The image is a book cover. At the top, the author's name 'С.А. Ковалев' is written in a yellow, outlined, sans-serif font. Below this is a large, close-up portrait of a man with glasses, wearing a suit and tie. The background of the portrait is a blurred crowd of people. At the bottom, the title 'МИР СТРАНА ЛИЧНОСТЬ' is written in a large, bold, white font with a red outline, arranged in three lines.

С.А. Ковалев

МИР
СТРАНА
ЛИЧНОСТЬ

С.А. Ковалев

**МИР,
СТРАНА,
ЛИЧНОСТЬ**

**Издательство «Изограф»
2000**

ББК 66.2(2Рос)
УДК 32
К 56

Ковалев С.А.

К 56 Мир, страна, личность. – М.: Изограф, 2000. – 176 с.
ISBN 5-87113-085-2

ISBN 5-87113-085-2

© С.А.Ковалев, текст, 2000
© А.И.Анно, оформление, 2000
© Издательство «Изограф», 2000

Об авторе

Сергей Адамович Ковалев родился 2 марта 1930 года в г.Середина-Буда Сумской обл. (Украина), в семье железнодорожника. В 1932 г. семья Ковалева переезжает под Москву, в пос.Подлипки. В 1954 окончил биофак МГУ. Биофизик, специалист в области нейронных сетей. Жил и работал в Москве. Опубликовал более 60 научных работ; в 1964 г. защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата биологических наук.

С середины 1950-х гг. принимал участие в борьбе против т.н. «учения Лысенко» – антинаучной доктрины, господствовавшей в советской биологии и поддерживаемой партийной властью.

С 1968 г. Ковалев примкнул к возникавшему тогда движению в защиту прав человека в СССР. В мае 1969 г. вошел в состав Инициативной группы защиты прав человека в СССР – первой независимой правозащитной общественной ассоциации в стране. С 1971 г. он – один из ведущих участников издания «Хроники текущих событий» – машинописного информационного бюллетеня советских правозащитников. 28 декабря 1974 г. С.А.Ковалев был арестован по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». В декабре 1975 года суд приговорил его к 7 годам лагерей строгого режима и 3 годам ссылки. Срок отбывал в Скальнинских (Пермских) лагерях и в Чистопольской тюрьме; в ссылку был отправлен на Колыму. По отбытии срока ссылки поселился в г.Калинин (ныне Тверь). В годы перестройки вернулся в Москву. Принимал участие в различных общественных инициативах: входил в оргкомитет Международного гуманитарного семинара (декабрь 1987), участвовал в создании пресс-клуба «Гласность», в учредительном съезде общества «Мемориал» (с 1990 – сопредседатель этого общества). В 1989 г., по рекомендации А.Д.Сахарова, назначен сопредседателем с советской стороны Проектной группы по правам человека при Международном фонде за выживание и развитие человечества (впоследствии – Российско-американская группа по правам человека). Тогда же вошел в Московскую Хельсинкскую группу.

С 1990 по 1993 – депутат Съезда народных депутатов России, член Президиума Верховного Совета Российской Федерации. Дважды, – в 1993 и 1995, – был избран депутатом Государственной Думы РФ. С 1996 – член российской делегации

на Парламентской Ассамблее Совета Европы. В 1993 принял активное участие в создании движения, а затем и партии «Выбор России» (ныне – «Демократический выбор России»). Член Политсовета ДВР. Председатель Комитета по правам человека Верховного Совета России (1990–1993); Председатель Комиссии по правам человека при Президенте России (с 1993; в январе 1996 подал в отставку). В январе 1994 избран первым Уполномоченным по правам человека (сместен Государственной Думой с этого поста в марте 1995).

С.А.Ковалев – один из авторов Российской Декларации прав человека и гражданина (январь 1991) – рамочного документа, определившего будущие конституционные нормы Российской Федерации в области прав человека. Играл ведущую роль в разработке 2-й главы ныне действующей Конституции России – «Права и свободы человека и гражданина», а также ряда федеральных законов, затрагивающих проблематику прав человека.

В 1994–1996 Ковалев получил широкую известность как последовательный и резкий критик политики Кремля в Чечне. В первые же дни войны он отправляется в район боевых действий. «Группа Ковалева», состоящая из ряда депутатов и представителей общественных организаций, собирает информацию о происходящем и прикладывает максимальные усилия для того, чтобы эта информация получила широкую огласку. При поддержке общества «Мемориал» и ряда других общественных организаций создается Миссия Уполномоченного по правам человека на Северном Кавказе (с марта – Миссия общественных организаций под руководством С.А.Ковалева). Ковалев и его коллеги сыграли решающую роль в спасении заложников в Буденновске в июне 1995 года.

Лауреат более чем десятка международных премий, почетный доктор ряда европейских университетов. В 1995 и 1996 г. его кандидатура выдвигалась на соискание Нобелевской премии мира.

Россия: от выборов до выборов

Речь на встрече с жителями Бремена. Январь 1996 г.

Россия является органическим и кардинально важным элементом европейской цивилизации. Сейчас она вновь стоит перед альтернативой: стать ли частью свободного мира, или пополнить собой число стран недемократической ориентации. В первом случае мы сможем говорить о решительном историческом повороте мирового сообщества к демократии и либерализму и о реальной возможности сообща ответить на вызовы времени. Во втором – балласт проблем, стоящих перед всеми нами, намного увеличится, и шансы рода человеческого на мирное и достойное развитие в третьем тысячелетии христианской эры резко упадут. Ибо расколотый мир мог существовать лишь до тех пор, пока информационная и технологическая революция не сделали его объективно единым. В новых же условиях серьезная конфронтация или даже просто торжество изоляционизма на Востоке грозит потерей идентичности и распадом не только Востоку, но и Западу.

Думаю, что именно это более или менее осознанное ощущение важности российских проблем для мира, Европы, каждого из вас лично, и привело вас сюда.

* * *

Если опустить детали, то итоги парламентских выборов 17 декабря прошлого года сводятся к двум основным результатам: крупной победе коммунистов и серьезному поражению реформаторов. Оба результата не стали неожиданностью ни для социологов, ни для политиков, ни для самих избирателей. Оба вызваны одними и теми же причинами: массовым разочарованием в реформах.

Анализируя причины этого разочарования, большинство обозревателей подчеркивает его социально-экономическую подоплеку. И в самом деле, положительные последствия преобразований в экономике начали сказываться на уровне жизни населения совсем недавно и, по преимуществу, лишь в больших городах Европейской России (заметим, что в этих городах и результаты голосования выглядели по-другому). Честно говоря, пока можно говорить лишь о замедлении падения жизненного уровня; когда начнется, и начнется ли многократно обещанный экономический подъем – никто не знает. А избиратель,

понятно, склонен не анализировать темпы своего обнищания, а реагировать на сам факт обнищания. При этом даже те нищенские социальные блага, которыми пользовались люди при старом режиме, стали для многих труднодоступными.

Более того, само направление экономических преобразований за последние годы поменяло свои ориентиры. Экономическая реформа была задумана и начиналась как либеральная, освобождающая экономическую активность населения от государственного вмешательства; но очень скоро либеральные экономисты были отстранены от ее осуществления. Все большее влияние стали приобретать чиновники из среднего управленческого звена, главный интерес которых состоял в том, чтобы получить максимальную свободу рук при минимальной ответственности. Вместо экономики, освобожденной от государственной опеки, и государства, избавленного от части экономических проблем, возник странный уродец: монополии государственного происхождения, паразитирующие на государстве, но практически неподконтрольные ему, в то время как мелкие собственники тотально ограничены государством во всех их инициативах. Реформы, начатые во имя свободы, освободили лишь старую промышленную номенклатуру – так называемых «красных директоров» – от ответственности.

* * *

Но, на мой взгляд, даже при столь неблагоприятных обстоятельствах поворот симпатий населения от реформаторов к коммунистам мог быть гораздо менее значительным. В самом деле, с аналогичными проблемами сталкиваются практически все страны Центральной и Восточной Европы: ведь переход от установления политической демократии к созданию рыночной экономики – это ситуация, не имеющая прецедентов в мировой истории. Естественное историческое развитие шло в обратном порядке: рынок порождал демократию. Ясно, что искусственный процесс, при котором политическая свобода должна обеспечить экономическое развитие, не может проходить гладко и не порождать крайне болезненные социальные проблемы. И, тем не менее, в Польше, Венгрии, Чехии, Литве, других странах бывшего социалистического лагеря речь не идет о возврате к прошлому; даже в тех из них, где к власти пришли политические преемники бывших компартий, дело сводится лишь к определенным коррективам социал-демократического толка в социальной политике. О возврате к старому режиму никто и не думает.

Причины очевидны: в этих странах существует общенациональный консенсус, основанный, прежде всего, на достижении или укреплении государственной независимости. Ради общих для всех ценностей граждане готовы пойти на определенные лишения, временное падение жизненного уровня и прочие серьезные жертвы.

Понятно, что Россия, ощущавшая себя становым хребтом империи, простиравшейся от Камчатки до Эльбы, не могла консолидироваться на этой основе. Распад соцлагеря, а затем и СССР, воспринимался большинством русских в лучшем случае с безразличием, а чаще с тревогой и обидой. Поэтому для России должна была существовать иная консолидирующая идея. В 1989–1993 гг. такая идея была.

Она вытекала из всей многовековой русской истории, но в особенности – из кровавого кошмара большевистской эпохи. Это идея справедливости и гражданского мира и выросшее на ее основе стремление к праву, равному и доступному для всех. Антикommунизм в России 1989–1991 гг. взошел вовсе не на экономической основе; его дрожжами было ощущение, что мы живем в жестоком, несправедливом и лживом обществе. И если бы нам удалось обеспечить заметное продвижение к правовому государству, к верховенству закона, к открытой и честной политике, если бы связь этих категорий с экономическими преобразованиями была прозрачной и очевидной – уверяю вас, Россия еще долго соглашалась бы терпеть неизбежные тяготы реформы.

* * *

К несчастью, новая правящая элита, рекрутированная, в основном, из прежней партийно-советской номенклатуры, согласившейся расстаться с коммунистической риторикой, оказалась чуждой категориям права и нравственности. Это не их вина – где в своем жизненном опыте могли бы они почерпнуть понимание этих категорий? Но это роковым образом сказалось на всем ходе преобразований.

Наиболее ярко этот феномен отразился в политической эволюции нынешнего президента России.

Я не хотел бы свести дело к инвективам личного характера, особенно выступая за рубежом. Ельцин – фигура сложная и противоречивая, а в каком-то смысле и трагическая. Поначалу он действительно играл огромную роль, защищая реформу своим авторитетом, и, полагаю, искренне считал себя сторонником демократии. Одно время он был даже как бы лидером

российских демократов. Запад, кажется, до сих пор рассматривает Ельцина как гаранта демократического развития страны. Впрочем, точка зрения Запада на русские дела всегда отличается одним и тем же изъяном: она катастрофически не поспевает за развитием событий и неразрывно связана с личностью очередного лидера.

Поворот произошел, по-видимому, в конце 1993 года. Конфронтация с парламентом завершилась, как вы помните, силовым подавлением мятежа в Москве. Возможен ли был иной способ выхода из тупика? Не знаю; думаю, что, по крайней мере, еще в конце весны—начале лета политическое решение могло быть найдено. Так или иначе, Президенту удалось сломить старую систему власти лишь с помощью старого способа — насилия. Это дало возможность дать стране новые правовые основы; но одновременно Президент позволил себе стать заложником силовых структур — армии, Министерства внутренних дел, спецслужб. Изолированный от независимых источников информации, плохо представляющий себе реальное положение дел в стране, Ельцин все более и более доверялся силовым ведомствам — государственным структурам, наименее затронутым реформами и наиболее заинтересованным в их остановке. Результат — целый ряд антиправовых, антидемократических Указов, расшатавших здание права, которое только начало возводиться на руинах советского строя, возвращение к системе закрытого принятия важнейших решений, и как кульминация всего — Чечня. Я не буду говорить сейчас о чеченском кризисе; он мог бы стать темой для отдельного выступления. Отмечу только, что с началом чеченской войны в арсенал политических средств власти была возвращена официальная ложь, причем в таких масштабах и на таком уровне цинизма, которого избегала даже советская пропагандистская машина.

Поставьте себя на место среднего российского избирателя; он-то, в отличие от президента, теперь пользуется альтернативными источниками информации — прессой, радио, телевидением. Он рассуждает так: мы прогнали коммунистов, чтобы избавиться от насилия, бесправия и лжи. Оказывается, новые власти еще хуже: врать мне стали не меньше; со мной как не считались, так и не считают. Что касается насилия, так ведь даже большевики не додумались до того, чтобы уничтожить десятки тысяч мирных жителей с помощью авиации и установок залпового огня. Так ради чего мне терпеть тяготы реформы?

Это не голословное утверждение: согласно последним опросам общественного мнения, граждане России ставят чеченскую войну на первое место в списке проблем, которыми они озабочены. И лишь на втором месте в этом списке – рост цен.

Ничего удивительного, что популярность Ельцина, некогда очень высокая, опустилась почти до нуля. Хуже другое: в массовом сознании Ельцин по-прежнему отождествляется с экономической реформой (что отчасти правильно) и с демократическими преобразованиями (что вовсе неправильно). И негативное отношение к Президенту избиратель переносит на реформаторов в целом и даже на их либеральное и демократическое крыло, давным-давно отстраненное от участия в делах государства.

Скорее всего, Борис Ельцин в феврале объявит о своем решении баллотироваться на второй срок – и это будет большим несчастьем для демократических сил. Мы не можем рассматривать его как демократического кандидата, ибо, пытаясь перехватить у национал-коммунистической оппозиции ее лозунги, Ельцин добился только одного: в своей практической политике он стал плохо отличим от своих противников. Поддержка Ельцина сегодня означает окончательную компрометацию демократической идеи в глазах народа. Мы даже не можем поддержать его в качестве единого кандидата всех сторонников реформы. Кровь, пролитая в Чечне, способна отвратить от реформы даже тех, кто три года назад, несмотря на экономические и социальные тяготы, сказал «да» реформе на референдуме. Единственная политическая роль, которую Ельцин продолжает с успехом играть – это роль лидера антикоммунизма в России. Антикоммунизм, конечно, дело хорошее; но на эту роль с успехом претендуют и другие политики – например, Жириновский.

* * *

Вернемся к итогам выборов 17 декабря.

То, что пресса именует «победой коммунистов», было предсказано заранее, и количество голосов, набранное ими, не кажется мне катастрофическим.

Конечно, 24% проголосовавших за партийный список КПРФ (т.е. более 15% от всех избирателей) – это немало. Это около 16 миллионов человек, которые своим голосованием заявили: старый режим нам милее, чем все, что случилось со страной в течение последних нескольких лет. Насколько этих людей следует считать осознанными сторонниками коммунистического

выбора – большой вопрос. Мотивы их голосования могут значительно варьировать. Среди этих мотивов мы найдем и социальный протест против тяжести реформ, и тоску по единой и неделимой могучей державе, и ностальгию по прошлой стабильности, и тягу к «твердой руке», способной навести порядок в стране, и даже возмущение кровопролитием на Северном Кавказе. Вряд ли так уж много людей выразили своим голосованием приверженность именно марксистско-ленинской социальной теории.

Еще больший вопрос – является ли носителем ортодоксальной коммунистической идеи сама КПРФ.

Ее идеология столь же эклектична, как и высказывания ее вождя. Традиционная марксистская фразеология отнюдь не главное в ней. Основа этой идеологии – имперская, державная идея в том виде, в каком она сложилась в последние годы правления Сталина. Сам Зюганов не скрывает, что Сталин является для него политическим идеалом, но не как символ верности коммунистическим принципам, а как основатель новой государственности. Сталинская перестройка избавила СССР от некоторых романтических пережитков революционного прошлого и превратила его в многонациональную державу, восстановившую разрушенную революцией Российскую империю. Самое главное в этой империи, по Зюганову, – это сильная государственная власть, способная, пусть жесткими методами, поддерживать порядок в стране и поставить преграду разлагающему влиянию Запада. Себя Зюганов видит архитектором новой, Третьей империи, которая должна возникнуть на месте развалившегося (по мнению Зюганова, разваленного извне) Советского Союза.

Это отнюдь не новая идеология; в скрытом виде она присутствовала во всем строе советской жизни, начиная, по крайней мере, с середины 1930-х гг. Просто КПРФ в новых условиях решилась на более откровенное формулирование своих идейных приоритетов, чем это разрешалось при власти КПСС.

Оказалось, что эти истинные идейные основы советской эпохи, во всей своей эклектичности, созвучны взглядам как минимум пятнадцати из каждых ста взрослых граждан России. И это не было бы большой бедой, если бы остальные 85 из 100 оказались бы твердыми сторонниками демократического и свободного общественного устройства. Увы, сегодня это не так.

* * *

Были и приятные неожиданности, например, полный провал националистов – не только крайних, но и из таких блоков, как Конгресс русских общин, «Держава» и т.п. Аналитики сулили им неплохие результаты и уж, во всяком случае, преодоление 5%-го барьера. Этого не произошло. Я бы предположил, что ресурс «классического», «чистого» национализма уже выработан.

Успех Жириновского – казалось бы, это политическое блюдо уже давно протухло – на самом деле нельзя считать успехом какой бы то ни было конкретной идеологии. 11% голосов – это достижение яркого популизма, замешанного на шутовстве и протесте.

Провалились также и «псевдопартии», вроде «Женщин России», блока Ивана Рыбкина, аграриев – т.е. те политические силы, которые являлись, по существу, слегка замаскированными филиалами Коммунистической партии Российской Федерации. Те избиратели, которым симпатичны коммунисты, явно продемонстрировали, что предпочитают потреблять их в чистом виде.

* * *

Говоря о сторонниках реформ, отметим, что они составляют две разные группы населения: те из них, кто недоволен бюрократическим и антилиберальным направлением преобразований, поддержали Явлинского, Гайдара и другие более мелкие блоки; все они выступали отдельно. Всего по партийным спискам эти политические группировки завоевали около 15% поданных голосов, или около 10% от общей численности электората. Но из-за 5%-го барьера в парламент прошли только представители блока Явлинского, набравшего 7% голосов. Таким образом, политическая раздробленность демократической оппозиции примерно вдвое уменьшила его представительство в Государственной Думе и уничтожила ее шанс стать второй по численности фракцией.

Те же, кто в общем удовлетворен ходом реформы (а, быть может, в большей степени, те, кто им не удовлетворен, но не верил в успех расколовшихся демократов), голосовали за проправительственный блок «Наш дом – Россия», возглавляемый премьером Черномырдиным. НДР поддержали 10% голосовавших, или чуть больше 6% всего электората. Конечно, немалую часть голосов здесь дали те, кто традиционно голосует за власть. При этом личный рейтинг Черномырдина, кажется, достаточно высок; но его должность и положение НДР как

«партии власти» не позволяют им публично отмежеваться от Президента и президентской политики. Думаю, это и не дало «Нашему дому» заметного успеха.

При этом следует иметь в виду, что очень многие представители региональных элит – вовсе не сторонники нынешнего правительства. В большинстве своем это остатки прежней партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, сохранившие при всех перипетиях последних лет власть и влияние на местах. Вероятно, если бы все они действительно поддерживали НДР, результаты выборов заметно изменились бы. Но многие из них вовсе не в восторге от перемен, произошедших в стране. Они надеются на возврат прежних порядков и предпочитают поддерживать компартию – явно или, на худой конец, тайно.

* * *

Самое тревожное для меня обстоятельство – это серьезное падение рейтинга демократических партий и движений. Теперь уже стало очевидным, что решение об отказе от единой демократической предвыборной коалиции оказалось роковым не только для аутсайдеров избирательной гонки, но и для ее лидеров. Я не хотел бы показаться нескромным, но должен сказать, что моя личная позиция в этом вопросе в течение всей предвыборной кампании была неизменной: только широкое объединение может дать нам шанс на успех. В противном случае всех демократов, без различия направлений и оттенков, ждет провал. Я был бы счастлив оказаться неправым в своих предсказаниях, но, к сожалению, я оказался прав.

Я не хотел бы упрекать сегодня наших партнеров и оппонентов в демократическом лагере. Я все еще надеюсь, что дело объединения демократов не проиграно окончательно и что мы сумеем сформулировать принципы и условия такого объединения. Хочу только оговориться, что критерием объединения должна стать готовность к абсолютной политической честности и откровенности.

Я убежден, что демократ, спешно вымарывающий из своей предвыборной программы слово «рынок», поскольку оно стало непопулярным у заметной части населения, и заменяющий его державной риторикой, в конечном счете проиграет. Он проиграет, если его избиратели почувствуют фальшь в его тактике; фальшь не прощается общественному деятелю.

Но он проиграет и в том случае, если обман удастся. Дело в том, что маски прирастают, и прирастают необратимо. И даже

если такой политик искренне считает, что его предвыборные маневры – это всего лишь тактический прием, то, придя к власти, ему не удастся изменить свою тактику; она свяжет его по рукам и ногам. Возникнет тысяча обстоятельств, по которым отказ от того или иного предвыборного обещания будет несвоевременным, вредным; возникнут новые враги, с которыми придется бороться теми же демагогическими способами, что и раньше; прежние ценности и идеалы отойдут на второй план, и останется единственная ценность – завоеванная власть, которую необходимо любыми средствами удержать.

Но лукавство в политике порочно не только потому, что на опыте показывает свою несостоятельность. Оно порочно и по другим, гораздо более глубоким причинам.

Нельзя сегодня ставить критерием правильности той или иной тактики – ее успех. Ничего не скажешь, у данного критерия – богатое историческое прошлое. Но вопрос в другом: есть ли у него будущее?

Я убежден в том, что представление о политике, как о «грязном деле» сегодня стало опасным анахронизмом. Современная политика не может не быть честной и открытой. Честной по отношению к самому себе, открытой по отношению к обществу.

Разумеется, политика остается искусством компромисса. В обществе, основанном на плюрализме воззрений, компромисс необходим – без него такое общество просто не может существовать. За одним исключением: недопустимы компромиссы с собственной совестью.

Некоторые мои коллеги-демократы (и далеко не только в руководстве «Яблока», но и в моей собственной партии) считают эти мои воззрения на политику наивными и непрактичными максимумами оторванного от жизни интеллигента, которому в политике нечего делать. Я убежден в обратном: всякий российский политический деятель, не отстаивающий честно и открыто свои взгляды, не имеет перспективы. Во всяком случае, это относится к демократической части спектра.

Мы не имеем права скрывать нашей собственной позиции, независимо от того, выгодна она для нашей репутации или нет. И не имеем права выдавать обществу за свои те взгляды, которых мы на самом деле не разделяем. Даже если эти взгляды популярны в обществе.

Моя собственная партия – ДВР – проиграла выборы. Это неизбежная плата за мужество Егора Гайдара, начавшего

в 1992 г. экономическую реформу. Но на сей раз мы до конца выдержали свою позицию – не врать. Мне кажется, что именно этого хотели от нас те немногие избиратели (всего около трех миллионов), которые решились нас поддержать.

Я верю, что рано или поздно честность в политике окупится. А в том, что за нечестность приходится расплачиваться – убежден твердо.

* * *

Каковы же сегодня ближайшие перспективы политического развития России? На мой взгляд, далеко не все еще потеряно.

Многое зависит от того, как в преддверии президентских выборов поведут себя демократы. Первое, что им необходимо сделать, – это срочно договориться о единстве действий в предвыборной кампании и решить, кого следует поддерживать в борьбе за президентское кресло.

Говоря несколько упрощенно, можно выделить в нынешнем политическом спектре России четыре главных и наиболее активных блока (направления): 1) последовательные сторонники реформ, как политических, так и экономических; 2) условно называя, партия власти, прагматики – многие из которых, не имея собственной программы, склонны следовать просто здравому смыслу; 3) последователи коммунистических теорий разного сорта; 4) популисты типа Жириновского.

Довольно очевидно, что рассчитывать на поддержку двух последних направлений демократам и реформаторам не придется.

И отсюда становится уже совсем несложно оценить две мыслимые тактики демократической оппозиции на предстоящих выборах. Здесь возможны два принципиально разных решения.

Первое: объединенная демократическая оппозиция выставит собственного кандидата.

Опасности этого варианта очевидны: голоса тех, кто не желает прихода к власти лидера тоталитарного реванша, окажутся поделены между демократическим кандидатом и кандидатом от тех сил, которые вряд ли могут считаться демократами, но готовы отстаивать хотя бы то хорошее, что уже сделано в рамках реформы. Я имею в виду, например, Черномырдина, если он решится выступить против своего патрона.

В результате голоса сторонников реформ могут разделиться, и во второй тур выйдут как раз заведомые антидемократы.

Поэтому, очевидно, выставлять отдельного кандидата от демократической оппозиции можно лишь при условии, что остальные реальные кандидаты будут представлять лишь резко антидемократические политические течения – КПРФ и ЛДПР. Или же если единственным кандидатом от правящей элиты «лояльных реформаторов» станет Ельцин, который все равно вряд ли соберет достаточное количество голосов¹.

Второе: объединенная демократическая оппозиция вступает в переговоры с другими политическими силами с тем, чтобы поддержать единого кандидата в президенты. Мне кажется, что в этом случае шансы на успех будут более высокими, но на сегодня проблема в том, что такого кандидата просто нет. Черномырдин, скорее всего, не решится перебежать дорогу нынешнему президенту, а остальные политические фигуры не обладают необходимой общенациональной популярностью. Поэтому первый вариант – собственный кандидат от объединенных демократов – представляется более реалистичным.

Как показывают парламентские выборы, объединившись, демократическая оппозиция вполне способна вывести своего кандидата во второй тур выборов. И, если во втором туре этого кандидата поддержат все сторонники реформ, независимо от их лояльности правительству и президенту, у нас возникнет реальный шанс на выигрыш.

* * *

Ну и, наконец, последнее.

Я считаю вполне вероятным, что, несмотря ни на какие наши усилия, к власти в Кремле придет лидер одного из трех антидемократических течений, скорее всего – Геннадий Зюганов.

Как нам следует тогда поступать?

Я думаю, что в этом случае нашей главной задачей станет сохранение тех демократических институций и законов, которых нам удалось добиться за последние несколько лет. Назову три, на мой взгляд, наиболее важные.

¹ В январе 1996 г., согласно всем опросам, рейтинг Ельцина не превышал 5%. Но и позднее, когда в результате энергичной кампании Ельцин стал фаворитом предвыборной гонки, и даже тогда, когда по итогам первого тура голосования он остался единственным соперником Геннадия Зюганова, С.Ковалев не считал возможным призвать демократов к поддержке его кандидатуры.

Во-первых, – это независимые печать, радио и телевидение. Во-вторых, – это система свободных выборов на многопартийной основе. И, в-третьих, – это те разделы Конституции 1993 года, в которых говорится о правах человека.

Не существует законного способа ликвидировать эти завоевания демократии.

Разумеется, новая власть может попытаться прибегнуть к насилию, чтобы добиться восстановления тоталитарного общественного строя. Что же, для многих из нас борьба с произволом – это привычное и знакомое дело. Конечно, очень не хочется возвращаться в прошлое, со всеми его мерзостями; но если не будет другого выхода, то мы вновь обратимся к ненасильственному открытому сопротивлению и к самиздату.

Я не думаю, что антидемократические силы неизбежно победят в июне. А даже если победят, то вряд ли осмелятся воссоздать репрессивный режим в полном объеме. А даже если осмелятся, то эта реставрация долго не продлится.

Так что я остаюсь оптимистом.

Веймарская Россия?

Выступление на международной конференции, посвященной 55-летию начала Холокоста (тотального уничтожения евреев германскими нацистами). Москва, май 1997 г.

Все мы отчетливо понимаем, что Холокост – это не только величайшая гуманитарная трагедия в новой истории человечества. Это еще и точка отсчета для новейшей истории человечества, абсолютная система координат всей нашей современной жизни: политики, философии, права, даже искусства.

Говоря «Холокост», я имею в виду не только массовое уничтожение евреев и цыган германскими нацистами. В широком смысле слова Холокост включает в себя и уничтожение крестьянства в Советской России, и сталинский террор, и Гетто, и Дрезден, и Хиросиму. Но в середине нашего столетия именно Освенцим и Дахау волею обстоятельств стали наиболее известными символами того тупика, в котором обнаружила себя человеческая цивилизация на исходе Второй мировой войны.

Вспомните: совсем недавно, в XVIII–XIX веках, большинство тогдашних властителей дум предсказывало, что по мере продвижения человечества по пути, начертанному просветителями, его ждет необычайный расцвет. Ожидалось, что в ближайшем будущем европейская демократия одержит победу во всем цивилизованном мире и воплотит в жизнь идеалы свободы, равенства, братства, что успехи научно-технического и гуманитарного прогресса, обеспечат всеобщее благосостояние и социальную справедливость.

Эти надежды получили жестокий удар в результате европейской катастрофы 1914–1918 гг. (при том, что об истинной сущности т.н. «социальной революции» в России тогда еще мало кто догадывался за ее пределами) и окончательно развеялись вместе с дымом и пеплом нацистских крематориев.

Стало очевидным, что дорога свободы – это не раз и навсегда сделанный человечеством выбор, что нация, казалось бы, уже идущая по этой дороге, в любой момент может сорваться в пропасть насилия и варварства. Что высокая культура, гуманистические традиции, уровень народного образования не могут надежно застраховать общественное сознание ни от ксенофобии, ни от антиинтеллектуализма, ни от антилиберализма.

И что в серьезной ревизии общественных институтов, уточнении определений и принципов нуждаются сами основы демократического устройства общества. Нюрнбергский процесс, как бы не относились к нему строгие ревнители буквы права, был неизбежен, потому что этого требовало нравственное чувство миллионов людей. Но он должен был стать не просто судом победителей над побежденными, а реальной моральной основой послевоенного мира. А это могло произойти только в том случае, если бы победители решились столь же строго и критично подвергнуть суду самих себя.

Справилось ли человечество с этой задачей? Отчасти – да. Фашистский эксперимент, как бы парадоксально и даже, быть может, кощунственно это ни звучало, укрепил и обновил либеральную демократию. У этой идеи – по крайней мере, на Западе – открылось второе дыхание. Человечество наглядно убедилось, что представляет собой в наше время альтернатива либерализму. Свобода и права человека в их традиционном понимании получили дополнительную моральную санкцию. Когда перед людьми возникла реальная угроза утратить свободу, последняя перестала нуждаться в утилитарном оправдании и стала восприниматься как самоценное «добро», противостоящее очевидному злу, как базисная общественная ценность.

Был также начат – к несчастью, только начат – пересмотр тысячелетиями складывавшихся представлений о международном праве. Гитлер дал нам предметный урок: в современных условиях политический режим, грубо попирающий принципы общественной свободы в «своей» стране, рано или поздно неизбежно становится источником опасности для всего человечества. И, стало быть, права человека не могут более оставаться исключительно «внутренним делом» правительств; их защита – дело всего мирового сообщества. Это очень нелегкая задача: создать свод законов для человечества, зафиксировать в международном праве факт единства вида *Homo Sapiens* на основе принципов равенства и свободы каждого индивидуума – при сохранении понятий о государственном суверенитете, политической самостоятельности, национальном, культурном и религиозном своеобразии разных народов. Будь эта задача решена, каждый отдельный человек стал бы субъектом международного права и находился бы под его защитой наряду с народами, государствами и правительствами. Человечество стало бы воистину единым, и нам, быть может, не пришлось сегодня говорить о Холокосте как об актуальной политической проблеме.

Увы, за полвека в этом направлении было сделано лишь несколько робких шажков.

И, наконец, самое главное. Именно после войны на Западе окончательно утвердилась точка зрения, согласно которой демократия – это не только и не столько власть большинства, сколько, в первую очередь – права меньшинств. И, в самую первую очередь, права наименьшего из меньшинств – человеческой личности. Укрепилось понимание того, что индивидуальные человеческие права – не только декларация идеалов; они должны перейти в область позитивного права и стать реальной основой человеческого общежития. Это понимание в принципе сняло старое противоречие между демократией и свободой личности и позволило надеяться, что демократические механизмы ни при каких условиях не будут использованы для уничтожения свободы.

Разумеется, я не хочу сказать, что западное либерально-демократическое общество решило все свои проблемы. Это далеко не так. В частности, и сегодня на Западе немало людей подвержено ксенофобии, ультра национализму, расизму. Мои западные друзья много говорят мне о вспышке ксенофобии в Европе, о том, что некоторые европейские страны под давлением усиливающегося национализма вводят у себя антииммиграционные законы, плохо согласующиеся с принципами свободы и прав человека. И все же мне кажется, что там это сейчас проблема не столько политическая, сколько экономическая и культурная, и что, в конечном итоге, она имеет перспективу стать в чистом виде медико-психиатрической. Новый Холокост в западном обществе сегодня, по моему, так же невозможен, как невозможно массовое возрождение ритуального людоедства. И это – результат серьезной и глубокой общественной модернизации, вызванной не в последнюю очередь серьезным и глубоким осмыслением трагедии Холокоста 1940-х гг.

* * *

Увы, у нас в России дела обстоят далеко не так благополучно. Мы на сорок лет опоздали с послевоенной модернизацией; да, говоря по чести, что, какой общественный строй можно было модернизировать в 1945 году? Сталинскую террористическую диктатуру?

Потребовались десятилетия, чтобы остатки этой диктатуры исчерпали все запасы своей живучести и, в конце концов, тихо и бесславно канули в историю. Страна вступила на путь демократического развития, унаследовав от старого режима

не только разваленную экономику, но и почти полное отсутствие элементов гражданского общества – социального базиса демократии, и абсолютно полное отсутствие опыта общественной жизни. И когда демократическая общественность впервые столкнулась с наличием в обществе ксенофобии, расистских и националистических настроений, это вызвало шок и растерянность.

Внимание общественного мнения надолго приковалось к опасности фашизма, так сказать, «снизу». И надо признаться, для этого были серьезные основания. Рост числа фашистских и фашизоидных организаций, возникновение военизированных отрядов, океан расистской прессы, распространяющейся совершенно открыто. Наконец, неожиданные для многих политические успехи Жириновского. Все это говорит о том, что российское общество не обладает серьезным иммунитетом к фашизму. В ход пошло словцо: «веймарская Россия».

Мне, однако, аналогия с веймарской Германией кажется весьма и весьма приблизительной. В самом деле, что произошло в Германии в 1923–1933 гг.? В этой стране группа политических маргиналов, руководимых бредовыми идеями, сумела за несколько лет превратиться в мощную политическую партию, пользующуюся поддержкой и доверием по крайней мере относительного большинства немцев. Опираясь на эту поддержку, гитлеровцы добились победы на выборах и овладели государственной машиной.

Однако веймарская государственность базировалась на либеральных и правовых основах и не годилась для целей нацистов. Поэтому после прихода к власти им понадобилось в первую очередь сломать эту государственность, отбросить, как либеральный хлам, «буржуазные» права и свободы. Лишь после этого они получили возможность начать строительство собственного национально-социалистического государства – Третьего Райха. Лишь после этого могла пойти речь о концлагерях, нюрнбергских законах и прочих прелестях нацистского режима. И тогда программа Холокоста из бредовой метафоры национал-социалистической публицистики превратилась в политическую вероятность, а затем и в реальность.

Таким образом, история германского нацизма – это, прежде всего, история прихода к власти экстремистского националистического общественного движения и создания им «государства нового типа».

Чего-то подобного опасались и мы. Мы, как зачарованные, следили за митингами и парадами баркашовских парней,

с омерзением листали «Новый порядок», «Лимонку», «Штурмовик» и «Завтра», прислушивались к истерикам Жириновского. И гораздо меньше внимания обращали на более серьезную, более укорененную в российской политической традиции опасность. Я имею в виду генетическую предрасположенность российских властей к великодержавности, национализму, ксенофобии.

Великодержавный национализм стал неофициальной латентной идеологией государственного аппарата не позднее второй половины 1940-х гг. Что касается идеологии официальной, т.н. марксизма-ленинизма, то он был оставлен в качестве формальной, парадной оболочки этого нового, точнее, весьма старого для российского чиновничества мировоззрения, и тихо умирал естественной смертью – от дряхлости, не вступая в серьезные противоречия с реальной сущностью имперской государственности. По моему глубокому убеждению, имперский державный национализм, демонстрируемый сегодня зюгановской КПРФ, не историческая случайность, а непреложная закономерность. Но это относится не только к сегодняшним коммунистам, но и к значительной части сегодняшних реформаторов. Август 1991 г. позволил номенклатуре отбросить обветшалую марксистскую фразеологию. Частично она была заменена демократической риторикой; часть же бывшей номенклатуры, отменно представленная во властных структурах и сегодня, с облегчением заговорила на наиболее естественном для нее языке: языке державного империализма, на языке антизападных и антилиберальных идей.

Чеченская война стала одновременно индикатором этих процессов и мощным их катализатором. Именно в условиях чеченского кризиса мэр столицы получил возможность открыто говорить об очищении города от лиц с неподходящим цветом волос или формой носа, а директор ФСБ – публично, с телеэкрана, объявлять целый народ бандитской нацией. Уничтоженный Грозный, сожженные Самашки, ужасы фильтрационных лагерей – это зарницы нового Холокоста. И это работа не Баркашова и не Жириновского. Это сделала власть, называющая себя демократической – возможно, даже искренне.

Опасность фашизации России останется до тех пор, пока коренным образом не будет реформирована существующая система власти, пока государство не прекратит ставить себя над обществом и вне его, пока не перестанет упорствовать в своем сопротивлении всякому эффективному общественному контролю. Иными словами, пока власть в России не перестанет счи-

тать себя самое высшей национальной ценностью, сакральным институтом, заветным нам веками нашей истории. Пока государственные деятели будут наперебой обижаться за державу, и не начнут обижаться за жителей этой державы – за каждого в отдельности и за всех вместе – ксенофобия и расизм останутся, независимо от их воли, существенным фактором общественной жизни в нашей стране.

Увы, что-то не видно политических лидеров, твердо и решительно исключивших из своего лексикона националистическую, великодержавную риторику. Иные из сегодняшних демократов в частных разговорах откровенно признаются, что для них это лишь способ завоевать популярность. На мой взгляд, эти расчеты не только циничны – они глубоко ошибочны. Популярность таким путем они не завоюют, ибо единственный надежный способ завоевать популярность – это всегда говорить людям правду и не считать других глупее себя.

Я не думаю, что национализм и ксенофобия свойственны русскому народу в большей степени, чем другим европейцам. Результаты выборов показывают, что ультра националисты даже в самом благоприятном случае получают у нас не больше голосов, чем Ле Пен во Франции. Повторяю, опасность в другом: в националистических, державных устремлениях внутри властных структур.

На самом деле, употребление державной риторики – это не столько желание «не отрываться от народа», сколько нежелание выпасть из консенсуса, складывающегося внутри новой правящей элиты. То есть, обыкновенная трусость.

Давайте смотреть на вещи прямо: всякое политиканство в том, что касается защиты свободы и прав человека, себя исчерпало. Только твердость и последовательность общества в борьбе против государственных, именно государственных, проявлений национализма и ксенофобии может удержать Россию от сползания к новой диктатуре фашистского или фашизоидного типа.

Что касается нового политико-идеологического обеспечения будущей диктатуры, то на этот товар довольно продавцов. И покупатели, похоже, находятся. А в какой обертке он будет продаваться – в виде «державного патриотизма», «евразийства» или «национал-коммунизма», «просвещенного авторитаризма» или «политического прагматизма» – не столь существенно. Так же не важно, кого именно будут бить – евреев, «лиц кавказской национальности», спекулянтов и банкиров, интеллигентов или велосипедистов.

Любое массовое уничтожение людей, совершенное для достижения политических или военных целей – неважно, реальных или мифических – это Холокост. Любое ограничение прав человека по национальному, расовому, классовому или религиозному признаку, независимо от того, является ли оно следствием идеологического мифотворчества, или вызывается так называемыми «прагматическими соображениями» – это дорога к Холокосту. Любая попытка ввести в правовую теорию и практику принцип коллективной ответственности по любому групповому признаку – это правовой Холокост.

И давайте помнить, что от нашей борьбы зависит судьба не только России. Я не говорю сейчас о местных национализмах на территории всего бывшего Советского Союза, всего бывшего социалистического лагеря – это всего лишь отражение, застывшее в осколках разбитого вдребезги зеркала. На месте одного большого лагеря пытаются выстроить множество отдельных барачков, и наш – еще не самый худший.

Дело в том, что русский вопрос и, в частности, перспективы русского фашизма, становятся сейчас ключевой проблемой российской и мировой истории.

Российской – ибо от того, какой путь выберет страна, зависит ее будущее на много десятилетий вперед.

Мировой – потому, что падение советской империи, крупнейшая победа свободы за последние полвека, может превратиться в самое крупное ее поражение за последние двести лет.

Я глубоко убежден: именно в России решаются сегодня судьбы человечества в целом.

На рубеже двух тысячелетий

*Выступление на международной конференции «Форум-2000».
Прага, сентябрь 1997 г.*

На родине у меня сложилась репутация наивного идеалиста, далекого от практической политики. Позвольте мне сегодня подтвердить эту репутацию. Хочу лишь предварительно напомнить вам слова одного из самых успешных европейских политиков – Президента Гавела: «Нет в мире ничего более практичного, чем честная политика». Поэтому здесь я буду говорить то, что думаю, не боясь прослыть утопистом.

Рубеж тысячелетий – это не более, чем круглая дата. С обновления календаря не начнется новая эпоха. Этого не произойдет по одной простой причине: мы все еще не выполнили тех задач, которые поставили перед нами несколько прошедших веков.

Я отношусь к тем людям, которые считают, что все мы – дети Нового времени европейской истории. Эта эпоха поставила перед человечеством – не перед Европой только – определенную цель: выработать новые формы общественного устройства, соответствующие новым духовным ценностям свободы и права. Достигнута ли эта цель сегодня?

В некоторых регионах и в некоторых областях человеческой жизни мы до некоторой степени приблизились к идеалам Века Просвещения. Я имею в виду победу политического государственного строя, известного под названием либеральной демократии, в ведущих государствах мира. В двадцатом столетии идеалы либеральной демократии доказали свою жизнеспособность дважды: сначала победив в открытом военном столкновении германский нацизм, а затем разрушив изнутри советский коммунизм. Общество, основанное на принципах права и свободы, оказалось более гибким, более креативным, более приспособленным для нормальной человеческой жизни, чем общества, возникшие в результате полной или частичной ревизии этих принципов. Оно показало свою стойкость и готовность ответить на вызовы времени, свою способность к саморегуляции, к совершенствованию и развитию, свое соответствие природе человеческого духа. Ибо только оно из всех существующих ныне общественно политических систем сумело найти баланс между устойчивостью и способностью к обновлению.

Можно ли, однако, сказать, что сегодня род людской в целом вышел на магистральную дорогу мирного и бесконфликтного существования и развития? Совсем нет – скорее, наоборот.

В течение последних десятилетий человечество столкнулось с проблемами, неизвестными мыслителям XVIII–XIX вв. Если противостояние нацизму или коммунизму или послевоенная политическая модернизация Запада еще вписываются в многовековую традицию борьбы народов за свободу, против тирании и угнетения, то что сказать об угрозе экологической катастрофы? о возможном в недалеком будущем энергетическом и ресурсном кризисе? о демографическом взрыве?

Давайте поглядим правде в глаза. Человечество впервые за всю свою историю встало перед вызовами планетарного масштаба. Глобальный экологический кризис. Глобальный экономический кризис (разрыв между бедными и богатыми странами). Глобальная проблема ядерных, химических и бактериологических вооружений. Глобальный кризис культуры и образования. Кажется, к этим проблемам прибавляются еще и новые: например, кризис этнического самосознания, ставший опаснейшим детонатором вооруженных конфликтов. Говорят уже и о других кризисах, связанных, например, с биологической природой человека в условиях современной цивилизации.

Вдобавок ко всему обширный регион, недавно именовавшийся «третьим миром», все еще далеко отстает от развитых стран в продвижении к более справедливому и эффективному общественному устройству. А в странах, освободившихся от т.н. «реального социализма», демократическое развитие идет медленно, противоречиво и встречается с большими сложностями. Соответственно, эти страны не в состоянии сегодня принять достойное участие в решении глобальных проблем человечества; более того, многие угрозы связаны именно с нынешним экономическим, политическим и социальным положением «второго» и «третьего» мира. Раскол не преодолен; он только перестал носить идеологическую окраску.

Возможно ли справиться с этим узлом глобальных проблем в рамках традиционной национальной и государственной обособленности? Разумеется, нет.

С каждым днем становится все яснее, что решение планетарных задач не может быть найдено в рамках старого мирового устройства, в рамках национальных государств. В этом

и состоит основное отличие сегодняшних проблем от проблем вчерашних — их в состоянии решить только единое человечество. Те формы политического сотрудничества, которые были выработаны к настоящему времени, безнадежно устарели. Сегодня мы должны думать о том, как коренным образом их преобразовать.

Дело облегчается тем, что речь, в сущности, идет лишь об одном аспекте международных отношений — политическом. Ибо в остальных аспектах мир уже стал единым целым. Технологическая, коммуникационная и информационная революция сделала его таковым. И то, что было открыто великим вероучителям и поэтам прошлого (уж не буду приводить избыточную цитату из Джона Донна) как истина о природе человеческого духа, стало обыденной реальностью повседневной жизни.

Время национально-государственных эгоизмов в нашем мире кончилось; человечество стало единым. Не «должно стать», как проповедовали мыслители предыдущих веков, — уже стало. Оно пришло к единству, не теряя своего национального и культурного многообразия, ибо в нем тоже залог выживаемости. Но любая национальная идея останется сегодня мертворожденной утопией, если она не будет органической частью общечеловеческого идеала.

Я полагаю, что к этому идеалу невозможно приблизиться, не распространив основные принципы демократии и свободы на международную политику. Также я уверен, что нельзя расширить эти принципы до тех пор, пока некоторая часть государственного суверенитета, принадлежащая ныне национальным правительствам, не будет делегирована наднациональным органам, сформированным демократическим путем и обладающим определенными полномочиями в сфере законодательной, исполнительной и судебной власти.

Иными словами, речь идет о старой, многократно выдвигавшейся и многократно осмеянной идее мирового правительства. Я убежден, что не сегодня, так завтра эта идея вновь окажется на повестке дня.

Основой либеральной демократии на национальном уровне стала концепция прав человека, соединившая в себе три принципа: общественной свободы, гражданского равенства и господства закона. Эта же концепция неизбежно станет основой нового мирового порядка — не только потому, что права человека — универсальный ключ к решению общечеловеческих проблем, но и потому, что сама природа этого понятия предпо-

лагает единство рода человеческого. Только в рамках такого единства права человека могут быть реализованы в полном объеме. Это понимали и некоторые мыслители прошлого, такие, как Иммануил Кант или Владимир Соловьев; сейчас это стало очевидным фактом.

Следовательно, вопросы, связанные с контролем за соблюдением прав человека, наряду с вопросами выживания и развития, вопросами международной безопасности, должны стать предметом ведения наднациональных органов власти. Мировой парламент должен создать новое международное право – не тот хаос межгосударственных договоров, деклараций и взаимоисключающих принципов, которым оно сейчас является, а сравнительно небольшой по объему, но стройный и непротиворечивый перечень фундаментальных принципов и процедур. Строиться он будет на той же основе, что и современное демократическое национальное право, то есть, на концепции прав человека как ценности высшей по сравнению с национально-государственными интересами. Этому «всемирному кодексу» следует придать силу закона, обязательного к исполнению и приоритетного по отношению к национальным правовым системам.

Всемирный суд (может быть, целая система наднациональных судебных органов) должен разбирать те конфликты, в которых затрагиваются интересы человечества в целом (повторяю еще раз: к числу таковых относятся и нарушения прав личности государственной властью!), и выносить решения, исполнение которых обязательно для любых властных структур любого уровня, включая национальные и наднациональные структуры.

Наконец, исполнительная власть (возможно, это будет нечто вроде нынешнего Совета Безопасности ООН, но с гораздо более широкими полномочиями и возможностями) должна будет в рамках обновленного международного права обеспечивать безопасность и развитие как человечества в целом, так и отдельных государств, а также, в первую очередь, права и свободы каждого человека. Не побоюсь сказать, что это будет связано с психологически, вероятно, наиболее сложной частью передачи суверенитета от национальных государств к «мировому правительству», а именно – передаче в его распоряжение большей части национальной военной мощи и признании за ним права на вмешательство в определенных случаях в так называемые внутренние дела, в том числе силовое. Понятно, что

это невозможно осуществить без такого разоружения, при котором в распоряжении национальных государств останутся только сравнительно небольшие полицейские силы, необходимые для поддержания внутреннего порядка.

Похоже на фантастический роман? Но я же предупреждал, что буду выступать в роли наивного идеалиста.

А между тем, многие элементы нового мира уже присутствуют в сегодняшней политической практике, хотя по большей части – в разрозненном виде и на региональном, а не глобальном уровне. В самом деле, возьмем, к примеру, Европу. В такой международной организации, как Совет Европы, имеется, хотя и в зародыше, механизм, обеспечивающий, хотя и непрямым образом, представительство населения, а именно – Парламентская Ассамблея. Эта структура в принципе может заниматься и законотворчеством. Есть и судебный орган – Страсбургский суд по правам человека, хотя решения его обязательны лишь для стран, подписавших факультативный протокол. Другое, более узкое региональное объединение, Европейское сообщество, обладает даже чем-то вроде исполнительных органов власти, решения которых обязательны для стран-участниц.

Конечно, идеальным способом преобразования мирового сообщества была бы радикальная реформа Организации Объединенных Наций. Но это, пожалуй, слишком утопичный проект даже для такого утописта как я. Хотя обязательства, при которых создавалась ООН, и принципы, зафиксированные в ее Уставе и во Всеобщей декларации прав человека, в общем, отвечают насущным задачам современности, но сам способ ее функционирования не имеет ничего общего с демократией. Это не форум наций, а всего лишь форум правительств; не орган права, а орган согласования интересов. Именно поэтому ООН может играть определенную (как правило, не слишком эффективную) роль в урегулировании межгосударственных конфликтов, но совсем не способна выражать интересы народов. Боюсь, что эта организация в принципе не реформируема.

Мне кажется более вероятным другой путь: постепенное, существенно добровольное, расширение таких организаций, как Совет Европы, с одновременным расширением их полномочий. Этот процесс может привести к желаемым результатам при двух условиях. Первое – это широкая и радикальная ревизия принципов международного права. И второе – это необратимость

передачи части национального суверенитета наднациональным органам. Ведь ответ на вопрос о характере будущего союза народов, о том, должна ли она рассматриваться как «договорная» или «органическая» федерация, очевиден. Если речь идет о расширении некоего элитного клуба демократических и свободных народов, то понятно, что ни одна страна не может присоединиться к этому клубу, иначе как вступив в договор и взяв на себя определенные, достаточно жесткие обязательства. С другой стороны, перспектива этого союза – объединение всего человечества. А какое объединение людей может быть более органичным, чем человечество в целом? И можно ли «выйти из человечества» по собственному желанию? Сомневаюсь в этом.

Путь к будущему лежит через огромные политические и психологические трудности. Политические – потому что необходимость радикальных изменений предстоит понять не только нормальным людям, но и политикам. А ведь на свете нет более ограниченных, консервативных и самоуверенных созданий, чем большинство современных профессиональных политиков, каких бы взглядов они не придерживались. Психологические – потому что люди привыкли к барьерам, их разделяющим: идеологическим, национально-государственным, этническим и культурным, религиозным, классовым и прочим. Не случайно именно после падения железного занавеса мир захлестнула волна разного рода сепаратизмов, национализмов, державностей, геополитического бреда и даже межконфессиональной вражды. И это происходит отнюдь не только на обломках советской империи. Слишком многие люди психологически нуждаются во враге. Возможно, это связано с тем, что только очень свободная личность способна принять, не отказываясь от собственной национальной и культурной идентичности, свое родство со всем человечеством – и, стало быть, ответственность за него. А, может быть, дело отчасти и в биологии, в непреодоленном наследстве, доставшемся нам от предков – высших млекопитающих, привыкших держаться своей стаи. Во всяком случае, нелегко преодолеть стереотипы; нелегко понять, что различия не разделяют, а объединяют людей.

Поэтому вовсе не очевидно, что человечество сумеет выбрать тот путь, о котором я говорил. Вполне возможно, что оно, наоборот, предпочтет скорую гибель во всеобщей войне или долгую агонию на гигантской мусорной свалке и жесткую

конкуренцию с крысами. Я вовсе не хочу сказать, что у человечества нет альтернативы. Я только утверждаю, что альтернатива именно такова, как я ее описал. Кажется, это Эйнштейн, отвечая на вопрос: «Какое оружие будет применяться в Третьей мировой войне?», заметил: «В третьей – не знаю, а вот в четвертой – определенно дубинки и камни».

Но даже если мы станем единым человечеством: разве нам кто-нибудь обещал, что мы в самом деле сумеем справиться с проблемами сегодняшнего дня? Особенно, если прощание с миром национально-государственных эгоизмов надолго растянется – а оно и так уже запоздало на полвека. А если все же сумеем справиться? Можно не сомневаться, что возникнут новые, столь же серьезные проблемы, о которых мы сегодня не имеем понятия. Будущее свободного человечества, к счастью, столь же недетерминировано, как и будущее свободного человека в открытом обществе.

Но это уже тема для «Форума-3000».

Какие мы демократы — такая у нас и демократия

«Известия», 14 апреля 1998 г.

Права человека бывают только первой свежести

Что представляет собой современная российская демократия?

Становимся ли мы, наконец, свободными людьми?

Соблюдаются ли сегодня в России права человека?

Годятся ли вообще для нашей страны сами эти концепции: свобода, демократия, власть закона, права человека?

Сейчас многие задаются этими вопросами. Меня они занимали всегда. Когда-то этот интерес привел меня в тюрьму; позже — на высокий государственный пост. Тогда кое-кто недоумевал: что, собственно говоря, общего имеет защита прав человека с государственной политикой? Власть и права человека — две вещи несовместные, разве не так? Что же делает во власти этот правозащитник?

В государственной иерархии я был едва ли не единственным человеком с диссидентским прошлым. Диссидент, пошедший не просто в политику, а во власть! Хорошо ли это? Правильно ли? Не обзавелось ли новое начальство собственным ручным правозащитником? Ведь очевидно же, что, предложив человеку с моей биографией высокий пост, оно пытается таким способом улучшить свой имидж, подчеркнуть решительность разрыва с советским прошлым. Помню, как во время государственного визита в США в 1992 г. Президент Ельцин буквально указывал пальцем на меня и М.М. Молостцова: смотрите — при коммунистах они сидели в тюрьме, а сейчас — члены моей делегации. Какой еще демократии вам не хватает, господа американцы?

Иллюзия насчет «ручных правозащитников» развеялась, по моему, довольно быстро. Права человека, как и осетрина, бывают только первой свежести — или же никакой; поэтому у правозащитника, занимает он государственный пост, или нет, не существует выбора. Его дело — бороться с нарушениями прав человека. Выбор стоит перед самой властью. Или она достаточно мудра и сильна, чтобы понимать необходимость и полезность самоограничения, — и тогда она содействует становлению демократических институтов, развитию общественной свободы. Но в этом случае она должна быть готова к самой

жесточайшей критике; в том числе, и изнутри себя самой. Или же власть по-прежнему воспринимает права человека как товар «на экспорт». Тогда пусть не обижается, что люди, всерьез относящиеся к демократическим ценностям, не желают играть роль муляжей в витрине российской демократии. На это и без нас находятся охотники.

Естественно, довольно скоро от одних постов меня отставили, с других я сам ушел. Я и сейчас думаю, что поступал правильно: и тогда, когда «пошел во власть», и тогда, когда оттуда ушел. И то, и другое было на пользу свободе, демократии и правам человека.

«Освобождение духа» не состоялось

Впрочем, как только я написал последние несколько слов, в ушах зазвучали раздраженные голоса:

– Никак, Сергей Адамович, Вы опять собираетесь рассказывать нам про свободу и демократию? Вы и Вам подобные уже однажды заморочили нам головы этими пустыми словами. Толкались мы на митингах под вашими знаменами, «Долой КПСС!» кричали. А что теперь кричать – «караул»?

– Не кажется ли Вам, что пора признать: попытка ввести в России демократические и либеральные нормы общественной жизни по западному образцу – позорно провалилась.

– Свобода превратилась во вседозволенность; естественно, что в стране правят бал уголовники и вообще люди, не отягощенные никакими моральными предрассудками. Кто смел, тот и съел – вот формула нынешней российской свободы. Правда, при коммунистах вас, диссидентов, сажали в тюрьму, – а теперь этого, как правило, не делают (иногда, кажется, все же сажают, но теперь пытаются маскировать политические преследования хоть каким-нибудь липовым уголовным обвинением – как в случае с капитаном Никитиным). Но пусть даже Вы и ваши друзья получили право диссидентствовать, сколько вашей душе угодно: по телевизору, в газетах, на уличных митингах. Наконец-то вас не хватают, не тащат на Лубянку, не гноят в лагерях. Поверьте, мы рады за вас (хотя, скорее всего, вас не сажают просто потому, что никому вы не интересны – ни правительству, ни КГБ). Однако стоит ли это завоевание – личная свобода Ваша и Ваших друзей-правозащитников (шире – интеллигентов) – утрат, понесенных ста пятьюдесятью миллионами человек?

– Демократия? Посмотрите на наши демократически избранные парламенты, членом которых Вы неизменно оказываетесь! Вам, кажется, не нравился Съезд народных депутатов 1990–1993 гг.? А Дума 1993–1995 гг. Вам больше понравилась? А нынешние наши народные избранники? Брежневский Верховный Совет хотя бы не претендовал на роль главного цирка страны, а лишь на роль декорации в общем цирке.

– Равенство? Оно обернулось тягчайшим неравенством, и не только имущественным, что на Вашем любимом Западе принято считать нормой, – но и правовым, и социальным. Раньше у нас бесправны были все, кроме начальства; теперь бесправны все, кроме начальства, миллионеров и бандитов. И разница между этими тремя категориями стремительно исчезает.

Уделом большинства в Вашей «новой России» стала нищета, беспросветная и безнадежная борьба за выживание. Ничтожное меньшинство, правда, ездит отдыхать на Гавайи, покупает квартиры на авеню Фох и вообще наслаждается всеми благами свободы на доступном ему уровне понимания.

Культура вырождается, наука разваливается, уровень образования упал катастрофически. «Освобождение духа», которое сулили нам Вы и Ваши демократы, не состоялось.

– Все это – Ваших рук дело, С.А., и Ваших единомышленников. Только не начинайте нам рассказывать, что лично Вы ставили перед собой совсем другие цели, что изо всех сил боролись против такого развития событий, которое привело к нынешнему положению вещей – и, стало быть, не несете за него ответственности. Возможно, лично Вы – честный человек. Но, если так, то как честный человек, Вы должны признать, что цели Ваши были иллюзорны и завели Россию в тупик хуже прежнего, а Ваша борьба велась негодными средствами, раз мы пришли к чему-то, противоположному Вашим идеалам.

Ответ самому себе

Эти реплики уже довольно давно звучат в моем сознании. Нет, это не раздвоение личности. Отдельные пассажи подобных обвинительных речей мне приходилось слышать въяве – и довольно часто. В магазине, в метро, от случайного попутчика в поезде. И – в газетах, по радио, по телевидению. И – от старых знакомых, например (не раз), от коллег по прежней научной работе. И даже от некоторых сотоварищей по прошлой диссидентской борьбе.

И, самое главное, многое из сказанного выше не раз возникло в моих собственных размышлениях.

Та система ценностей, которую я защищал всю свою жизнь, сейчас слишком многими – и далеко не худшими – людьми ставится под серьезное сомнение. Я же по-прежнему остаюсь убежденным сторонником либеральных, демократических взглядов, основанных на концепции прав человека. Простая добросовестность требует объяснить – почему. Ведь во многом (прежде всего, в оценке текущей ситуации) я согласен с моими воображаемыми собеседниками. Увы, все, или почти все, сказанное выше, – правда.

Но это – не вся правда. И у меня есть что возразить моему оппоненту.

Да, многие политики из числа тех, что произносили и произносят те же слова, что и я, оказались лгунами, ворами или напыщенными дураками. Да, наши августовские демократические кумиры сразу после победы не нашли себе лучшего занятия, как собирать друг на друга чемоданы компромата; а затем, отталкивая друг друга локтями, демонстрировали их перед телекамерами. Омерзительное зрелище, – хотя и не хуже того равновесия страха, которое наступило после «разделения властей», проведенного на московских улицах в 1993 г. с помощью танков и гранатометов.

Но ведь это делали наши лидеры! Наши – в том смысле, что это мы с вами привели их к власти! Ибо правовая основа для функционирования в России демократических механизмов создана, причем это случилось не сегодня и не вчера. Уже семь лет мы всенародно и свободно выбираем главу государства, – но почему-то каждый раз разрываемся между Ельциным и Зюгановым, а не между Гавелом и, допустим, Линкольном. Что, среди ста пятидесяти миллионов человек нельзя найти одного порядочного, честного, энергичного и способного? Конечно, можно – просто мы не ищем.

Свобода союзов в России реализована еще раньше – Законом об общественных объединениях. Как мы воспользовались этой свободой в сфере политики? Создали эффективные и сильные политические партии, отражающие плюрализм мнений в обществе? Нет, – поддержали (в том числе и собственной пассивностью) возрождение компартии и усиление «либерал-демократов» Жириновского. И нечего на Думу пенять, коли рожа крива.

В России нет демократии? Ошибаетесь. Просто российская демократия (как и положено любой демократии) в точности

отражает уровень российского демократического сознания. Механизмы политической демократии, пусть несовершенные, существуют, – увы, мы не умеем ими пользоваться. Какие мы с вами демократы, такая у нас с вами и демократия.

Свобода слова и независимость прессы

Да, наша гласность, наша свобода печати скуплена на корню разными финансовыми магнатами. И хорошо еще, что разными, иначе вообще не было бы никакого отличия от главитовских времен. А так в прессе Березовского и Гусинского можно ругать Потанина и Чубайса, а в газете, принадлежащей Потанину, – поливать Березовского и Гусинского. И Президента можно критиковать (только не во время предвыборной кампании). Одна беда – нормальным людям это все совершенно не интересно. Что нам до того, что в прессе и на телевидении высказываются разные точки зрения, если они, в основном, купленные? Нам нужно, чтобы журналисты писали правду, а не заказные статьи. И нам, в общем-то, все равно, кто заказчик – ЦК КПСС или банкир X.

Но ведь давным-давно принят – и действует! – Закон о средствах массовой информации, реализующий то, о чем мы мечтали десятилетиями – свободу мнений. Государственной цензуры над СМИ действительно больше нет. Я не хочу сказать, что все положения этого Закона реализованы полностью (притчей во языцех стала подконтрольность местных изданий и телеканалов региональным властям); но, насколько мне известно, давление центральной власти на общероссийские газеты, радио- и телевизионные кампании не таково, чтобы нельзя было ему сопротивляться. Иными словами, значительная часть российских СМИ работает в условиях относительной свободы. Во всяком случае, эта свобода никак не меньше той, которую «явочным порядком» отстаивали диссидентские машинописные журналы в 1960–1970-е гг. Ну да, мы платили за это лагерными сроками, – но нам и в голову не приходило ограничивать независимость наших суждений. Сейчас, после отмены цензуры, вся пресса, от «Известий» до «Завтра», получила уж во всяком случае не меньшую свободу, чем та, которую самим своим существованием утверждал самиздатский правозащитный бюллетень «Хроника текущих событий». Но востребована ли эта свобода – обществом и самими СМИ?

К сожалению, свобода – это еще не независимость. Оказалось – и на демократическом Западе об этом уже давно знают –

что свобода печати, радио, телевидения включает в себя и свободу журналиста продаваться тому покупателю, которого он сочтет для себя более выгодным. Ну, и что – это разве значит, что на Западе нет свободных масс-медиа? Есть, конечно; просто там научились строить отношения творческих коллективов с «хозяевами» таким образом, что последние (в разной степени, разумеется) стараются без особой нужды не вмешиваться в дела первых. Попросту говоря, им это невыгодно, поскольку у желтой прессы – свои читатели, а у независимых изданий – свои. Кто, какие законы мешают нашему журналистскому цеху отстаивать подобную независимость? Что, разве это невозможно?

И что сделали мы, российские граждане, – не для того, чтобы поддержать журналистов в их попытках бороться за свое профессиональное достоинство (таких попыток, увы, крайне мало), а для того, чтобы независимость СМИ стала одним из общественных приоритетов?

Свобода средств массовой информации, как и любая другая свобода, осуществляется лишь постольку, поскольку она востребована обществом. То есть опять-таки нами, уважаемые сограждане.

Слова, слова, слова

Да, права человека в России грубо и откровенно попираются всеми, кто хочет и имеет возможность (деньги или власть, или и то, и другое) их попирать.

Кошунственно даже говорить о «праве на жизнь» (первом и главном из провозглашенных некогда прав личности), когда еще не осела земля на могилах ста тысяч убитых во время «наведения конституционного порядка» в Чечне. Но и со многими другими правами дело обстоит не лучше. Московский милиционер, проверяющий документы у «лица кавказской национальности», вряд ли слышал что-нибудь о «свободе от национальной дискриминации», – а если слышал, то, точно, не поверил. А уж слова Конституции о том, что «достоинство личности охраняется государством», для шахтеров, падающих в голодные обмороки на работе и возвращающихся к своим семьям в день полочки с пустыми карманами, звучат и вовсе издевательски. Равно как и утверждение о равном праве на защиту закона. Пожалуй, для банкира, у которого угнали «Мерседес-600», и бандита, у которого угнали «Джип-Чероки», милиционеры и в самом деле будут стараться с рав-

ным усердием: в одном случае им светят неофициальные наградные в несколько тысяч долларов, а в другом их могут снять с довольствия. А вот что, вам, читатель, скажут в отделении, когда у вас уведут ваш старенький «Москвичок» (если, конечно, он у вас есть) – это вы, наверное, лучше меня знаете.

О неприкосновенности частной жизни, тайне переписки, телефонных переговоров и тому подобных приятных вещах и говорить нечего. Ведь если видеопленки со сценами купания в бане членов правительства демонстрируют по телевидению, а записи их телефонных переговоров печатают в газетах, то, значит, кто-то эти сцены снимал, а разговоры – подслушивал. Интересно, кто? Впрочем, не интересно; всякому ясно, кто в нашей стране имеет такую возможность.

Стоит ли продолжать? Про свободу выбора места жительства? Про право на экономическую инициативу? На социальное обеспечение? На защиту от безработицы? На охрану здоровья? На доступ к культурным ценностям? На суд присяжных? На возмещение ущерба, нанесенного действиями государства? И так далее.

Все это так. И все же нельзя винить в нарушениях прав человека исключительно правительство. Сами по себе права человека – не более чем политическая доктрина, хоть бы их «гарантировали» тридцать Конституций и сто международных пактов. «Все это, видите ль – слова, слова, слова». Права человека воплощаются в политическую практику и повседневную жизнь людей при одном неперемennom условии: они должны быть правильно поняты не только властью, но и обществом.

Увы, наше общество еще очень далеко от этого правильного понимания. В самом деле: подавляющее большинство москвичей поддерживает на выборах так называемые демократические партии и блоки. И это же подавляющее большинство (кажется, называлась цифра 89%) одобряет действия мэрии по очистке столицы от кавказцев и прочих расово и географически неполноценных граждан Федерации. И никто, кроме горстки правозащитников, не желает понять, что демократия несовместима ни с какой дискриминацией, что приезжие (или, как теперь говорят, «иногородние») имеют ровно столько же прав поселиться в Москве, как и коренные ее жители, что надо, в конце концов, выбирать: или этнические чистки, или демократия.

Еще один пример. Мы точно знаем, что имеем право на защиту закона от преступных посягательств. И мы возмущены коррупцией, поразившей властные структуры, в том числе — правоохранительные органы.

Но в то же время подавляющее большинство моих сограждан горячо одобряет антиправовые меры, предпринимаемые властью в рамках так называемой «борьбы с преступностью». Единственное, чем мы недовольны, — это излишней мягкостью этих мер. Спросите людей на улице — девять из десяти скажут вам, что нечего миндальничать с преступниками, что надо ужесточить наказания, устрожить режим в лагерях, расширить применение смертной казни. И решительно исключить всякие «паньски вытребеньки», вроде доступа адвоката к задержанному сразу после задержания, и прочие процессуальные завитушки. Адвокат вообще для нас фигура подозрительная — защищает права преступников, да еще за деньги. А разве у преступников могут быть права?

И никто (не только власть, но и, в еще большей мере, общество) не желает понимать, что права человека потому так и называются, что ими обладает каждый человек, от рождения и до смерти, независимо от того, что он совершил и насколько он полезен (или вреден) для общества. Что как только мы начинаем делить людей по «сортности» — тут же права человека и кончаются. Любого человека, а не только «выбракованных особей». Что этот подход дает возможность власти и ее конкретным представителям самим проводить выбраковку, по своим собственным критериям, совсем не обязательно совпадающим с вашими. И не извольте обижаться, любезный соотечественник, если вы шахтер, которому месяцами не отдают заработанного, — это делается «в силу экономической необходимости». Точно так же, как вы, по соображениям социальным, гигиеническим и Бог весть еще каким, одобряете депортацию вшивых бомжей из больших городов. А вот в глазах правительства вшивый бомж (в экономическом смысле) — это Вы, работник неперспективного предприятия, сохранять которое, с точки зрения высших государственных интересов, нецелесообразно. Что ж, вы сами разрешили правительству руководствоваться соображениями целесообразности, а не права.

А сотрудник правоохранительных органов руководствуется собственными представлениями о целесообразности. Он не церемонится с задержанными, и вы это одобряете. Но с чего

вы взяли, что в данной ситуации он будет задерживать тех, кого считаете нужным задерживать вы? Он будет поступать так именно с теми, с кем он может не церемониться: ни банкир на «Мерседесе», ни бандит на «Джипе» к этой категории, разумеется, не относятся. А вот лично Вам, читатель, может и не повезти.

И когда правоохранительные органы позволяют себе переступить через право – коррупция, то есть сращивание их с преступным миром, становится неизбежной. Кто подсматривал за банными развлечениями моего однофамильца с девочками? Мафия или спецслужбы? А кто вбросил видеопленку с компроматом в прессу? Спецслужбы или мафия? А сам бывший министр юстиции Ковалев, кто он такой – член правительства или «друг друзей» солнцевской группировки? Уже и не разобраться.

Я вас не убедил? Вероятно, не убедил; но помните, во всяком случае, что я вас предупреждал.

И еще одно. В демократическом обществе граждане должны быть готовы не только пользоваться благами свободы, но и отстаивать ее от посягательств. Вроде бы мы это уже научились делать (вспомните митинги 1989-го, демонстрации 1991-го, две августовские ночи у Белого дома). А потом, как-то внезапно, разом, разучились.

Большинство моих соотечественников не одобряло чеченскую войну – это, несомненно, так.

Но неужели никто не понимал, что если бы в декабре 1994 на улицы столицы вышла бы хотя бы половина тех, кто сделал это в январе 1991, – никакой войны бы вообще не было, она завяла бы на корню.

Вышли сотни. А потом на пикеты стали выходить десятки. Вы проходили мимо этих пикетов, одобрительно кивали головами – и шли дальше по своим делам. И война шла дальше. Та война, которая всерьез и надолго (надеюсь, что не бесповоротно) подорвала надежды на возрождение России.

В чем дело? Вам лень было потратить один-два выходных, чтобы вытащить свою страну из выгребной ямы?

Нет, конечно. Вы и сами не можете внятно объяснить, почему вы не сделали в 1994 году, то, что делали в 1991-м. Самое большее, чего я добился бы, приставая к вам с этим вопросом, это неопределенных фраз, вроде: «Хватит, надоело!», «Довольно митинговой активности», «Все равно ничего не изменится».

Кажется, я догадываюсь, что вы имеете в виду.

Мы получили то, что просили

Те митинги 1989–1991 гг., которые вам так надоели, – не помните ли вы случайно, под какими лозунгами они проходили? Если нет, я напомню.

В 1988 году, на многотысячном митинге, проходившем в одном приволжском городе перед XIX партийной конференцией, ораторы один за другим решительно заявляли, что ныне правящий секретарь обкома – плохой и реакционный человек, который саботирует перестройку и гласность, не говоря уже об ускорении. И митинг столь же решительно и единодушно потребовал: *«Дайте нам другого, хорошего секретаря обкома!»*

Кажется, эта формула в столь определенном виде встречалась все же сравнительно редко. Но, похоже, именно она предельно лаконично выражает основные чаяния и надежды молодой российской демократии в первые годы перестройки.

Увы, не только в первые годы.

Сами лозунги вскоре сменились на иные, по видимости, более радикальные. Например: *«Долой КПСС!»*. Долой-то оно долой, кто же спорит? Но попробуйте честно вспомнить, что персонально Вы имели в виду, скандируя вместе с толпой эти шесть слогов?

Если честно, то Вашу мысль, скорее всего, можно выразить примерно следующими словами:

«Раньше у нас было очень скверное правительство, коммунистическое. Оно никому не давало свободы, и, наоборот, всех сажало в лагерь. Теперь мы это плохое правительство свергнем, и на его место посадим новое правительство – антикоммунистическое. Оно нам даст вдоволь свободы, демократии и прав человека. Оно будет править нами по справедливости, и все у нас в России станет хорошо».

Разве не так?

Ну, может быть, кое-кто еще вдобавок думал: *«И с продуктами полегче будет. Вон на Западе, говорят, одной колбасы по двадцать сортов в каждом магазине и каждый работяга на своей машине ездит. Это потому, что у них демократия. Наступит у нас демократия – и у меня будет собственная машина: не “Ауди”, так “Жигуль”».*

Нет, я вовсе не считаю, что Вы, читатель, думали лишь о колбасе и машине. Я вообще не считаю, что большинство думало о колбасе (хотя и в этом нет ничего дурного или унижительного). Я уверен, что большинство думало в первую очередь

о свободе и справедливости. И еще – о новом правительстве, которое нам эту свободу и справедливость подарит.

Вот эта, последняя, мысль и была нашей общей и, возможно, фатальной ошибкой.

Мне, право, неловко повторять азбучные истины, хорошо знакомые каждому грамотному человеку. О том, что свободу никто подарить человеку не может. И что никто не может помешать человеку быть свободным, если он решился принять на себя эту обременительную ношу (кажется, именно эту простую мысль выражают слова о «неотъемлемости» основных прав человека). О том, что справедливости не ждут от начальства. В нашем несовершенном мире справедливости требуют и добиваются всеми возможными законными способами. О том, что «демократическая власть» – это вовсе не то же самое, что «хорошая власть». Демократическая власть – это всего лишь власть, назначаемая народом, подотчетная народу и контролируемая народом. Она может быть хорошей, плохой или средней, – но она такая, какой ее выбрали мы с вами. Иными словами, мы с вами – это и есть демократия, как бы некоторых из нас не тошнило от этого слова. Вы желаете разочароваться в демократии? – пожалуйста. Но только имейте в виду: это Вы в себе разочаровались, в своей способности быть гражданином, в своем умении разумно пользоваться свободой, в своих силах, которые необходимы, чтобы нести ответственность за все, происходящее в нашей стране.

Боюсь, что именно это и происходит сегодня с моими соотечественниками. Они долго ждали от новой власти справедливого и разумного управления страной, вместо того, чтобы потребовать этого от нее. Теперь они ждать устали.

Мы просили новый обком? И нового первого секретаря во главе?

Мы получили все то, что просили.

Права человека как национальная идея

«Известия», 15 апреля 1998 г.

Был ли сэр Исаак Ньютон западником?

Чаще всего концепцию прав человека попрекают ее происхождением. Обычно говорится следующее: эта идея – порождение западной культуры, насквозь пронизанной индивидуалистическим мировоззрением. А у нас в России (Китае, Заире, Республике Сандвичевы Острова) индивидуализм никогда не был основой национального бытия. Западный европеец или американец руководствуется в жизни исключительно материальным интересом, а материальный интерес разъединяет людей. А для русского (китайского, заирского и т.д.) человека на первом месте стоят духовные, а не материальные ценности; соответственно, естественной основой нашей общественной и государственной жизни является не «общественный договор», не «система сдержек и противовесов», а – соборность. Или, сказать по-русски, консенсус. Поэтому мысль о том, что граждане имеют какие-то индивидуальные права, которые могут вступать в противоречие с общественными (читай: государственными) интересами, несовместима с русской (заирской и пр.) национальной идеей.

Мне не хотелось бы вступать в рассуждения относительно таких деликатных предметов, как органическая чуждость моих соотечественников низменным материальным интересам. Любой, кто участвовал когда-либо в спорах, возникающих, например, внутри гаражного кооператива, может составить по этому поводу самостоятельное суждение. Но мои оппоненты имеют в виду, конечно, более возвышенные предметы: культуру, мировоззрение, исторический путь страны. Что ж, позволю себе лишь два замечания. Во-первых: уверены ли они, что правовые, договорные отношения, разработанная система процедур, направленных на достижение компромисса, – разъединяют, а не соединяют людей? И, во-вторых: по части духовности и соборности мы, возможно, и уникальный народ; но вот по части рассуждений на эту тему мы отнюдь не уникальны. Немецкие философы разглагольствовали об особых свойствах германского национального мировоззрения, несовместимого ни с «французским рационализмом», ни с «англосаксонским

торгашеским духом», еще в начале XIX века. Кстати, именно у Гердера, Фихте, Гегеля позаимствовали идею «целостного национального мировоззрения» наши ранние славянофилы. Правда, в самой Германии такого рода философия вышла из моды после 1945 г.

Есть ли зерно истины в утверждениях современных почвенников? Да, есть. Действительно, основы системы прав человека, как и основы современного демократического государственного устройства, были разработаны в XVII–XVIII вв. в Западной Европе (прежде всего в Англии и Франции) и Северной Америке; там же новая теория была впервые применена в политической практике. Тогда же и там же были разработаны основы современной физики. Но можно ли считать современную физику «западнической» на том основании, что сэр Исаак Ньютон жил в Англии?

Конечно, философские концепции и общественные институты заимствуются не так легко, как естественнонаучные открытия. Любой народ в своем политическом развитии выбирает пути и формы, сообразуясь с собственной культурой, с собственными национальными традициями. Вот о культуре и о традициях я хотел бы поразмышлять.

Слуги отечества у алтаря отечества

Некоторые специфические черты русской национальной традиции в самом деле не способствуют укоренению в России уважения к правам человека. Это, прежде всего, склонность к сакрализации государственной власти и патерналистские ожидания. Мы привыкли относиться к государству как к некоей внешней силе, которую мы можем по-детски обожать или по-детски ненавидеть, но за действия которой мы не несем никакой ответственности. А вот оно, государство, отвечает за все, включая погоду. Ясно, что при таком раскладе нам действительно не нужны никакие права, как не нужны они трехлетнему ребенку.

Социальные истоки этой психологии понятны. Она была порождена исторически сложившейся особой ролью государственного аппарата в русском обществе. В течение веков государственная власть воспринимала себя как единственную общественную реальность в России, а все остальное, — культуру, экономику, науку, религию, собственных граждан, наконец, — в лучшем случае как объект деятельности. В худшем же случае любая общественная активность, пре-

тендующая на независимость от государства, воспринималась как досадная и злокозненная помеха, подлежащая немедленному устранению. Так, например, обстоит дело в течение семидесяти пяти лет существования коммунистического режима.

Эта установка на тотальность государства не могла, разумеется, пройти бесследно. Она и не прошла: обратите внимание, что и по сей день в газетных публикациях и даже в устной речи слово «государство» употребляется почти как синоним слов «Россия», «общество», «народ». Так, рассуждая о необходимости поддержать отечественную науку или образование, редкий журналист удержится от оборота типа «этого требуют интересы государства». Конечно же, он имеет в виду, что этого требуют интересы страны, но язык – великий разоблачитель – ясно указывает, что он плохо различает или совсем не различает общество и государственную власть. В его сознании они едины – как еще недавно были едины народ и партия.

Но язык – это еще и великий мистификатор, и языковые подмены не всегда происходит стихийно. Бывают и небескорыстные мистификации. Кто же заинтересован в том, чтобы национальные интересы устойчиво отождествлялись с интересами государственной власти? Разумеется, сама власть и заинтересована.

Однако «власть» – слишком абстрактное понятие, и когда мы наделяем эту абстракцию атрибутами живого существа, мы лишь усугубляем путаницу в умах. Очевидно, корыстные интересы свойственны только людям, и интересы эти могут быть личными или корпоративными. В данном случае мы несомненно имеем дело с корпоративными интересами той социальной группы, которая призвана осуществлять власть – с многочисленным и могущественным миром российских чиновников.

Социальной базой российского варианта власти всегда был и остается гигантский управленческий аппарат. Он поддерживает этот тип государства и в свою очередь поддерживается им.

Ни российское чиновничество, ни его советскую ипостась – номенклатуру, не следует понимать как своекорыстный слой взяточников и самодуров, управляющих от имени деспотического правительства. Это понимание было бы слишком примитивным. Русская бюрократия веками функционировала в качестве властной элиты. И за это время ей удалось выработать собственную идеологию и собственную концепцию государства. Российский чиновник (как социальный и культурный тип) – не просто нечистый на руку управляющий. Он еще и жрец

Власти, единой и неделимой, тотальной и несменяемой, Он представляет всемогущее Государство и сам наделен частичкой этого всемогущества.

Конечно, самосознание нашего чиновника предельно цинично, потому что раздвоено. Ведь помимо ритуальных функций, он все-таки должен решать конкретные управленческие вопросы. Он не только священнослужитель, он еще и менеджер. И как менеджер, чиновник не может не видеть неэффективности этатизма, доведенного до абсурда; но как жрец Левиафана он не может допустить и мысли о релятивизации идеи государства.

Революция 1917 года многократно усугубила эту традиционную болезнь российской государственности. Обожествление государства – разумеется, нового, пролетарского государства – достигло размеров, невиданных даже при царском режиме. После экспроприации частной собственности, ликвидации политических партий и подавления гражданских свобод, после разгрома организованного рабочего движения в стране не осталось места, где можно было бы укрыться от всепроникающего присутствия власти. Общество как сложная совокупность самоорганизующихся личных и коллективных прав и интересов, перестало существовать; личность осталась один на один с концентрированной мощью госаппарата.

Государство стало единственным работодателем не только для служащих управленческого аппарата, но и для рабочих, крестьян, ученых, литераторов, артистов и т.д. Возник и на протяжении жизни нескольких поколений существовал невиданный в новейшей европейской истории строй – государство-корпорация, охватывающая все население. При этом строе каждый человек, кто бы он ни был, оказывался в определенном смысле сопричастен к власти – но не как гражданин, контролирующей ее и заставляющий правительство работать для общественной пользы, а как винтик гигантской машины, лишенный возможности влиять на работу механизма в целом.

Это сформировало парадоксальную и двойственную психологию. Нигде так не ненавидели власть, как в Советской России. И нигде на нее не возлагали так много надежд, ибо власть стала всеобъемлющей категорией. Можно сказать, что это – психология чиновника, доведенная до абсурда: естественное человеческое стремление к независимости от вышестоящих сочетается в ней с бессознательным отторжением идеи личной ответственности за свою судьбу.

Внутри партийно-правительственной номенклатуры, кроме того, одновременно нарастало раздражение от необходимости пользоваться непонятной как санскрит или древнееврейский язык, марксистской фразеологией. Конечно, гегелевские основы марксистской философии позволяли приспособить ее к любому абсурду и оправдать любую несправедливость. Но это случилось для первого поколения советской элиты; тем, кто пришел на смену уничтожившей саму себя в 1930-е годы партии большевиков, не хватало на это ни образования, ни изощренности, ни желания. Наверху зрело подспудное убеждение в том, что все беды страны происходят от марксистского умничанья, и что хорошо бы отказаться от него совсем. Или хотя бы дополнить его старым добрым русским национализмом, прямо сказать народу, что величие государства – это и есть его, народа величие, что Советский Союз – прямой наследник Российской империи, в свою очередь унаследовавшей мировые права империи Византийской. Все коммунистические лидеры, начиная со Сталина, заставляли людей поклоняться идолам Державы, Нации, Власти, лишь слегка задрапированным марксистской фразеологией. Короче говоря, в среде госаппарата подспудно вызревала новая идеология – идеология державности. Сегодня тайное стало явным.

За державу – не обидно!

Державность – это вовсе не стремление к сильному и эффективному государству. Это – нечто прямо противоположное: языческое обожествление самодовлеющей силы государственной власти, поставленной вне общества и над ним.

Державному сознанию чуждо само понятие эффективности, которое предполагает, что государство должно служить людям. Ничего подобного: это люди должны рабски и преданно служить идолу государства, возведенному в ранг «национальной святыни».

Это совершенно извращенное, азиатское представление о роли и месте государства в жизни страны унаследовано нами не только от советского режима – оно насильственно прививалось национальному сознанию в течение всех десяти веков российской истории. В иерархии официальных общественных ценностей державная мощь (по легенде, направленная против многочисленных внешних врагов, а на самом деле занятая, в основном, подавлением собственных подданных) всегда стояла на первом месте. Власть полагалось обожать или ниспровергать, – но ни в коем

случае не относиться к ней рационально, как к полезному и важнейшему (но и крайне опасному, если не держать его под жестким контролем) институту самоорганизации общества.

Словом «держава» первоначально называли здоровенный металлический шар, который держали в руке во время торжественных церемоний сначала византийские автократы, сиречь самодержцы, а потом и русские цари, считавшие свою державу наследницей Византийской империи. Годился этот предмет разве что на то, чтобы лупить им приближенных по головам, – но наши державники именно эту византийскую древность сочли подходящей эмблемой своего мировоззрения. Правильно, в общем, сочли.

Совершенно ясно, что державная идеология в корне противоречит основному принципу современного государства – приоритету права. Между тем современное сильное государство может быть только правовым. Всякая попытка всякой власти встать над законом именуется в таком государстве произволом и является антигосударственным деянием. Никаких изъятий, никаких ссылок на высшие интересы государства (страны, народа) это правило не допускает.

Власть – необходимый, но опасный механизм; в отсутствие жесткого общественного контроля любая власть, в любой стране, начинает тяготеть к этатизму, к авторитаризму, к подавлению прав и свобод личности. Подобный контроль невозможен, если базовой ценностью станowiąтся «государственные интересы». Мы и пикнуть не успеем, как они тут же превратятся в «национальные интересы», а государство, соответственно – в национальную святыню. И тут самое время начинать размахивать шаром-державой.

Именно такую систему управления, под аккомпанемент разговоров о державном патриотизме, блистательно демонстрируют нам в течение последних нескольких лет. Особенно ярко державная идея проявила свою эффективность и умение решать реальные проблемы в период чеченской войны, как в деле развязывания конфликта, так и в ходе боевых действий. Вам понравилось?

Понятно, что пока наше национальное сознание, наша внутренняя и внешняя политика не избавились от комплекса державности, ни о каком соблюдении прав человека в нашей стране нечего и мечтать. А в глазах просвещенного человечества мы так и останемся нелепым соломенным пугалом, годным лишь на то, чтобы на собственном опыте учить других, как не надо жить.

С другой стороны, в нашем национальном характере и, особенно, в нашей культуре заложена и противоположная социально-психологическая модель. При благоприятных обстоятельствах и определенных усилиях со стороны интеллигенции, именно на основе этой модели можно будет сформулировать и реализовать «русскую идею». Не ту, о которой уже второй век невнятно толкуют нам националисты, а настоящую русскую идею, достойную великого народа с великой культурой. Вооружившись ею, мы будем в состоянии превратить нашу страну в действительно великую державу XXI века.

Эта идея – Право, основанное на неотъемлемых правах личности. Право, как единственный путь к извечной российской мечте: общественной справедливости. Я утверждаю, что эта идея укоренена в русской культуре уж, во всяком случае, не меньше, чем этатистский державный миф.

Отсутствие или неразвитость правовых норм, гарантирующих свободу и достоинство личности, были несчастьем России в течение всей ее истории. В русской литературе, в российском национальном сознании это несчастье обернулось высоким статусом такой категории, как справедливость, острым ощущением неразрывной связи ее с нравственностью. Русский менталитет отвергает возможность безнравственной справедливости или несправедливой нравственности.

Однако пафос человеческого достоинства и личной свободы в нашей национальной традиции сосуществовал с откровенным пренебрежением к процедурному праву, которое так важно для западноевропейского сознания. Достаточно вспомнить, как классическая русская литература – Достоевский или Толстой – описывала судебную процедуру: иронически, уничижительно, враждебно. Стремление к абсолютной, божественной справедливости заставляло их отвергать саму идею справедливости земной, человеческой, секулярной.

Это стремление, в сочетании с пренебрежением к кодифицированной процедуре, привело к тому, что в качестве средства для установления справедливости в обществе часть русской интеллигенции ухватилась за социологические теории двух немецких «профессоров» (профессорами ни в каком университете они не состояли, но мышление у них было, безусловно, самым что ни на есть «профессорским»). Теории оказались в основном неверными, а научная база, на которую они опирались, устарела уже в самый момент их возникновения. Но русским революционерам

показалось, что с помощью этих теорий можно будет установить в стране, — что там в стране, во всем мире! — справедливое общество, в котором человек будет по-настоящему свободен.

Попытка установить справедливость и свободу вне права и против права обернулась кровавым кошмаром и семидесятилетним господством одного из самых несправедливых и тиранических режимов в истории России и человечества.

Конечно, когда диктатура пребывала в террористической фазе своего развития, ни о какой ненасильственной борьбе за права человека не могло быть и речи. Единственной формой сопротивления людоедскому режиму могло стать подполье; и во второй половине 1940-х гг. в стране, действительно, возникло множество подпольных кружков, в основном — среди учащейся молодежи. Казалось бы, после смерти Сталина, когда за оппозиционные настроения перестали немедленно убивать, политическое подполье обрело определенную перспективу. В этом случае дальнейший ход исторического развития был бы предопределен: антиправительственная агитация, рост народного недовольства, революционные вспышки — и новая революция, скорее всего кровавая (разве революции в России когда-нибудь бывали бескровными?). А после революции, как водится — становление нового государственного монстра, сопровождаемое новыми репрессиями.

Однако мы «пошли другим путем», и это доказывает, что, вопреки распространенному мнению, уроки истории все же иногда чему-то учат. В последние десятилетия существования советского режима общественная мысль обратилась не к подполью, не к насильственному сопротивлению, а к праву.

Так называемое диссидентское движение, возникшее в СССР к середине 1960-х гг., было очень неоднородным и не очень массовым явлением. И нет ничего удивительного в том, что большинство зарубежных советологов попросту не обратило на него внимание. Они вообще были убеждены в том, что все события в России, достойные внимания, происходят на нескольких гектарах земли, ограниченных кремлевской стеной.

Я, между прочим, тоже не склонен переоценивать непосредственного влияния диссидентов на политическое развитие в СССР, хотя не склонен и преуменьшать косвенной их роли в падении старого режима. Диссидентская активность была, прежде всего, индикатором, показывающим эволюцию общественных настроений, направление, в котором развивалась независимая мысль. Но это — отдельный разговор.

Сама эта активность проявлялась в разных формах, чаще всего далеких от политики; но ее общим знаменателем было,

несомненно, ощущение нравственной несовместимости с несправедливым и жестоким к человеку общественным строем. Стержнем же ее стала борьба за права человека в СССР.

Правозащитное движение родилось в ответ на политические преследования диссидентов самых разных толков и убеждений. Этим преследованиям необходимо было противопоставить гражданскую позицию, свободную от политики и идеологии; апелляция к закону казалась единственно возможной и приемлемой для всех формулой. Но очень скоро правозащитники пришли к осознанию самостоятельной ценности права. Они открыли для себя и в какой-то степени для других фундаментальное значение прав человека в современной общественной жизни.

Я хотел бы обратить внимание читателя на одно чрезвычайно важное обстоятельство. Вопреки расхожим стереотипам, роль западных идей в зарождении и становлении правового сознания была, – во всяком случае, поначалу, – минимальной. Мы были отделены от Европы довольно-таки прочным железным занавесом, и наши представления о Западе были весьма туманными. Подавляющее большинство диссидентов было чудовищно невежественно в области современных правовых концепций, и мало кто имел представление об их роли и месте в западном обществе. На что мы опирались? На статью 125 советской Конституции, гарантирующую основные политические и гражданские права «в соответствии с интересами трудящихся». Я помню бесконечные дискуссии со следователями и судьями о том, как следует понимать эту клаузулу: то ли гражданские права соответствуют интересам трудящихся и потому гарантируются Конституцией, то ли они гарантируются лишь постольку, поскольку этим интересам соответствуют. Естественно, наши «оппоненты в погонах» отстаивали последнюю трактовку – ведь в таком случае окончательное решение о соответствии или несоответствии наших действий Конституции оставалось за ними.

Позднее в самиздате стала распространяться Всеобщая Декларация прав человека ООН; разумеется, при обысках этот подрывной документ неукоснительно изымался. А уж про Пакт о гражданских и политических правах или про Европейскую Конвенцию по правам человека в конце 1960-х знали только самые-самые «продвинутые» правозащитники.

Говорят, что роковой ошибкой ЦК КПСС была публикация в «Известиях» в 1975 году полного текста Заключительного Акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, включавшего и так называемую «третью корзину» – договорен-

ности о соблюдении основных прав человека всеми участниками соглашения. Разумеется, политические преследования после этого не прекратились; но миллионы советских граждан узнали о том, что некоторые из их прав защищены международным договором, подписанным и Советским правительством. В результате правозащитное движение получило новый импульс.

Вероятно, так оно и было (я в это время уже сидел); но становление движения произошло раньше и, в плане идейном, было типичным «изобретением велосипеда».

Мысль о верховенстве права не была заимствована Россией с Запада: она непосредственно вытекала из нашего жизненного опыта и из наших понятий о нравственности, сформировавшихся под влиянием, прежде всего, русской культурной традиции.

Что это доказывает? На мой взгляд, – что правовая идея имеет глубокие корни в нашей культуре и сознании. По крайней мере, столь же глубокие, как и российский правовой нигилизм. Если горстке диссидентов удалось самостоятельно «изобрести» эту идею, а затем, опираясь только на нее, выстоять против самого мощного в мире и крайне неразборчивого в средствах репрессивного аппарата – то, значит, ее перспективы в нашем обществе небезнадежны. А по своему ценностному потенциалу она вполне способна консолидировать нацию.

Мне могут возразить: высокий статус права в системе общественных ценностей – особенность психологии и мировоззрения русской интеллигенции, да и то не всей. Народу в целом это не свойственно.

Думаю, это возражение несостоятельно. Мы ведь говорим о целеполагании, – а это работа именно национальной интеллигенции. Что же касается так называемых широких масс, то я уверен, что в сознании большинства моих сограждан главными общественно значимыми проблемами были и остаются именно проблемы, связанные с несправедливостью и произволом. И если бы наши реформаторы не были столь сосредоточены на экономических преобразованиях, а занялись в первую очередь созданием в России эффективной и гуманной правовой системы, то и к социально-экономическим тяготам переходного периода сложилось бы иное, много более терпимое отношение. И об опасности коммунистической реставрации можно было бы забыть.

Выбор, стоящий перед Россией, предельно ясен: или мы выкарабкиваемся на дорогу права – магистральную дорогу развития человечества; или вновь застреваем в византийско-ордынском державном болоте.

И этот выбор зависит только от нас с вами.

Трагикомедия власти

*Выступление на правозащитной конференции,
организованной «Общей газетой». Москва, 3 июня 1998 г.¹*

Насколько мне известно, Юрий Михайлович Лужков, чье выступление было запланировано на начало нашей конференции, намеревался говорить о трагедии власти. К сожалению, он так и не приехал, но я готов подхватить его тему.

Эта тема не нова: ей посвящено множество шедевров мировой литературы – от «Макбета» до «Бориса Годунова». Юрий Михайлович прав: осуществление власти, особенно в России, всегда сопряжено с трагедией. Правда, иногда эта трагедия превращается в фарс. Но, как правило, в нашем балагане оба жанра прочно и безнадежно смешиваются. В чем Юрий Михайлович видит трагедию? Насколько я понял, речь идет о следующем: благие и разумные распоряжения власти искажаются до неузнаваемости малограмотными, тупыми или своекорыстными исполнителями. И мы не можем Юрию Михайловичу не посочувствовать: что, мы его чиновников не видали? Лужков абсолютно прав. Позвольте привести конкретный пример.

Ровно два года назад, 12 июня 1996 года, неизвестные террористы взорвали московский троллейбус. В тот же день Юрий Михайлович посетил место происшествия. И вот какой диалог услышали вечером по НТВ миллионы телезрителей. Цитирую:

Лужков: Сейчас нам тоже надо принимать меры. Надо – (плохо слышно) – из Москвы всех. Всех. Всю диаспору.

Милицейский генерал: Если Вы только разрешите, я, конечно, террор на улицах наведу.

Лужков: Да. Всю диаспору чеченскую отсюда.

Голос из-за кадра: Пора, Юрий Михайлович, Вы правы, пора.

Лужков: Мы их предупреждали.

Разумеется, я цитирую этот диалог не для того, чтобы еще раз упрекнуть московского мэра. Ясно же, что речь идет о рефлекторной реакции человека, потрясенного случившимся. Но трагедия российской власти в том и состоит, что ее природные рефлексы, не опосредованные правом, становятся немед-

¹ Сокращенный вариант выступления опубликован в «Общей газете».

ленным руководством к действию для исполнителей. Смотрите: мэр всего только и хотел, что мирно выселить из столицы всех чеченцев – а милицейский начальник уже готов «террор на улицах наводить». Типичный исполнительский эксцесс.

Однако, зададимся несколькими наивными вопросами.

Во-первых. Почему милицейский чин с такой легкостью готов воплотить в жизнь высказывания городского головы? Никакого бинорма Ньютона здесь нет. Совершен террористический акт. Надо срочно ловить преступников. А как их поймаешь, если они прячутся! А тут – простой, понятный и легко исполнимый приказ. Рискуя надоесть, повторю то, что говорил уже не раз: брUNETов много проще ловить, чем бандитов. Вот только безопасности для граждан от этого не прибавится. Кстати, если мне не изменяет память, террористов так и не нашли.

Во-вторых. Почему все-таки рефлекторные реакции власти таковы, каковы они есть? Давайте – мы же с вами правозащитники как-никак – исходить из презумции добросовестности власти. Будем считать, что она, власть, всегда хочет как лучше. Лучше для кого? Естественно, для большинства – ведь у нас теперь начальство сплошь демократическое и всенародно избранное. И разве для того, чтобы защитить интересы большинства, оно не вправе слегка наступить на хвост меньшинствам: кавказцам, бомжам, преступникам и прочим иногородним? Тем более, что голос из-за кадра такую политику всегда поддержит. А голос из-за кадра, как известно, – глас Божий. Кстати, я почти уверен, что политика ущемления прав русскоязычных меньшинств в Латвии и Эстонии, не говоря уже о Чечне, точно так же одобряется тамошним голосом из-за кадра – иными словами, большинством тамошнего населения.

Почему же мы, правозащитники, с маниакальным упорством защищаем права меньшинств, зачастую – меньшинств довольно несимпатичных? Что, права большинства чем-то хуже? Ничуть.

Просто-напросто права, затрагивающие интересы большинства населения, защищаются самим механизмом политической демократии, а именно – процедурой выборов органов государственной власти. И еще одно важное соображение: одного механизма политической демократии недостаточно для того, чтобы общество было демократическим. В демократическом обществе все граждане имеют равные права, и из этого принципа не может быть никаких изъятий. В конце концов, каждый из нас представляет собой наименьшее из меньшинств – человеческую личность. Если власть считает возможным во имя большинства лишать каких-то прав какое-то меньшинство,

не извольте обижаться, когда, во имя какого-то другого большинства (например, молчаливого большинства «лояльных граждан») она лишит каких-то прав нас самих. И тогда о демократии можно будет спокойно забыть.

Поэтому-то правозащитники и сосредоточены на защите прав меньшинств и, в особенности, отдельных людей. И, защищая эти права, они вынуждены иногда жестко критиковать некоторые действия власти. При этом нам крайне полезно понимать трудности самой власти. Но и власть должна же понять, что жесткая критика со стороны общественности не только допустима, но и необходима для нее самой. Тот факт, что московский мэр собирался посетить сегодняшнюю встречу правозащитников (пусть даже и не посетил, но само намерение обличает немалое мужество), показывает, что власть, кажется, начинает это понимать. Во всяком случае, я рад, что мой вечный оппонент и объект моих постоянных критических выступлений, Юрий Михайлович Лужков, всерьез рассматривал возможность прийти на открытие нашей конференции и даже выступить с приветствием перед ее участниками.

Что ж, раз так, то пора переходить от слов к делу. Почему бы, например, не сдвинуть с мертвой точки создание комиссии по правам человека при московской мэрии? После известного Указа президента такие комиссии были созданы во многих регионах. Где-то эти комиссии работают хорошо; где-то – плохо. Кое-где они составлены по преимуществу из представителей общественности и стали местом конструктивного диалога между правозащитниками и властью. Кое-где они созданы для видимости, и тон в них задают чиновники или представители карманных, ручных организаций. Но Москве, похоже, даже видимость не требуется. Много месяцев назад все мало-мальски значимые правозащитные организации Москвы поддержали обращение к мэру. В этом обращении содержались конкретные предложения по формированию комиссии и по организации ее взаимодействия с московской властью. В ответ – тишина.

Что ж, нежелание лицемерить – добродетель похвальная, но недостаточная. Хорошо бы подкрепить ее еще и смелостью. Вроде бы московский мэр не ищет легкой жизни. Мы ему легкую жизнь и не обещаем. Впрочем, в неравной борьбе власти с исполнителями такая комиссия могла бы в чем-то и помочь. Но при этом он должен быть готов и к резкой критике по его собственному адресу. Это нормально. И это полезно. И чем раньше власть на любом уровне поймет, что это нормально и полезно, тем лучше будет и ей самой, и нам всем.

Не забудьте выключить телевизор

Выступление на международной летней школе славистов-культурологов. Бостон, август 1996 г.

Мне почему-то кажется, что вам неинтересно было бы слушать мои соображения по поводу так называемой российской текущей политики. Признаюсь честно: и мне было бы неинтересно на эту тему говорить.

Поговорим о другом – о русском политическом театре последнего времени. И даже не о театре как таковом – о зрительном зале: партере, галерке, ложах.

Вспомним: совсем недавно, 10–15 лет тому назад, мы, те, кого принято называть представителями российской либеральной интеллигенции, смотрели телевизор довольно редко. Когда очередной многосерийный детектив или трансляция международного футбольного матча прерывалась так называемыми новостями, большинство из нас не поворачивало выключатель только потому, что лень было встать с кресла. А дистанционных переключателей в то время в России еще не было. И мы с отстраненным и довольно вялым любопытством наблюдали, как на экране очередной полумертвый вождь произносит очередную программную речь на съезде передовиков производства или принимает в Кремле очередного заморского гостя. Самые темпераментные из нас пытались угадать, что кроется за той или иной косноязычной фразой генсека и что означают те или иные изменения в традиционном порядке перечисления членов Политбюро. Впрочем, говорят, в те годы этим же были заняты и зарубежные советологи.

Во всяком случае, никому, – кроме, может быть, тех же советологов, – и в голову не приходило, что тени на экране имеют какое-то серьезное отношение к нашей повседневной жизни и вообще обозначают живых людей. Так называемая «большая кремлевская политика» была для нас кукольным театром, где непрерывно шло какое-то бесконечно скучное действие, не то фарс, не то литургия – без сюжета, без развязки, без характерных ролей, без злодеев, первых любовников и комических двойников. Думаю, что это ощущение условности происходящего равно разделялось интеллигенцией и рабочими, лояльными гражданами и теми, кого принято было называть диссидентами. Близлежащий начальник, путающийся

под ногами и мешающий зарабатывать, заниматься делом, или же следователь КГБ, донимающий повестками на допросы и грозящий лагерем, был куда более реальной и значимой фигурой, чем лица в телевизоре или имена на газетной странице. По отношению к последним смешно было испытывать какие-то эмоции, — разве что мимолетную жалость, когда явно умирающего старика, увешанного двумя пудами медалей, заставляли произносить двухчасовую речь с трибуны партийного съезда.

Лет восемь тому назад все стало быстро меняться. И дело, разумеется, не в том, что картинки на экране задвигались быстрее, а в энергичных речах и жестикующей нового героя-любownika время от времени начал проскальзывать какой-то оттенок осмысленности, что пьеса, кажется, приобрела сюжет и интригу, и возникла надежда, что в конце концов мы узнаем, кто же все-таки убил ювелира и украл бриллианты. Дело в том, что все мы, — и главные редакторы толстых журналов, и диссиденты, и следователи госбезопасности, и абсолютно, казалось бы, бессмысленные личности из партийного аппарата, — почувствовали себя не только зрителями, но и действующими лицами, в самом прямом смысле каждого из этих двух слов. По крайней мере, почувствовали потребность быть действующими лицами.

Один из самых пронизательных и тонких людей нашего времени, Андрей Дмитриевич Сахаров, уловил эту принципиально новую общественную потребность раньше и точнее многих других. Андрей Дмитриевич, как и многие другие диссиденты (и ваш покорный слуга в том числе), в течение многих лет строго придерживался неписаного правила диссидентской этики: каждый человек отвечает только за себя и за свои собственные поступки. Брать на себя ответственность призвать кого-то другого поступать определенным образом, идти на риск, на жертву — безнравственно и, главное, ненужно. Пафос диссидентства состоял в индивидуальном противостоянии насилию, вранью, бесправью. Когда мы заявляли, что не занимаемся политикой, не занимаемся «антисоветской деятельностью», — мы не лукавили. Мы — я говорю, конечно, о себе и о близких мне людях — действительно не ставили себе задачу кого-то или что-то освободить. Мы пытались всего лишь сами стать свободными людьми. И в этом смысле мы не занимались не только политической, но даже общественной деятельностью. Конечно, мы понимали, что наше желание быть свободными противоречит политическим видам правительства, что

правительство, вероятно, не без основания, считает, что эти попытки подрывают основы существовавшего политического строя. Так что правительство тоже не лукавило, сажая нас в лагерь за «антисоветскую деятельность». Но что такое правительство – всего лишь тени на экране телевизора!

И вдруг Сахаров резко, неожиданно для многих (а для многих – неприемлемо), меняет свою жизненную позицию. Все свои силы он кладет на то, чтобы раскачать людей, побудить их к активности, к действиям. Помню, как много было споров, правильно ли он поступает, отказываясь примириться с тем, что Президиум Академии Наук забаллотировал его кандидатуру при выдвижении кандидатов на Съезд народных депутатов СССР. У него были все шансы выдвинуть свою кандидатуру гораздо более демократическим способом, от территориального округа – и выиграть, и получить то, что казалось нам всем таким необходимым: трибуну Съезда. Нет, он поднимает институтскую общественность, клубы избирателей, и добивается-таки своего! Но как – совершенно неслыханным образом, благодаря митингу нескольких тысяч научных сотрудников академических институтов у здания Президиума. Позже я догадался: Сахарову нужна была не победа на выборах. Ему нужен был митинг. То есть митинг был нужен не ему, а нам, и Сахаров это понял. Это был тот самый митинг, с которого начались знаменитые московские манифестации 1989 года, ставшие реальным, а не условным началом новой эпохи. Множество людей почувствовали себя в сфере общественной жизни не телезрителями, а действующими лицами событий.

Я не буду пересказывать все, что произошло в следующие два с половиной года. Вы это помните не хуже меня. Кульминация – 1991 год. Этот год начался грандиозной полумиллионной манифестацией москвичей, остановившей кровопролитие в Литве. И закончился трехсуточным бдением у Белого Дома и падением старого режима.

Сейчас не принято вспоминать Август. Политики и журналисты если и говорят о событиях тех дней, то с извиняющейся либо иронической интонацией. Или же произносят пустые напыщенные речи в стилистике раннего русского классицизма: «виват, Россия!»¹. Интересно, из какого Сумарокова вытащила

¹ «Виват, Россия!» – название праздника, которое в 1996 г. администрация Президента пыталась приурочить к годовщине августовских событий 1991 г.

нынешняя идеологическая обслуга власти этот «виват»? Но тогда все было по-другому.

На шаблонном языке газетных статей то, что происходило в сознании людей в ту осень 1991 года, следует, вероятно, назвать «национальным подъемом». На языке культурологии я бы рискнул обозначить происходившее тогда как возвращение народу чувства Истории, из которой он был насильно выпихнут еще при жизни предыдущих поколений. Ну а социальная психология, наверное, обозначила бы это явление как возрождение гражданственности. Нет, неверно: все-таки это не было еще чувством подлинной гражданской ответственности – в подавляющем большинстве мы забыли, что такое гражданская ответственность. Но это был, несомненно, массовый порыв к гражданственности.

Понятно, что такие моменты в национальной истории случаются крайне редко, и то состояние умов, которое господствовало в обществе сразу после Августа, вряд ли могло сохраниться надолго. Понятно и то, что розовые надежды, сопутствующие подобным переворотам в жизни народа, должны были развеяться очень быстро. Но в счастливых обстоятельствах той энергии, которую приобретает нация в подобные моменты, хватает очень надолго – во всяком случае, на то, чтобы попытаться построить жизнь на новых основаниях. У нас, в наших несчастливых обстоятельствах, эта энергия почти моментально ушла в никуда.

Почему?

Повторяю, мне неинтересно проследить эволюцию новой власти, если можно назвать эволюцией стремительный регресс и властных институтов, и отдельных политиков в сторону прежних привычек и навыков, доставшихся нам, как утверждают многие историки, от византийских базилевсов и татарских ханов. Власть, она власть и есть. Ее и без меня, гораздо более успешно и профессионально, обличает множество аналитиков – публицистов и политологов. Но я глубоко убежден, что когда совершается грандиозная историческая трагедия, – а то, что происходит сейчас со страной и народом, иначе как трагедией, не назовешь, – каждый обязан спросить прежде всего с самого себя. И, рассуждая о том, как Ельцин, который казался таким хорошим и подходящим, превратился постепенно в сущее несчастье для страны, или о том, почему идея парламентаризма в России вот уже который раз оборачивается все более постыдным и позорным фарсом, необходимо отказаться от постановки отстраненных вопросов и предъявить претензии

не к Ельцину, Хасбулатову, Зюганову и Жириновскому, а к себе самим. Понять, чего собственно мы хотели, на что рассчитывали. Каким способом обманывали сами себя.

И вот тут мне хотелось бы вернуться на несколько лет назад, когда перестройка только набирала обороты. Вы помните, конечно, то презрительное и неприязненное отношение к коммунистической идеологии и атрибутике, которое безраздельно господствовало в общественном сознании на всех уровнях, от самого непросвещенного колхозника из какого-нибудь медвежьего угла, до квалифицированных рабочих, инженеров, институтской профессуры в столичных центрах. И особенно неприязненные и даже враждебные эмоции вызывало у людей местное партийное начальство – вот уж о ком слова доброго не услышишь.

И вот, весной–летом 1988 г. начальство самое верхнее – проще сказать, Горбачев – объявило об изменении кадровой политики партии и о том, что отныне на места будут назначаться лишь те начальники, которые пользуются доверием народа. И по российской провинции прокатилась волна собраний демократической общественности, партийной и беспартийной. И вся эта масса, несомненно, настроенная антикоммунистически, несомненно, жаждавшая перемен, выражала свои самые заветные чаяния одной-единственной фразой:

– Дайте нам другого секретаря обкома!

Конечно, те немногочисленные группки молодежи, которые уже тогда выдвигали лозунг «Долой обкомы!», не вызывали особенных симпатий. Между прочим, и у меня тоже. Не потому, что лозунг казался неправильным по сути или экстремистским, а потому что лозунг. А что такое лозунг как способ мышления, да еще начинающийся со слова «долой!», мы все очень хорошо знали. Но ведь беда была в том, что сторонники, так сказать, умеренности, тоже выдвигали не что иное, как лозунги. И эти лозунги звучали вообще как шаманские заклинания: «перестройка», «гласность», «демократизация». А кто вам даст эту самую гласность и демократизацию? Да все он же, секретарь обкома. Только новый. Вот мы добьемся нового секретаря, и он нам все сделает: и перестройку, и конституцию, и севрюжину с хреном. Только надо, чтобы хорошего назначили.

Позднее, в 1989–1991 гг., когда антикоммунизм уже был полудозволен и даже стал обязательным элементом хорошего тона, те же умеренные на митингах скандировали: «До-лой

капе-эсэс! Долой капе-эсэс!». Всем уже было ясно – коммунисты плохие, довели страну до ручки. (Точнее, все старательно делали вид, будто догадались об этом только сейчас.) А значит – что? Значит, надо прогнать этих мерзавцев-коммунистов от власти, и посадить в Кремль новое, хорошее, антикоммунистическое правительство. А уж оно нам устроит новое, счастливое, антикоммунистическое будущее. Давайте сядем в кресло, включим телевизор и посмотрим, как оно нам это делает.

Включаем. А на экране – черт знает что: рэкет, уличная преступность, развал экономики и всеобщее обнищание, падение культуры, полный беспредел чиновничества и так далее – этот ряд всем хорошо известен, и каждый может продолжить его по собственному вкусу. За что, черт побери, боролись? И где эти, наши, хорошие, которые так лихо рапортовали толпе у Белого Дома: «Мерзавец Крючков взят под стражу!»¹ и так трогательно винулись перед народом, что не уберегли троих московских мальчиков?

А вот же они, на том же экране. А за ними – холуи с чемоданами, а в чемоданах – компромат, компромат, компромат... У одного – двадцать два чемодана, а у другого – двести двадцать два. Друг на друга компромат. Сплошная черная магия и ее разоблачение. А потом – красочное батальное полотно под названием: «Всенародно избранная демократическая исполнительная власть подавляет коммуно-фашистский мятеж парламента» (или: «Кремлевский узурпатор расстреливает танками демократически избранный парламент» – кому как нравится).

Поймите меня правильно: я употребляю личное местоимение первого лица не для литературных красот. Ведь я же понимаю, что когда говорю «мы», то нарываюсь на неизбежный вопрос: «А Вы-то, Сергей Адамович, чем были заняты? Вы-то, между прочим, в отличие от нас, грешных, сами в так называемых коридорах власти толкались. Вы-то, между прочим, одно время формально считались одним из первых лиц государства: ведь омбудсман – это как бы четвертая ветвь государственной машины, независимая от первых трех; правда, без властных полномочий, но все-таки...». Наверное, я мог бы

¹ Фраза, произнесенная А.В.Ручкиным вечером 21 августа 1991 г. на площади перед Белым домом.

оправдываться, сказать, что я делал – хорошо ли, плохо ли – свое дело: занимался защитой прав человека в Российской Федерации и старался выполнять свою работу максимально честно и добросовестно. Что нашими, моими и моих коллег, усилиями принят ряд законов, написан очень неплохой раздел Конституции, защищающий – в ряде случаев уже сейчас реально защищающий – права и свободы граждан; что я и мои коллеги по горло были заняты, пытаюсь впервые в России создать реальные правозащитные механизмы на государственном уровне. Что когда безумие достигло апогея и началась бредовая чеченская авантюра, мы честно исполнили свой долг перед страной, что наши попытки донести до людей правду о происходящей на Кавказе войне оказались небезуспешными, что мы спасли две тысячи буденновских заложников и хоть ненадолго, но приостановили войну, что, в конце концов, и в сегодняшнем относительно мирном развитии в Чечне есть наш весомый вклад. Все это так, и я не собираюсь заниматься здесь самобичеванием. Но ведь, поймите меня правильно, те, другие «мы», сидящие перед телевизором, они ведь тоже в подавляющем большинстве делали и делают свою работу честно и добросовестно. Но меняется ли от этого хоть что-то в театре абсурда?

Положа руку на сердце, имею ли я право сказать самому себе, что сделал все, что было в моих силах, чтобы изменить роковые для России стереотипы отношений между обществом и властью? Я не молчал. Я работал, писал, выступал, даже однажды партийным строительством занялся – правда, без особого успеха. И все же, по самому последнему счету, – я слишком часто, фигурально выражаясь, сидел у телевизора. Чаще, чем имел на это моральное право.

Я, как и многие, разделял распространенные иллюзии о каких-то мифических специалистах в области политики и государственного управления, которые обладают опытом так называемой аппаратной работы. Конечно, говорил я себе, это люди не очень образованные, представления о демократии, о праве, о нравственных ценностях у них самые дремучие. Но ведь они же нас, интеллигентов, слушают, они явно искренне хотят учиться. И ведь, в отличие от нас, они «знают как». И когда мне становилось совсем уж не по себе от каких-то назначений, каких-то указов, я думал: «Может быть, ему виднее, он же, в конце концов, специалист в этих делах. Ведь он совершенно явно хочет того же, чего и я хочу, – сделать

страну свободной и процветающей». (Кстати, я и сейчас думаю, что у Бориса Ельцина действительно было и, может быть, до сих пор осталось искреннее желание добра, свободы и демократии.) И я не вмешивался не в свое дело. По крайней мере, не вмешивался активно и публично.

Гораздо позже, чем следовало бы, я начал догадываться, что тот опыт, на который я и мои единомышленники уповали, — весьма и весьма специфический опыт обкома КПСС. Что в новых условиях этот опыт не только не на пользу общему делу, а наоборот, приносит ему колоссальный вред. Что драматург и диссидент Гавел управляет свободной и демократической страной куда эффективнее и профессиональнее, чем бывший первый секретарь, перешедший на антикоммунистические позиции, — и это не парадокс, не счастливое исключение, это закономерно.

Что, я не мог понять этого раньше? Что, другие мои единомышленники, умные и образованные люди, не могли заранее предвидеть результаты этого властного эксперимента? Со стыдом подозреваю, что знаю ответ.

Надежда на «квалифицированного специалиста в области управления» — это всего лишь перевод на язык либеральной интеллигенции старого как Россия упования. Упования на дядю, взрослого, сильного и решительного, который справится со всеми нашими проблемами. Конечно, можно отказаться от этого упования. Но ведь тогда придется встать и выключить телевизор.

Корни этой инфантильности, видимо, уходят в далекое прошлое, и я оставляю историкам судить о том, когда и при каких обстоятельствах сформировалась это свойство русского национального сознания. Но почему оно так крепко сидит в нас сегодня, несмотря на весь наш опыт внутренней свободы — это я, кажется, знаю.

В Советском Союзе на протяжении жизни нескольких поколений существовал невиданный в новейшей европейской истории строй — государство-корпорация, охватывающая все население. Каждый человек оказывался в определенном смысле сопричастен к власти — но лишь как винтик гигантской машины, лишенный возможности влиять на работу механизма в целом.

Это сформировало парадоксальную и двойственную психологию; естественное человеческое стремление к независимости от вышестоящих сочетается в ней с бессознательным отторжением идеи личной ответственности.

И когда нелепый, жестокий и несправедливый общественный строй начал саморазрушаться, то культивировавшаяся десятилетиями психология безответственности привела к тому, что в сознании большинства единственными виновниками наших несчастий оказались коммунисты и правительство.

Невиданный подъем политической активности в 1989–1991 гг., в общем, сводился к простому лозунгу: «Долой КПСС!». Конечно, долой – кто спорит? Но что дальше?

Оказалось, что в условиях общественной свободы и политической демократии никакое правительство не может «сделать хорошую жизнь». Что «хорошего правительства» вообще в природе не бывает – разве что держать его на очень коротком поводке. И что жизнь – хорошую или плохую – люди должны строить сами.

Все эти простые соображения, являющиеся психологической основой гражданского общества, являются абсолютно новыми для советских людей. И для многих, увы, чуждыми.

Поэтому 1991–1996 гг. стали годами массового разочарования в идеалах свободы, демократии, гражданских прав. Кто-то затосковал по «реальному социализму», кто-то обратился к якобы новым идолам – Державе, Нации, Власти (на самом деле, совсем не новым – этим же идолам, слегка задрапированным марксистской фразеологией, заставляли людей поклоняться все коммунистические лидеры, начиная со Сталина).

Разумеется, в этом виноваты и мы, лидеры демократических движений и партий. Как ни странно, «комплекс телевизора» сидит и в нас, хотя мы сами, вроде бы, с экрана не вылезаем.

Егор Тимурович Гайдар – один из самых мною уважаемых людей и, смею надеяться, мой друг. Сейчас не только среди реакционеров и фашистов, но и в кругах демократической общественности стало хорошим тоном его проклинать и сваливать на него все беды страны. Я не разбираюсь в экономике, но твердо знаю: это умный, мужественный и честный человек. Я уверен в его высоком профессионализме и доверяю суждениям тех экономистов, которые утверждают, что Гайдар спас страну от катастрофы и сделал для ее блага все, что в силах сделать один человек. Но мне кажется неприемлемым и пагубным то, что в период своего недолгого премьерства он подчеркнуто и сознательно отстранился от всего, что не связано с экономическими проблемами, полностью предоставив политику

Президенту. В том числе и публичный комментарий хода его собственной, гайдаровской, реформы. Это – «комплекс телевизора» по Гайдару.

Григорий Алексеевич Явлинский – несомненно, интеллигентный и образованный человек. Во время президентских выборов я входил в штаб поддержки Явлинского и даже схлопотал за это выговор по партийной линии от своей собственной партии – ДВР. В начале кампании у Явлинского были немалые, чтобы не сказать – значительные, шансы на выигрыш. Затем его рейтинг начал медленно падать, а рейтинг Ельцина, наоборот, повышаться. Люди из окружения Явлинского, как замороженные, следили за развитием событий – и без конца считали, считали, считали. Они, как и сам Григорий Алексеевич, замечательно умеют считать. И они постоянно просчитывали ситуацию. Но никто, к моему удивлению, не задавался простым вопросом: а что нужно сделать, чтобы ситуацию изменить?

Это – «комплекс телевизора» по Явлинскому.

Но почему, собственно, я предъявляю претензии к элитарным и сравнительно молодым экономистам с довольно спокойной и благополучной биографией, если я сам – человек намного старше их, с диссидентским и лагерным опытом противостояния – вел себя в течение ряда лет ничуть не лучше? Разве моя вера в Ельцина – это не «комплекс телевизора» по Ковалеву?

Видимо, нам всем – и бывшим зекам, и бывшим научным сотрудникам престижных институтов, и бастующим рабочим – предстоит еще долго выдавливать из себя по капле общественную инфантильность, а из власти – политический патернализм. И вряд ли мы дождемся видимых результатов при нашей жизни. Как говорят, ситуация стабилизировалась. Выборы прошли, и власть вновь благополучно существует сама по себе, а страна – увы, совсем неблагополучно – сама по себе.

Ну, а что же показывают по телевизору?

А по телевизору показывают «Куклы» – остроумную пародию на российский политический Олимп, передачу, разумеется, немислимую при старом режиме. Как пел в 1960-е годы Юлий Ким в одной из своих песенок: «Прогресс куда-то движется, ребята, понемногу – ну, и слава Богу!»

Кукла Александра Лебеда загоняет палкой под стол куклу Владимира Жириновского; куклы Козырева, Грачева, Коржакова и кого-то еще трудноопознаваемого – наверное, Сосковца

или Лобова – с плеском валятся в воду с корабля, у штурвала которого твердо стоит, понимаешь, Главная кукла всего шоу. Где-то на корме, обнявшись, меланхолически напевают что-то историко-революционное куклы Зюганова и Анпилова.

Кажется, эта десятиминутная передача имеет уже более высокий зрительский рейтинг, чем полуторачасовые серьезные аналитические «Итоги» того же канала. Это правильно.

В древности верили, что сделать куклу человека значит получить магическую власть над его душой, подчинить ее себе. Сегодня душа российской политики переместилась в талантливое кукольное шоу, и иногда кажется, что там ей и место. Эти тряпичные персонажи куда более адекватно выражают ее сущность, чем сотни метров придворной кремлевской хроники вместе с километрами якобы независимых аналитических передач.

Самое главное – постоянно напоминать себе и другим, что мы-то сами все же не куклы. И не забыть вовремя выключить телевизор.

А.Д.Сахаров: ответственность перед разумом

Известия. 21 мая 1998 г.

Сахаров был для меня близким человеком.

Мне случалось соавторствовать с ним при составлении некоторых правозащитных документов, обсуждать текущие дела, спорить на актуальные, а иногда и достаточно абстрактные темы. Он сыграл огромную роль в моей собственной жизни: своими суждениями, советами, постоянным участием в моей судьбе – и не только в тот период, когда я сидел в тюрьме, но и впоследствии, когда мы встретились в Москве (он вернулся из горьковской ссылки через два года после моего возвращения из ссылки магаданской).

Но в этих заметках я хочу избежать темы «Сахаров и я» – касаться ее было бы неуместно и претенциозно. Я старался писать о нем отстраненно, как о незнакомом человеке. И единственная вольность, которую я себе здесь иногда позволяю – это называть Сахарова так, как его часто называли в нашем кругу: А.Д.

* * *

Кем был Андрей Дмитриевич Сахаров?

Гениальным физиком-теоретиком, автором ряда фундаментальных работ об эволюции и строении Вселенной?

Блестящим инженером-конструктором, сыгравшим решающую роль в создании советской версии «оружия Судного дня» – термоядерной бомбы (и одновременно автором – вместе с И.Е.Таммом – идеи, существенно приблизившей будущее использование термоядерного синтеза в качестве неиссякаемого источника дешевой энергии для всего человечества)?

Борцом против угрозы атомного Апокалипсиса, одним из инициаторов знаменитого Московского договора 1963 г. о запрещении испытаний ядерного оружия в трех средах (и, стало быть, человеком, причастным к спасению сотен тысяч жизней – наших и наших потомков)?

Героическим оппонентом коммунистического режима? Титаном, сокрушившим «империю зла»? Или – предтечей перестройки, человеком, который первым в Советском Союзе (почти за двадцать лет до Горбачева) осмелился заговорить о модернизации социалистического строя, об общечеловеческих ценностях и «новом политическом мышлении», о необходимости сближения двух противоположных общественно-политических систем?

Великим правозащитником, не устававшим бороться против попрания прав человека в СССР? Создателем идеалов, служивших ориентиром для общественной мысли далеко не только в нашей стране? Автором утопических проектов общественного развития, которым, если и суждено осуществиться, то лишь через полвека, не раньше? Умным и ответственным политиком, умеющим добиваться реальных результатов?

Позвольте мне оборвать этот перечень ненужных вопросов. Ненужных, потому что на каждый из них можно с уверенностью ответить: «да». И каждое такое «да», взятое отдельно, будет лишь частью правды. Но это вовсе не значит, что целостного и простого ответа на вопрос «Кем был Сахаров?» не существует. Просто этот ответ не следует искать в рамках стандартного набора определений-клише типа «физик», «инженер», «правозащитник», «борец с режимом», «политик» и т.п. Эти клише, в силу своей принадлежности к миру безликих штампов, немногим более содержательны, чем другие, из лживого ряда: «найма ЦРУ», «сионистская марионетка», «поджигатель войны» и как там еще честила Андрея Дмитриевича советская пресса.

И уж подавно противопоставлено нам, говоря о Сахарове, прилагать к слащавым банальностям типа «великий и простой», «выдающийся гуманист XX столетия» и т.п. Уж лучше сразу — агент ЦРУ и поджигатель войны.

* * *

Я не физик, и поэтому не рискну говорить о своеобразии научного гения А.Д. Сахарова. Тем более что об этом немало сказано и написано его коллегами. Мне хотелось бы попытаться оценить общественную деятельность Андрея Дмитриевича, разглядеть в ней нечто, существенное для сегодняшнего и, в особенности, завтрашнего дня человечества.

А что тут, собственно говоря, оценивать? Всем все и так известно: «А.Д.Сахаров был лидером советских правозащитников, непререкаемым моральным авторитетом для диссидентов во всем Советском Союзе». Эта характеристика роли Андрея Дмитриевича в общественной жизни страны стала в наше время почти общим местом. И в ней, действительно, немало истины.

Но вот ведь какой казус: высочайший авторитет А.Д. не стал препятствием для резкой (и чаще всего несправедливой) критики со стороны некоторых его друзей-правозащитников в 1987–1989 гг. Тогда, вернувшись из горьковской ссылки, он начал активно сотрудничать в ряде вопросов с новым руководством страны. Это сотрудничество вовсе не означало согласия

со всеми аспектами горбачевской политики. Так, с первого же дня своего возвращения (и даже раньше – в знаменитом телефонном разговоре с Горбачевым, позвонившим ему в Горький), А.Д. настойчиво требовал форсировать освобождение всех политических заключенных, резко критиковал унижительные условия, которыми было обставлено это освобождение. Не скрывал он своих расхождений с правительством и по многим другим поводам. Но блюстителей чистоты диссидентских риз это не интересовало – их глубоко шокировал сам факт сотрудничества с коммунистическим правительством. Как им казалось, это означало сдачу позиций. И самое мягкое, что можно было от них услышать в данной связи, это: «Что поделаешь, сдал старик. Еще бы – ведь на его долю выпали такие испытания!». А когда А.Д. согласился баллотироваться в народные депутаты СССР, находились люди, которые прямо обвинили его в отступничестве и в измене идеалам. Как же, ведь советская власть – нелегитимна, выборы – недемократичны и, вообще, вся горбачевская перестройка – убогая попытка замаскировать античеловеческую сущность режима. А академик своим беспринципным поведением помогает Горбачеву вводить людей в заблуждение. В воздухе повисло слово «коллорабационизм».

Авторы этих инвектив, люди вполне героические в своем противостоянии КГБ, представляются мне вполне искренними в своем негодовании, но – как бы это сказать помягче – не вполне способными проникнуть в суть тех принципов, которые они декларируют. В самом деле, право, как и демократия, – это не божественные скрижали, не Господне установление и не «моральный кодекс строителя коммунизма». Это – попытка достигнуть земной справедливости человеческими усилиями. Право и демократия – это не более, чем механизмы мирного разрешения противоречий, средства достижения компромисса между людьми. Больше того: и право, и демократия сами представляют собой разумный компромисс между реальностью и идеалом. Надо ли объяснять, чем заканчиваются попытки внедрить на земле царство идеала?

Критики Сахарова, увы, этого не понимали. А сам Сахаров никогда, кажется, не пытался высказать эту мысль в доступной для них форме – скорее всего, просто потому, что считал ее самоочевидной. Вообще, надо сказать, что Господь, наделив Андрея Дмитриевича многочисленными талантами, не одарил его способностью популярно объяснять свои соображения публике (это же свойство А.Д. отмечают и многие его коллеги по научной работе).

«Идеалисты» из числа «последовательных правозащитников» особенно яростно обрушились на А.Д. после одного его высказывания о жертвах психиатрических репрессий. Сахаров рискнул осторожно заметить, что некоторые из них в самом деле нуждались, как он выразился, «в доброй помощи врача». Разумеется, в этом немедленно было усмотрено чуть ли не одобрение наиболее варварского способа расправы с инакомыслящими (это у Сахарова-то!). Самое интересное: оппоненты А.Д. прекрасно знали, что он прав – просто они полагали, что об этом нельзя говорить вслух, ибо это может ослабить пафос разоблачения советской карательной психиатрии и снизить накал борьбы за освобождение ее жертв. Как будто суть расправы за инакомыслие меняется оттого, что объект этой расправы может в каких-то случаях действительно страдать определенными психическими отклонениями!

Эта полемика – прекрасная иллюстрация того, как догматическое мышление легко переходит в свою противоположность, превращаясь в систему ритуальных запретов и предписаний, а то и в прямое лицемерие, в «двоумыслие».

Да ведь Сахаров никогда и не претендовал на гордое звание «антисоветчика». Во всяком случае, он был не больше антисоветчиком, чем все мы – в том смысле, что все мы не одобряли реалий советского режима. Но мысль и действия А.Д. двигались, в основном, в совершенно ином пространстве. Его правильнее было бы назвать «советчиком», в обоих значениях этого слова. Он долгое время лелеял надежду, что советская власть способна решиться на то, чтобы реформировать себя сама (опыт показал, что он был прав) и что при этом она не рухнет, а укрепится (опыт показал, что здесь он ошибался). На самом же деле все это не имело для А.Д. решающего значения. Можно ли говорить всерьез о его «советизме» или «антисоветизме», когда речь для него шла о проблемах разделенного человечества и о путях преодоления этого разделения? Привыкнуть к особенностям глобального мышления Андрея Дмитриевича было трудно, для многих – невозможно.

Но Сахаров был «советчиком» и во втором смысле этого слова. Долгое время он был близок к верхам и привык говорить с верхами. От этой привычки он не отказался и в тот период, когда его всенародно объявляли врагом № 1 советской власти. Он упрямо продолжал давать советы тем, кто стоял у руля, и не его вина, а беда страны в том, что его не желали слушать. Сказанное отчасти относится не только к Сахарову, но и

к большинству выдающихся правозащитников 1960–1970-х гг.: как бы кто сегодня к этому факту не относился, с советской властью они не боролись и не намеревались бороться. Другое дело, что она с нами боролась изо всех сил – но это говорит не столько о наших намерениях, сколько о рефлексах власти.

Именно поэтому в годы перестройки очень немногие из единомышленников Сахарова осудили его «примиренчество». Большинство диссидентов поняло и приняло его позицию. Однако, максима «Да погибнет мир, лишь бы торжествовал закон» до сих пор воспринимается многими современными правозащитниками не как метафора, а как нравственный императив. И мало кто задумывается над тем, что древние римляне, придумавшие это выражение, никогда не сталкивались с реальной возможностью гибели мира – в отличие от современного человечества. Сахаров, по понятным причинам, не мог сбрасывать такую возможность со счетов. Поэтому для него всегда было кардинально важно не только то, соответствуют ли его действия неким идеальным требованиям, но и то, к каким конкретным последствиям они могут привести. Разумеется, при этом идеал не сбрасывался со счетов. По-моему, нравственный императив играл в сахаровском мировоззрении тройную роль. Во-первых, он был ориентиром, критерием, по которому А.Д. оценивал любые свои действия – но не в смысле догматического следования «предписаниям», а в качестве, если угодно, направления, в котором следует попытаться изменить реальность. Во-вторых, будучи ученым-естествоиспытателем, воспитанным на идеях современной физики, он прекрасно понимал, что бывают случаи, когда невозможно даже теоретически просчитать последствия того или иного шага – и тогда вступает в силу принцип: «Поступай как должно, и пусть будет, что будет». И, в третьих: нравственность далеко не всегда может указать нам, что должно делать, но она (опять-таки, подобно современной физике) постулирует вполне определенные запреты, «краевые условия», т.е. определяет то, как заведомо нельзя поступать. Вероятно, запреты типа «ни в коем случае нельзя избираться на Съезд народных депутатов СССР» или «не следует говорить правды, если она на руку твоим противникам» не казались Сахарову нравственно обоснованными. Не кажутся они таковыми и мне.

А.Д. не был ни святым, ни даже проповедником святости. Мне кажется, что изменение существующей общественной реальности представлялось ему задачей, требующей, прежде

всего, конструктивных решений. И всякий его призыв, начиная от первых громких общественных выступлений во второй половине 1960-х, всегда содержал конструктивные предложения. Другое дело, что эти предложения были несовместимы с догматическим мышлением – ни с правомерно-советским, ни, позднее, с правомерно-демократическим.

* * *

Сахаров был правозащитником, потому что считал соблюдение прав человека не только самостоятельной моральной ценностью, но и непременным условием разрешения кардинально важных для общества проблем. Это хорошо видно уже по первой его работе на общественные темы – трактату «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968). В самой постановке проблемы не было ничего особо нового (не для нашей страны, разумеется). Проблемы кризисного развития человеческой цивилизации, перспективы экологической, ресурсной и других катастроф были подробно изучены и освещены группой западных ученых, объединившихся в так называемый «Римский клуб». Неравномерность экономического развития разных групп стран, проистекающие из этого опасности для человечества, необходимость преодоления разрыва между богатым «Севером» и нищим «Югом», – тоже не открытие Сахарова. Наконец, об угрозе самоуничтожения человечества в ядерной войне уже тогда не писал только ленивый; правда, в устах крупнейшего специалиста по ядерным вооружениям эта тема звучала особенно убедительно.

Принципиально новым в «Размышлениях» – не только для СССР, но и для Запада – было, пожалуй, лишь утверждение о нерешаемости этих проблем в расколотом мире и о невозможности преодолеть раскол без демократизации общественной жизни и обеспечения интеллектуальной свободы. Пожалуй, до Сахарова только один человек столь смело связал между собой вопросы, ранее традиционно относимые к международной политике, с проблемой, относящейся к сфере прав человека. По странному, а скорее, закономерному совпадению это был другой великий физик XX столетия – Нильс Бор, который в 1950 году обратился в ООН с письмом о необходимости установления нового мирового порядка, «открытого мира», в котором всем будет гарантирован свободный доступ к информации. Вслед за Бором с аналогичным призывом выступили Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел и несколько других ученых. Как Бор, так и Эйнштейн с Расселом, обосновывая свои идеи, ссылались

только на необходимость избежать ядерной войны; через 18 лет их русский коллега развил и дополнил их аргументацию.

Но Сахаров не был бы Сахаровым, если бы, поставив задачу, не выдвинул конкретные предложения о том, как ее можно решить. Это очень простые, даже очевидные, и совсем не радикальные предложения. Что касается Советского Союза, то они сводятся к прекращению преследования инакомыслящих, широкой амнистии для политических заключенных, отмене цензуры, смягчению государственной монополии на экономическую деятельность, более сбалансированной и менее агрессивной внешней политике, большей открытости, интенсификации переговоров по разоружению на взаимной основе. Казалось бы, в этих предложениях нет ничего, угрожающего основам строя — но спустя двадцать лет попытка Горбачева осуществить именно эту программу приведет к самоликвидации режима.

Судя по всему, А.Д. в то время не считал крах социализма фатально неизбежным и даже желательным. В «Размышлениях» он предполагает, что в будущем разница между капитализмом и социализмом сойдет на нет в результате заимствования каждой из конкурирующих моделей наиболее привлекательных черт у своего антагониста. В более поздних работах Сахаров отзывается о перспективах «конвергенции» более осторожно и скептически: по-видимому он считает, что современный западный мир уже прошел или, по крайней мере, способен пройти свою часть пути, а вот в способности «реального социализма» к встречной эволюции у него возникают серьезные сомнения. Но его позиция в том, что касается первых и неотложных шагов по модернизации советского общества, остается неизменной. Социализм не выдержит такой модернизации? — ну и черт с ним! Значит, этот строй никуда не годится.

Интересно представить себе, что было бы, если советские руководители приняли программу Сахарова еще в 1968 году? Я думаю, что она и тогда привела бы к демонтажу советского режима, ибо этот режим принципиально несовместим со свободой и открытостью. Но весьма вероятно, что этот процесс шел бы намного менее болезненно, чем теперь.

Возвращаясь к источникам общественной позиции А.Д., можно сказать, что его правозащитная активность была неотделима от его политических взглядов. Сахаров не был «чистым правозащитником», и это резко выделяло его среди других борцов за права человека в СССР. Он ни в какой мере не был и политиком в традиционном понимании этого слова, ибо

понимал, что традиционная политика стала опасным анахронизмом. Но нельзя сказать, что он занимал какую-то промежуточную позицию между этими двумя полюсами. Скорее речь может идти о синтезе двух, казалось бы, принципиально разных подходов к общественным проблемам. Борьба за права человека в рамках этого нового мировоззрения приобретает особую глубину и значимость, потому что становится одновременно и борьбой за будущее человечества. Политическая активность также переходит в новое качество, ибо коренным образом меняются критерии ее оценки: политические абстракции, вроде «национальных интересов», уступают место обеспечению прав и интересов каждого члена человеческого сообщества.

Можно было бы сказать, что Сахаров как политик принадлежит не XX, а XXI веку – если бы мы были уверены, что будущее планеты предопределено и торжество Разума обеспечено автоматически. Сам А.Д. так не считал: он всегда утверждал, что будущее открыто, многовариантно и зависит от усилий каждого из нас.

Может быть, то, что я сейчас скажу, безграмотно с точки зрения строгой науки, но мне кажется, что эти особенности сахаровского подхода к общественным проблемам тесно связаны с его научным мышлением. Одно из выдающихся достижений Сахарова-ученого состоит в применении закономерностей физики микромира – квантовой механики – к области космологии – науки о происхождении и эволюции галактик. Результат этого подхода – ныне общепризнанную гипотезу, объясняющую так называемую «барионную асимметрию Вселенной» – он опубликовал в 1967 г. А в 1968 г. вышли «Размышления», совместившие концепцию индивидуальной свободы, относящуюся к кванту общества – личности, с глобальными проблемами развития общественной вселенной – человечества. Не отсюда ли и мысль о многовариантности развития, характерная для вероятностной теории, каковой является и физика микромира? Скажу больше, и пусть физики ругают меня, как хотят: бесконечные и по видимости бесплодные усилия А.Д. по защите конкретных людей, эти из раза в раз, от обращения к обращению повторяющиеся призывы к освобождению узников совести – Буковского, Осипова, Щаранского, Ковалева, Айрикяна, Марченко и многих десятков других, призывы, которыми неизменно заканчиваются все статьи и выступления Сахарова, каким бы общим вопросам они не были посвящены, – только ли из естественно-нравственного чувства они проистекают? Не предвидел ли он, что эти «малые возмущения» способны при определенных

условиях положить начало цепной реакции самоосвобождения общества? Если да, то опыт 1987–1989 гг. показал его правоту.

* * *

Произнесены слова «цепная реакция». И это неизбежно заставляет нас задуматься над главным, может быть, парадоксом сахаровской биографии. В самом деле, для большинства людей Сахаров-физик – вовсе не автор теории барионной асимметрии Вселенной, индуцированного тяготения или даже управляемого термоядерного синтеза. Он – «отец советской водородной бомбы», самого страшного оружия в истории человечества. Как примирить это обстоятельство с последующей общественной деятельностью А.Д.?

Года четыре назад писатель Виктор Астафьев даже обвинил Сахарова в лицемерии: «Создав оружие, которое сожжет планету, так и не покаялся. Такая маленькая хитрость – умереть героем, совершив преступление»¹.

Покойный Алесь Адамович, относившийся к Сахарову с огромным пиететом, считал, наоборот, что его общественная деятельность и была его покаянием. И с недоумением говорил мне, что сам Андрей Дмитриевич в разговоре с ним категорически отрицал эту гипотезу. По-моему, Адамович так до конца и не поверил этому, считая, что А.Д. просто не понравилось, что ему лезут в душу.

Думаю, что Астафьев был в большей степени прав, чем Адамович.

Разумеется, создатель оружия массового уничтожения, если он не бревно бесчувственное, не может не испытывать определенных эмоций. Мы все знаем это, что называется, из первых рук – от конструкторов американской атомной бомбы Роберта Оппенгеймера, Лео Сцилларда, не говоря уже о теоретиках – Эйнштейне и Боре. И Сахаров – не исключение. В его «Воспоминаниях», написанных в присущей ему сдержанной манере, мы найдем всего несколько фраз на эту тему. Но мы не найдем там никакого покаяния. Наоборот, в нескольких местах Сахаров прямо пишет, что до сих пор считает свою работу по созданию водородной бомбы правильной и полезной. И объясняет, почему.

Вот что интересно – в его объяснениях нет ни слова о патриотизме, которым на его месте мотивировали бы свое участие в проекте девять человек из десяти. Сахаров говорит совсем

¹ Известия, 30 апреля 1994.

о другом: о значении этой работы для всего человечества. Парадокс? Вовсе нет. Просто А.Д. до конца своих дней считал, что ситуация, при которой сверхоружие сосредоточено в одних руках, чревата огромной опасностью. И в этом утверждении, независимо от того, правильно оно или неправильно, нет ни грана антиамериканизма или ксенофобии, а только научный анализ, свободный от каких-либо идеологических или национальных предрассудков (если в 1947 г. Сахаров еще питал определенные иллюзии в отношении советской системы, то к середине 1960-х гг. он от этих иллюзий уже избавился – и тем не менее продолжал работать в Арзамасе-16 до тех пор, пока – после появления «Размышлений» – его не отстранили от оборонной тематики). Не думаю, что он опасался неспровоцированной ядерной агрессии со стороны США; но он полагал, что при отсутствии ядерного равновесия многократно возрастает опасность возникновения «обычной» войны, которая неизбежно перерастет в Третью мировую. То есть, он рассматривал свою работу над водородной бомбой как средство предотвращения глобальной катастрофы.¹

Прав ли был Сахаров в своих расчетах? Можно ли было вручать подобное оружие агрессивному и параноидальному режиму? Вспоминается еще один великий физик XX века – Вернер Гейзенберг, который, если верить легенде, в годы войны, возглавляя крупнейший физический институт Германии, всячески саботировал работы по созданию атомной бомбы для Гитлера. А Сталин, что – лучше?

На это можно выставить ряд возражений. Во-первых, Сахаров примерно до 1955 г. верил в разумность советского руководства, а Гейзенберг в разумность Гитлера не верил.

Во-вторых, для Гейзенберга речь шла не о восстановлении равновесия, а о создании сверхоружия, которым гитлеровская Германия обладала бы монопольно (о «Манхеттенском проекте» американцев немецкие физики ничего не знали или знали очень мало). В одной из книг, посвященной истории создания атомного оружия, приводится реплика интернированного американцами немецкого ученого, когда он узнал о Хиросиме: «Если бы мы знали о том, что в Америке уже ведутся подобные работы, нам не нужно было бы заниматься саботажем!». Сахаров и его коллеги – знали.

¹ Напомню ответ Альберта Эйнштейна на вопрос о том, какое оружие будет применяться в Третей мировой войне: «В Третьей – не знаю; а вот в четвертой – палки и камни».

И, в третьих, Гейзенберг работал в условиях, когда катастрофа – Вторая мировая война – уже разразилась. Сахаров же работал ради предотвращения новой, окончательной катастрофы – Третьей мировой войны.

Впрочем, сегодня споры по этому поводу неизбежно обращаются абстрактным морализаторством. Ведь правота Сахарова подтвердилась на деле: «равновесие страха» действительно позволило миру миновать критическую точку и избежать гибели. А к концу 1950-х, когда непосредственная опасность ослабла, можно было заняться теми проблемами, которые вытекали из новой ситуации, т.е. опасностями, порождаемыми самим этим равновесием. И А.Д. стал одним из наиболее настойчивых сторонников осторожного и поэтапного ядерного разоружения: сначала в качестве ведущего эксперта, к мнению которого не могли не прислушиваться советские руководители, а с 1968 г. – и в роли «публичного политика».

В запутанном клубке проблем Сахаров выделил самую острую и болезненную: радиационную опасность испытаний ядерного оружия (в конце 1950-х эта проблема была сравнительно новой, и советские физики мало о ней знали). Он оценил количество «косвенных жертв» каждого испытания и ужаснулся. Выступление А.Д. в 1961 г. против прекращения ранее объявленного моратория на испытания и стало его первой «общественной» акцией. Я поставил кавычки потому, что протест Сахарова был вполне келейным и выразился в настойчивых, но частных требованиях к правительству. Это вызвало энергичное неудовольствие Хрущева, возмущившегося беспардонным вмешательством ученого в политические проблемы. Но неудовольствие Хрущева не остановило А.Д., как не останавливали его позднее гораздо более энергичные меры, предпринятые против него Брежневым и Андроповым. А тогда он все-таки добился своего: именно его предложения легли в основу Московского договора 1963 г.

В дальнейшем Сахаров не раз высказывался по проблемам ядерного разоружения, и каждый раз его мнение было взвешенным, разумным и исходило не из абстрактных идеологических или моральных догм, а из существующих реалий. Оно было конструктивным – вот в чем главное отличие политических инициатив Сахарова от большинства других пацифистских выступлений.

* * *

Я так подробно остановился на этом вопросе, потому что сахаровский подход к проблеме ядерной опасности прекрасно

иллюстрирует особенности его мышления: конструктивность, масштабность, полная интеллектуальная свобода.

Разумеется, эти свойства обрекали А.Д. на одиночество и непонимание. Он был не понят в академической среде, когда «внезапно» стал заниматься общественными проблемами. И ведь даже стандартное объяснение о творческой истерзанности для его коллег-физиков не подходило! Оно не могло быть применено к человеку, в разгар своей диссидентской активности резко продвинувшему вперед теорию гравитации, а в период горьковской ссылки выдвинувшему идеи «обращения стрелы времени» и «многолистной Вселенной».

Он не был вполне понят и правозащитниками-диссидентами, что ярко проявилось после его возвращения из Горького – об этом я уже упоминал выше.

Он совсем не был понят Съездом народных депутатов в 1989 г. Это понятно хотя бы в силу колоссального интеллектуального и нравственного превосходства Сахарова над большинством депутатского корпуса. Но и его единомышленники-демократы из Межрегиональной депутатской группы – Ельцин, Попов, Собчак, Станкевич и другие – не всегда понимали его. Они учились быть политиками, т.е. лгать, умалчивать, оправдывать средства благой целью, словом – всему тому, что испокон веку определяло профессиональный уровень политика. Впрочем, некоторым из них, вероятно, и не надо было ничему этому учиться. Для таких смерть Сахарова была облегчением.

Я слишком резок? Хорошо, скажу мягче: большинство наших сегодняшних демократических политиков замечательно умеют просчитывать шансы и анализировать ситуацию. Некоторые из них научились приспосабливаться к ней. Но почти никто, увы, не стремится к тому, чтобы изменить ее к лучшему.

Именно поэтому после смерти Сахарова из него попытались сделать икону. Желание понятное: превращение человека (чуть не написал – живого человека) в икону – традиционный способ умертвить его и духовно. Но с сахаровским наследием это не очень получилось. И тогда о нем благополучно забыли.

* * *

Одни говорят, что Андрей Дмитриевич Сахаров был провозвестником «нового мышления». Другие называют его «основателем новой нравственности».

Да ничего подобного!

А.Д. был носителем абсолютно нормального и старого как мир мышления – то есть, мышления, основанного на разуме. Его интеллектуальная деятельность, касалась ли она науки,

политики или борьбы за права человека, в полной мере соответствовала тем качествам, которые и определяют настоящего ученого. Эти качества, на мой взгляд, можно свести к трем «бес»: бесстрашие, бескорыстие, беспристрастность (я имею в виду в данном случае свойства интеллекта).

Новая нравственность? Да нет же – самая обыкновенная человеческая нравственность, только очень последовательная. В последний раз она была с предельной четкостью сформулирована около двух тысяч лет назад, и я не думаю, что А.Д. сумел добавить к этим формулировкам что-то новое. Но опять-таки: недаром в древних преданиях человечества плоды, позволяющие отличить добро от зла, растут на древе познания. Обыкновенная человеческая нравственность, в отличие от святости святых и правоты пророков, основана на разуме – и ни на чем ином. А последовательность Сахарова в осуществлении нравственных принципов – это просто иное название интеллектуальной ответственности. Ответственности ученого.

Иное дело – сила этого интеллекта, за которым не всякий поспеет. Отсюда и впечатление новизны сахаровского мышления, и ощущение уникальности его нравственного потенциала.

К тому же наше трагическое столетие (как, впрочем, и предыдущие) одержимо бесами антиинтеллектуализма и иррационализма. А быть и оставаться трезвым в мире пьяных, бодрствующим в мире спящих – необыкновенно трудно.

Андрей Дмитриевич Сахаров был паладином Разума. Отсюда, кстати, и его демократические убеждения в общественной жизни. Ведь демократия – это единственная в истории попытка устроить общество на разумных основаниях.

Вокруг имени Сахарова можно выстроить разные контексты. Кто-то включает его в один ряд с Махатмой Ганди, Львом Толстым и другими проповедниками ненасильственных изменений. Кто-то склонен сравнивать его с Александром Солженицыным и Лехом Валенсой – выдающимися борцами с тиранией.

Все эти сближения имеют свои резоны. Лично я предпочел бы сопоставить физика Сахарова с геохимиком Вернадским, предложившим понятие «ноосферы» – разума, становящегося элементом геологической структуры нашей планеты, биологом Тейяром де Шарденом – автором «антиэнтропийной» теории эволюции и другими создателями новой целостной философии знания, в которой развитие человечества превращается в фактор космического значения.

Мне кажется, что Андрею Дмитриевичу было бы интересно именно такое сопоставление.

Заметки на полях кризиса

Сентябрь 1998 г.

Экономический кризис вызовет – уже вызывает – огромное оживление политической реакции. Основная масса наших сограждан глубоко убеждена в том, что в нашей стране существуют всего две политические силы – «демократы» и «коммунисты» (некоторые еще назовут «патриотов», но последние в целом более или менее ассоциируются с «коммунистами», – и это, в общем, правильно). Нынче у власти «демократы»: Ельцин, Гайдар, Явлинский, Черномырдин – кому какая разница. Именно они довели Россию до ручки. Стало быть, всех их надо гнать в шею.

Вообще-то, людей, которые полагают, что сегодняшний политический режим – это и есть демократия, не следует высокомерно третировать. С ними можно и должно спорить, их необходимо настойчиво и долго переубеждать – главным образом, объясняя им, что такое настоящая демократия. Но в данной статье я не ставлю перед собой такую задачу. Я обращаюсь если не к своим единомышленникам, то, по крайней мере, к людям, которые говорят на одном со мной языке и понимают, что Черномырдин – это одно, Гайдар – другое, а Явлинский – третье. Если мы не хотим окончательной политической катастрофы, то мы должны разобраться в том, что произошло со страной.

Одно очевидно: самые грандиозные за последние триста лет усилия модернизировать Россию в политическом, социальном, экономическом отношениях пошли прахом. Огромные жертвы, которые (поначалу – с пониманием и терпением) приносил народ, оказались, по видимости, напрасными.

Давайте, прежде всего, спросим себя: кто все-таки виноват в случившемся?

Нынче принято отмахиваться от этого традиционного русского вопроса. Нам говорят: сейчас не время для разборок. Иногда эта позиция небескорыстна, ибо ее защищают те самые люди, которым в первую очередь хочется задать вопрос об их персональной вине. Но дело даже не в этом: просто, не разобравшись в опыте последних семи лет (а не только последних двух месяцев), мы не сумеем найти правильных ориентиров на будущее.

Итак: кто виноват? Начнем с конца, т.е. с собственно кризиса.

Кириенко? Черномырдин? Банкиры?

Я не экономист и не берусь судить об экономических проблемах. Вроде бы, дело все началось с заявлений правительства Кириенко об отказе государства платить проценты по своим долгам, оформленным так называемыми ГКО; кроме того, правительство на три месяца запретило банкам выплачивать долги внешним кредиторам. Эти заявления будто бы и стали толчком, приведшим к обвалу.

Зачем же злодей Кириенко так нехорошо поступил со страной? Наверное, он просто очередной «мальчиш-плохиш», макроэкономист, монетарист, рыночник и пожиратель детей?

Да нет. Все гораздо проще: у правительства не оказалось денег, чтобы расплатиться по очередным долгам. Вот оно и сказало кредиторам: не будем платить. Плохо? Конечно, ужасно. Может быть, все же лучше было бы сделать так, как советовал Сорос, человек, который в этом деле кое-что смыслит, да и к России относится хорошо: провести осторожную девальвацию рубля, допустить скрепя сердце некоторую контролируруемую инфляцию, добиться новых крупных международных займов – и попробовать подешевевшими денежками расплатиться с кредиторами. Наверное, есть и другие, более хитрые и менее болезненные способы, известные ученым экономистам: всякие там жесткие привязки рубля к доллару, валютные комитеты и прочие премудрости, в которых автор этой статьи вовсе не разбирается. Очень может быть, что Кириенко выбрал не лучший путь, – и, значит, он виноват.

Но почему вдруг у правительства не оказалось денег, вот что интересно?

А вот за ответом на этот вопрос уже можно и не обращаться к экономистам. У нас нынче каждый ребенок знает, что такое «пирамида ГКО». Попросту говоря, правительство (не кириенковское, а еще предыдущее) поступило с участниками биржевой игры так, как г-н Мавроди поступал со своими вкладчиками: продажей новых бумаг расплачивалось по обязательствам предыдущих. А чтобы перевесить боязнь новых игроков, все повышало и повышало проценты выплат. Только черномырдинская пирамида была на много порядков больше, чем мавродиевская. И то сказать: еще в древнем Египте знали, что величие державы определяется высотой ее пирамид.

Что ж: когда пузырь лопнул, кто-то из участников биржевой игры (те, кто успел вовремя сбыть с рук свои бумаги) нажился, кто-то разорился, кто-то (большинство) оказался на грани разорения.

Но позвольте задать наивный и, конечно же, безграмотный вопрос. Всем известно, что больнее всего кризис ударил по старушкам-пенсионеркам, по врачам, учителям и прочим бюджетникам, словом – по малоимущим гражданам. Лично у вас, читатель, много знакомых старушек поместило свои сбережения в ГКО или играют на валютной бирже? У меня – ни одной. Как же так получилось, что именно они-то и пострадали больше всех?

Да ведь нам же объяснили: коммерческие банки покупали «сверхдоходные» ГКО, а правительство, чтобы расплатиться по возникающим обязательствам, вынуждено было выпускать новые бумаги – и так далее, начиная сначала.

Ладно. Попробуем потянуть ниточку с этой стороны.

Виноваты банки. Зачем они играют в азартные игры с государством – тем более, с нашим? Вот автор этой статьи тоже не удержался недавно, ввязался в жульническую лотерею на улице, – и кончилось тем, что проиграл все свои деньги. Но все же таки свои проиграл, не чужие. А банки? Они и свои деньги проиграли, и наши, и еще ненароком рубль обвалили.

Правда, говорят, что банки не так уж виноваты, что государство навязывало им эти злосчастные ГКО чуть ли не силой.

Наверное, и это справедливо.

И все же: как быть с бабушками-пенсионерками?

А о бабушках, в конце концов, государство должно заботиться.

Позвольте. Но государство как раз и выходит главным жуликом в этой жульнической игре!

Уж не говорю о том, что все последние годы именно государство беспрерывно обжуливало этих самых пенсионеров, учителей, врачей, военнослужащих и прочих бюджетников, месяцами задерживая им зарплаты и пенсии.

Ах, нет, – учителям и врачам полагается выплачивать деньги из местных бюджетов, а Пенсионный фонд вообще негосударственный.

Ну, да. И Сбербанк у нас теперь тоже имеет статус не государственного, а коммерческого банка. Да и ЦБ, как известно, независим от правительства. Будто бы!

Ладно, допустим. А что, разве кто-то освободил государство от обязанности следить за выполнением законов? А разве невыплата зарплаты не является вопиющим нарушением закона? Почему же око государево не видело этих вопиющих нарушений, а карающая десница власти не опускалась на головы виновных?

Опять наивный вопрос. Выплаты и не могли производиться вовремя – такого количества денег в стране просто не было. Власть это понимала и потому была снисходительна.

А почему в стране не было денег?

А потому, что черномырдинская пирамида – опять начинай сначала.

Что-то концы с концами в этой экономической логике не сходятся. Во всяком случае, я ее понимать отказываюсь.

Когда предприятие объявляет себя банкротом, его ликвидируют, а имущество описывают и продают с торгов. Бывало в старину, что владелец такого предприятия пускал себе пулю в висок. После него оставалась записка, что-нибудь вроде: «Неволью обманувши доверие достойных людей, вверивших мне свои деньги, и, не имея иной возможности смыть пятно со своего доброго имени, ухожу из сей юдоли скорби». И неполаченные долги, разумеется, после него тоже оставались.

А когда банкротом объявляет себя государство?

Оказывается, в этом случае оно первым делом начинает призывать своих кредиторов (т.е. нас – ведь это мы являемся кредиторами государства) еще пуще и без оглядки ему доверять.

Взять хотя бы замечательную в своей наивности идею Центробанка: предложить вкладчикам шести крупнейших коммерческих банков добровольно перевести свои вклады в Сбербанк, т.е. предоставить право впредь распоряжаться их деньгами тому самому государству, которое несет основную долю ответственности за произошедшее. Инициаторы этой идеи вполне серьезно ожидали, что народ с облегчением и радостью кинется отдавать свои вклады в распоряжение правительства; боялись только, как бы в толчее кого-нибудь не задавили. Воистину, безгранично доверие родной власти к нам, неблагодарным.

А чтобы уж никаких колебаний у людей не возникало, ЦБ даже поначалу хотел запретить поименованным шести банкам выдачу денег по частным вкладам – даже если они на это готовы.

То есть: не волнуйтесь, граждане, родное правительство готово полностью взять на себя заботу о ваших деньгах.

Шутники.

Кое-что о доверии

Доверие – ключевое понятие в современной демократии. «Правительство народного доверия» (конечно, не в том смысле, который вкладывает в это выражение Г.А.Зюганов) – это в определенном смысле и есть демократия. Смысл представи-

тельной демократии именно в том и заключается, что граждане *доверяют* управление страной своим представителям. Народ передает власть, суверенным носителем которой он является, людям, которых он счел достаточно честными и компетентными, чтобы ее осуществлять в течение определенного периода. Механизмом этой передачи власти являются всеобщие выборы. Это – азбука демократии.

Но для России представительная демократия – совершенно новая форма правления. Про коммунистические правительства Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и т.д., вплоть до Горбачева, можно сказать все что угодно. Можно спорить о том, правили ли они страной эффективно или неэффективно, проводили ли необходимую социально-политическую модернизацию или завели Россию в исторический тупик; можно даже оспаривать утверждения о том, что коммунисты удерживали свое господство над страной с помощью жестоких террористических методов управления (и сегодня находятся люди, которые с пеной у рта отрицают сам факт сталинского террора!). Лишь одно утверждение невероятно настолько, что даже Анпилов не осмелится его произнести: что бразды правления были вручены этим правительствам *народом*.

Аппаратные клики, сменявшие друг друга у власти в течение многих десятилетий, никем, кроме самих себя, не были уполномочены править Россией. Именно поэтому, а не только и не столько в силу своей революционной генеалогии, ни большевиков, ни уничтоживших большевиков коммунистов, нельзя рассматривать иначе, чем *узурпаторов*.

Горбачевская перестройка была отчаянной попыткой модернизации существовавшего режима. И составной частью ее стал ряд действий, направленных на *легитимизацию* этого режима, получение от народа мандата доверия на дальнейшее управление страной. Все мы помним, чем это предприятие закончилось. В конце 1991 г. и «всенародно избранный» Съезд народных депутатов СССР, и «законно избранный» этим Съездом Президент СССР ушли в политическое небытие вместе с самой аббревиатурой.

На долю России остались другие легитимно избранные институты власти: ее Президент, ее Съезд и Верховный Совет. А после того, как первый разогнал последних, явилась Дума – наш долгожданный российский парламент.

Что ж, и выборы Президента в 1991 и 1996 гг., и выборы Думы в 1993 и 1995 гг. проходили в относительно свободных условиях и без очень уж грубых нарушений и подтасовок.

К ним можно предъявить много серьезных претензий, особенно – к организации предвыборной агитации в 1996 г.; но сказать, что в условиях большей корректности расклад сил во власти и дальнейший ход событий серьезно изменился, я бы не рискнул. Ну, может, Зюганова бы выбрали, а не Ельцина; ну, наверное, в этом случае сегодняшняя катастрофа разразилась бы на два года раньше – какая, в сущности, разница?

Я, конечно, не забываю о прямых фальсификациях, вроде организации «выборов» 1995 г. в Чечне, или – на региональном уровне – возмутительных историй с отстранением неудобных кандидатов на выборах мэров в Нижнем Новгороде и, совсем на днях, во Владивостоке. Эти фальсификации чрезвычайно опасны в качестве правового и политического прецедента, особенно первая, совершенная с прямым участием судебной власти. Но все-таки на федеральном уровне эти фальсификации заметным образом пока не сказываются.

Что же, следовательно, нынешний политический режим имеет легитимное основание?

Увы, да. Президент Ельцин, который управлял страной до середины сентября нынешнего года и де-юре продолжает ею управлять, получил на это законный мандат народа в июле 1996 г. Парламент, который, кажется, прочно перехватил у Ельцина бразды правления несколько недель назад, получил аналогичный мандат еще в декабре 1995 г.

Иными словами, Россией правят люди, которым российские граждане в большинстве своем доверяют?

Самый короткий анекдот. Абсурдно даже произносить нечто подобное.

Сложилась парадоксальная ситуация: всеобщее недоверие к власти, осуществляемой по мандату народного доверия.

Может быть, доверие имело место в прошлом, но за короткий срок – два-три года – было утрачено?

Может быть. Хотя лично я, честно говоря, сомневаюсь и в массовом доверии образца 1995 г. к депутатам Думы, и в теплых чувствах народа к Б.Н.Ельцину в 1996 г. Но что вы скажете о хозяине, который нанимает для управления предприятием двоих управляющих (к тому же враждующих между собой) и вскоре с удивлением обнаруживает, что оба – бездарности и жулики, а предприятие разворовано? Кто в этом виноват – приказчики или сам хозяин?

Это мы с вами так замечательно распорядились нашим капиталом, и винить в этом надо не механизмы демократии,

а самих себя. Конечно, сделать это психологически нелегко; гораздо легче считать себя жертвой чьего-то заговора или обмана. На самом же деле мы стали жертвами самообмана.

Да, скажут мне многие, Вы правы. Но почему Вы считаете нас дураками, а себя самым умным? Что, мы не знали, что голосуем на выборах за лгунов, жуликов и мерзавцев? А что нам было делать, если приходится выбирать, например, между Зюгановым и Ельциным? Пожалуйста, можем в следующий раз проголосовать за Зюганова. Вам это больше понравится?

Нет, мне это совсем не понравится. Но гораздо больше мне не нравится то, что мои сограждане постоянно ставят себя в ситуацию ложного выбора между секретарем обкома и работником аппарата ЦК КПСС. Я не хотел бы настаивать на исходном духовном и идейном родстве обоих: я не сторонник люстраций, а из жизненного опыта как такового можно — теоретически — делать самые разные выводы. Да и разница между тем и другим очевидна: один сумел консолидировать вокруг себя новую властную элиту, а другой на первых порах опоздал на уходящий поезд (правда, сейчас он этот поезд догнал и довольно уютно в нем расположился). Но так ли существенна эта разница для нас с вами?

Оставим, однако, до поры до времени вопрос о ложности выбора и сосредоточимся на том факте, что именно таким этот выбор представляется многим моим соотечественникам. Что это значит?

Да очень просто: это значит, что в восприятии большинства власть как была, так и осталась в руках партийно-советской номенклатуры, слегка разбавленной молодыми технократами. Сама же эта номенклатура раскололась на две соперничающие между собой фракции: одна пользуется в общении с народом более современным «демократическим» языком, а другая — более привычным державно-патриотическим жаргоном.

Единственная новация состоит в том, что в своей борьбе обе группировки апеллируют к мнению нации.

Так что горбачевская перестройка в определенном смысле удалась: именно прежняя партийно-советская элита, точнее — определенная ее часть, получила легитимную власть. Другая часть, так называемая оппозиция, вероятно, получит ее столь же легитимным путем на следующих выборах. И, если у нее хватит ума, скорее всего не станет так уж сильно давить тех, кто займет место оппозиции, чтобы не потерять недавно обретенное право на политическое существование.

А демократы?

В самом деле: а как же демократы? Я имею в виду не тех «демократов», которые получаются простым вычитанием КПРФ из политического спектра, а общественных деятелей действительно демократической ориентации: Григория Явлинского, Егора Гайдара, Ирину Хакамада, Бориса Федорова и пр. То есть тех, кто никогда не был причастен к старой номенклатуре. Или тех, чья причастность к ней была эпизодической и не повлияла на их политическое мышление. Или даже тех, кто при старом режиме был близок к верховной власти, но своими действиями в течение последних десяти лет сумел подтвердить свой разрыв с прошлым (этих людей считанные единицы, но они есть – А.Н.Яковлев, например).

Замечу к слову, что не только причастность человека к номенклатуре не определяет стопроцентно его политической ориентации, но и непричастность: В.В.Жириновский, например, не принадлежал ни к партийной, ни к советской, ни к хозяйственной элите, однако его самоопределение как «либерал-демократа» можно смело отнести на счет гипертрофированного чувства юмора этого политика.

Говоря о демократах, я имею в виду политиков, разделяющих базовые ценности современной демократии: общественную свободу, базирующуюся на гражданских правах; порядок, поддерживаемый разделением властей и абсолютным приоритетом закона перед «политической целесообразностью»; верховный суверенитет народа над государственной властью. Проще говоря, я имею в виду тех политиков, которых называют демократами интеллигентные люди.

Как утверждение, что политическая элита страны осталась прежней, соотносится с наличием в ней вышеназванных политических лидеров и государственных деятелей?

Мне, конечно, тут же возразят: а где вы видите реальное влияние этих политиков на государственные дела? Разве что Гайдару удалось «порулить» несколько месяцев в 1992 и несколько месяцев – в 1993 гг. Разве что Чубайсу с Немцовым в 1997 г. дали возможность заткнуть несколько наиболее опасных дыр в экономике, после чего тут же отодвинули на вторые роли. После же формирования правительства Примакова в федеральной исполнительной власти было ликвидировано даже символическое присутствие людей с демократическими убеждениями.

Это, конечно, так. С представителями демократических партий и движений Ельцин поступил в точности так, как

в 1920-е годы большевики поступали с «буржуазными спецами»: им выделяли некие узкие участки в народном хозяйстве, а после того, как они выполняли свою работу, выкидывали на помойку или объявляли вредителями. Так и с нашими демократами. Будем называть вещи своими именами: их использовали.

Но почему демократические партии и движения, которым в 1990–1993 гг. Ельцин был обязан своими первыми успехами, фактически отказались от политической власти, предоставив распоряжаться ею старым проверенным обкомовским кадрам? От неуверенности в себе?

Да, отчасти именно от этого. Но еще и потому, что ими (по правде сказать, нами) не была сформулирована четкая политическая альтернатива обкомовской политике лидера нашей демократии. Считалось, что он, лидер, старый тертый калач, лучше справится с чисто политическими задачами, чем «молодые реформаторы». И последние радостно занялись учреждением в России рыночной экономики. А первый – укреплением собственной власти по рецептам, которые он выучил еще в Свердловске.

Грамотные молодые экономисты всерьез верили в то, что бытие само определит сознание, рыночная экономика сама раскрепостит инициативу масс и сама собой породит «средний класс», а уж этот средний класс обеспечит себе соответствующую «надстройку» в виде политической демократии. А обкомовские кроты рыли и рыли землю вокруг Кремлевского холма. Незаметно, как и положено кротам истории.

Года через три-четыре ребята спохватились: что-то не то у нас выходит. И маржа есть, и биржа есть, и дилеры, и киллеры – все как в Чикаго. А счастья как не было, так и нет. Между прочим, и с экономикой что-то не то получается. Вот, зарплату шахтерам выдать не можем, а на месте среднего класса – болото, а из болота олигархи какие-то вылезли и смотрят на нас внимательно и неприветливо.

Другие экономисты, те, которые в стороне стояли, хихикают в кулак и говорят: «Мы же с самого начала толковали, что вы все неправильно делаете: сначала биржу учреждаете, а потом маржу. А надо наоборот: сначала – маржу, а потом уже биржу». Или, может, сначала биржу, а потом спаржу.

Слово за слово, одни демократы ушли в непримиримую оппозицию к другим демократам, а те в ответ – в конструктивную оппозицию к первым. А кроты все роют и роют, аж Кремль качается.

К сожалению, никто не учил наших демократов правилам приличия. Например: профессиональные споры ведутся в академических институтах, а не в присутствии ста пятидесяти миллионов посторонних людей, которым эти экономические материи сугубо неинтересны.

А что им интересно? А им интересно, чтобы в стране был какой-никакой порядок. Чтобы чиновники-ворюги знали свое место и воровали хотя бы с оглядкой (о том, чтобы в России чиновники вообще не воровали, уже лет двести никто не мечтает). Чтобы в стране было равенство: не социальное – дураков больше нет, а равенство граждан в правах. Чтобы начальство не смело унижать людей, пользуясь тем, что оно – начальство, банкиры – пользуясь тем, что они банкиры, а бандиты – тем, что они бандиты. Чтобы государство смотрело на своих граждан не как на докучных насекомых, путающихся под ногами каждый раз, когда оно, государство, решает свои важные державные задачи (например – наводит конституционный порядок в мятежной провинции), а прислушивалось бы к их мнению. Чтобы лидеры страны не ввали на каждом слове, а хотя бы через два раза на третье. Чтобы граждане имели возможность знать о том, как принимаются важнейшие правительственные решения, чтобы свободно обсудить их между собой и решить – голосовать ли на следующих выборах за тех или этих. Чтобы права человека не просто декларировались на каждом шагу, а реально соблюдались и защищались – в том числе и государственными органами, и судами.

И, разумеется, чтобы в магазинах было достаточно товаров по доступным ценам, а детские пособия и пенсии не задерживались бы месяцами.

Вот что на самом деле интересно нашим согражданам. Во всяком случае, тем из них, кто голосовал бы на выборах за демократов без кавычек. Я уверен, что даже сегодня таких нашлось бы не так уж и мало. Но при единственном условии – если бы демократы сумели представить единую демократическую альтернативу как нынешней власти, так и ее комунно-патриотическим оппонентам. Иными словами, сформулировать внятную и честную политику.

До сих пор политика демократических партий и движений избытком честности и принципиальности не страдала. Приведу простой пример: игры вокруг объединения демократов перед выборами 1995 и 1996 гг.

Почему Г.А.Явлинский отказался на этих выборах от объединения с «выбороссами» Гайдара? Я участвовал в переговорах и могу засвидетельствовать: главным аргументом «яблочников» против объединения было следующее соображение. Гайдар непопулярен, ибо в бытность свою премьером принимал непопулярные меры. Следовательно, объединение с Гайдаром оттолкнет некоторых из тех, кто в противном случае проголосовал бы за «Яблоко». В частности, уйдут к конкурентам голоса колеблющихся – тех умеренных «патриотов» и сторонников «рыночного социализма», которые не хотели бы голосовать за коммунистов и жириновцев, но уж за Гайдара точно не проголосуют. Так что лучше выступить отдельно – в сумме две крупнейшие демократические партии получат больше голосов.

Думаю, что это был неверный расчет – в нем не учитывались голоса тех, кто готов был проголосовать именно за демократическое объединение, а видя, что демократы расколоты, просто не пришел к избирательной урне. В нем не учитывалась и возможность, что ДВР не пройдет пятипроцентный барьер, и голоса нескольких миллионов избирателей демократической ориентации послужат укреплению фракций КПРФ и ЛДПР (что и случилось; боюсь, что это последнее обстоятельство не слишком огорчило некоторых лидеров «Яблока» – еще бы, они ведь стали ведущей партией демократии). Но я думаю, это еще был и аморальный расчет. В самом деле, пусть даже он был арифметически безукоризнен, и объединенные демократы завоевали бы в Думе еще меньше мест. Но разве количество мест, завоеванных в парламенте, стоит дороже, чем честность перед избирателями и перед самими собой?

Я говорил тогда, что эта арифметика безнравственна. И слышал в ответ: «Ну, Сергей Адамович, сразу видно, что Вы не политик».

Да. В этом понимании слова «политика» я – не политик.

Но даже если мерить политику меркой успешности – где сегодня находится наша страна? Это, что ли, успех демократической политики?

Аналогичные, и еще большие, упреки я могу предъявить и собственной партии – ДВР. Как, например, можно было подержать на президентских выборах человека, лично ответственного за чеченскую войну?

И опять меня убеждали: это выбор политический, Ельцин – наименьшее зло, если он проиграет, в стране начнется экономический хаос, и все то положительное, что было сделано в экономике за годы реформ, разрушится. Вы, С.А., ведете себя как чистоплюй, а не как ответственный политический деятель.

Мне было очень стыдно; я почти почувствовал себя чистоплюем, а не ответственным политическим деятелем; но переступить через себя – не мог. Ну, не может демократическая политика быть безнравственной и циничной! Не должны демократы играть в игры по чужим правилам. Не имеют права.

Сегодня все то, чем нас пугали в 1996 г., – налицо. Экономический хаос налицо, и все то положительное, что было сделано в ходе реформ – и не только в экономике, – вот-вот прикажет долго жить. И это сделал не Зюганов. И даже не Ельцин. Это сделали демократические лидеры, оказавшиеся совершенно неспособными создать в стране мощную политическую силу, способную воспрепятствовать подобному финалу.

Возможно, еще и сейчас не поздно преодолеть раскол и объединить усилия, выступив с четкой и внятной совместной программой защиты демократических общественных ценностей. Но, кажется, для наших демократов любая катастрофа – лишь повод для выяснения отношений. Я уже устал призывать к объединению всех демократических сил перед лицом общей угрозы. Наверное, я больше не буду заниматься этим безнадежным делом.

Кризис доверия?

Да, а что же экономические реформы?

Говоря о бесплодно растраченных усилиях последних семи лет, не забыл ли я, что это годы великих преобразований в экономической сфере? Ведь за это время мы отказались от изжившего себя государственного управления экономикой, легализовали частную инициативу и утвердили право частной собственности!

Разве этого мало? Ведь уже два года назад некоторые политики провозгласили, что экономические преобразования необратимы. Государственному социализму пришел конец, и никакой Зюганов его уже не восстановит.

Что же, попробуем оценить качество наших экономических реформ. И Бог с ним, с кризисом; в конце концов, говорят, что это был просто несчастный случай: просто упали цены на

нефть, да тут еще азиатские фондовые рынки затрещали – вот России и пришлось туго. И перестаньте спрашивать про старушек; Вы же сами прекрасно понимаете, что это чистой воды демагогия. Лес рубят – щепки летят. Ну, не доживут Ваши старушки до всеобщего расцвета, ну, в конце концов и мы с Вами не доживем – но наши внуки еще увидят небо в алмазах. Мы заложили фундамент капитализма в России; достраивать его придется следующим поколениям.

Интересно, на какие шиши наши внуки будут строить капитализм? Это социализм можно было строить за бесплатно (точнее – оплачивать кровью своей и чужой), а для строительства капитализма денежки нужны. А денежки-то мы и просвистали – и те немногие, что были, и те, что за граница нам дала. Больше в ближайшие два-три столетия не даст.

И захотят ли еще наши внуки достраивать этот самый капитализм? Не боитесь ли вы, господа оптимисты, что наши же дети успеют им кое-что рассказать о капитализме по-русски – с рэкетирами из министерств и сборщиками налогов от группировок, ведомственными киллерами и банкирами в законе?

Право частной собственности? В самом деле, неплохое право. Это ведь не юридическая норма, а одно из прав человека, зафиксированных в самом одном из первых документов либеральной демократии – французской Декларации прав человека и гражданина. Сегодня оно рассматривается как часть более широкого права – права любого человека пользоваться плодами своего труда, свободы от произвольного отчуждения имущества в пользу государства.

Вот и расскажите про это право тем, кто месяцами не получает честно заработанных денег. Или тем, кто в одночасье лишился своих сбережений в результате государственных махинаций с ценными бумагами.

Отказ от государственного управления экономикой? Поговорите на эту тему с г-ном Маслюковым, а то и самим премьер-министром. А потом уже заявляйте о «необратимости перемен».

Раскрепощение частной инициативы? Это вы «челноков» имеете в виду? Такая частная инициатива была и до всякого капитализма, когда торговцы, чтобы закупить и выгодно продать свой товар, вынуждены были самолично отправляться в опасное путешествие, платить бесконечные пошлины разномастным феодалам, подвергаться нападениям разбойников. А по возвращении быть готовыми к тому, что местный владе-

тельный князек, у которого опустела казна, возьмет да и отберет себе три четверти всей выручки.

Но челноки – это, в общем, так, мелочь. Наверно, настоящие русские капиталисты – не они, а «красные директора» заводов, в одночасье сделавшиеся их фактическими владельцами? Те, кто, ставши владельцами предприятий, с величайшей готовностью присоединяются к забастовкам своих рабочих и вместе с ними гневно требуют выплаты задолженности по заработной плате – у государства, которое, строго говоря, ни к этому заводу, ни к этой зарплате уже не имеет никакого отношения. Иногда, правда, этому предприятию не платят за отгруженную продукцию; бывает, что неплательщиком оказывается правительство. Впрочем, того, что есть, как правило, хватает если не на директорскую дачу, то на зарубежные поездки во всяком случае.

До такого капитализма за рубежом никто еще не додумался, хотя о партнерских отношениях между трудом и капиталом там знают не понаслышке.

Или, может быть, рыночные отношения в России зарождаются в банках и финансово-промышленных группах? Ну, олигархи, ну, дурно воспитаны, ну, «заказывал» банкир Березовский убийство банкира Гусинского начальнику президентской охраны Коржакову. Может, Коржаков все наврал. А если не наврал – ну и что? В Европе, чай, тоже основатели промышленных и банковских империй не бойскауты были. А у нас почти бойскауты – комсомольцы. Вот обучат они своих детей в Гарварде – те, глядишь, совсем бойскаутами станут. А пока потерпим.

И вообще, наши банкиры – потрясающие альтруисты. Вот заговорили в правительстве Примакова о национализации крупных банков. Нет ничего удивительного в том, что данное правительство балуется с подобной идеей. Неудивительно и то, что данную идею поддерживают коммунисты, – она согласуется и с их идеологией, и с их экономическими теориями. Удивительно другое: ежели СМИ не врут, то национализацию приветствуют некоторые «олигархи» – то есть те самые проклятые буржуи, собственность которых и предполагается национализировать!

Вот такие у нас бескорыстные капиталисты. Вот такой у нас самокритичный капитализм.

Да бросьте! Нет у нас никакого капитализма – ни бандитского, ни олигархического, ни какого-нибудь другого. Эконо-

мический строй, сложившийся в Российской Федерации в течение семи лет экономической реформы (и до некоторой степени, в результате ее) – не капитализм. Это невиданный до сих пор в мировой истории строй, который я бы назвал так: *приватизированный социализм*. Или сокращенно – «*приват-социализм*».

Приват-социализм – это такой строй, при котором крупному – гм, термин «собственник» не очень уместен; ладно, назовем это существо «приват-директором» – так вот, крупному приват-директору предоставляется в полное (и практически бесконтрольное) пользование с правом продажи, передачи, наследования, залога и т.д. кусок бывшей государственной собственности вместе со всеми социалистическими отношениями: производственными, административными, интимными и прочими. Сам кусок может быть любым. Например: завод. Или зверосовхоз. Или министерство. Или отделение милиции. Или академический институт. Или армейская дивизия. При этом все, что удастся из этого куска выжать, принадлежит приват-директору *лично*; все, *кроме самого куска*. Это значит, что он не может, если даже захочет, выдрать свой объект из-под опеки соответствующих министерств и ведомств: пусть только попробует! Впрочем, кому надо пробовать – ведь приват-директор не несет решительно никакой ответственности за происходящее во вверенном ему куске социализма. Напротив, государство продолжает поддерживать его своими ресурсами, даже если тот за эти ресурсы систематически не платит. Налогов, как правило, он тоже не платит: от налоговой службы его всегда отмажет то ведомство, которое его, как бы помягче сказать, курирует. Оно же и ресурсы обеспечит, и беспроцентные кредиты, и бартер. Ведь чиновник тоже давно приватизировал свое ведомство на тех же самых основаниях и теперь хочет получить масло на свой кусок хлеба. Оба приват-директора кровно заинтересованы друг в друге.

Но приват-директор совершенно не заинтересован ни в том, чтобы данный фрагмент ушедшей великой эпохи превращался во что-то более современное (например, в нормально работающее капиталистическое предприятие, приносящее прибыль владельцу и акционерам), ни в том даже, чтобы сохранять внутри него кое-какие прежние правила: например, привычку дважды в месяц платить сотрудникам зарплату. С какой стати платить – ведь я эти деньги выкладываю все равно что из собственного кармана. Уйдут? Да куда они денутся с моего градо-

образующего предприятия – все равно в нашем Урюпинске другой работы нету.

Не ругайте «молодых реформаторов» – они хотели вовсе не этого. Они играли как умели. Они хотели как лучше. Нет, правда, я лично знаком со многими из них, и убежден, что это – знающие, честные и бескорыстные (уже вижу кривые усмешки на лицах примерно трех четвертей моих читателей – но это, ей-Богу, так) экономисты. Беда их – и наша! – только в том, что они слишком экономисты. Они напрочь забыли, что сами по себе экономические преобразования, не подкрепленные и, отчасти, не предваренные всеобъемлющей и радикальной правовой и политической реформой, бесполезны.

Но кое о чем забыли и приват-социалисты, от Березовского до Зюганова (последний ведь тоже приватизатор – он приватизировал державно-патриотическую идеологию государственного социализма последних десятилетий советской власти). Все они пользовались ресурсами социалистического государства, забыв о том, что эти ресурсы на пороге XXI века уже далеко не безграничны.

И первым иссяк ресурс, называемый доверием граждан. Он иссяк, по правде сказать, уже давно, в эпоху так называемого развитого социализма. Но в 1991 г. режим выпустил новые краткосрочные облигации, под заманчивыми названиями: «демократия», «права человека», «законность», «процветание» и т.п. Фишки эти были, увы, плохо обеспечены твердой валютой права и золотом действий. И по истечении семи лет пирамида доверия, выстроенная режимом, рухнула.

Сегодняшний кризис не имеет ни чисто экономического, ни даже не экономико-политического характера. Это, прежде всего, *кризис доверия*.

Обанкротилась не национальная экономика. Обанкротилась новая российская государственность. Более того, обанкротилась вся властная элита, порожденная этой новой государственностью.

Ведь сам курс национальной валюты – это, не в последнюю очередь, показатель доверия граждан своему государству. И августовские события показали лучше всяких выборов, каким кредитом доверия пользуется современная российская государственность у своих граждан.

Очень точно сказал недавно Борис Федоров по поводу кризиса в одном из своих телевизионных интервью: «Население проголосовало рублем». Он только забыл добавить, что голосовало

оно не против тех или иных правительственных мер (ясно же, что население в целом не очень-то разбирается в котировках ценных бумаг), а против сложившегося способа управления страной. Оно проголосовало против того типа отношений между гражданами и государственной властью, которое навязывалось России новым (а в значительной части своей – старым) политическим истеблишментом.

Поэтому сегодня мы подводим итоги целому периоду русской новейшей истории.

И раз так, то мы просто обязаны перейти от абстрактных категорий к конкретным действующим лицам, учреждениям и социальным группам, чтобы понять степень их ответственности за печальный итог этого периода.

О некоторых уже шла речь выше: Кириенко, Черномырдин, банкиры, демократические политики. Пойдем выше.

Виноват ли Президент?

Ответственен ли за нынешнее положение вещей Президент Ельцин?

Да, разумеется. И его персональная вина за происходящее – больше и тяжелее, чем у любого другого политика.

Во-первых, хотя бы потому, что именно Президент является главой исполнительной власти – и, стало быть, несет всю полноту ответственности за деятельность этой власти. Отправить премьера в отставку, назначить нового, через четыре месяца прогнать и его – дело нехитрое. Но нелепо считать, как это, кажется, считает наш Президент, что грехи уволенного премьера автоматически списываются с исполнительной власти. Они все равно остаются на том человеке, который возглавляет исполнительную власть, будучи уполномочен на это народом.

Во-вторых, по Конституции, Президент России – не только высший чиновник исполнительной власти, но и глава государства. Это значит, что именно он в первую очередь отвечает перед гражданами России за все, что происходит во всех ветвях государственной власти. Поэтому любые попытки сослаться на то, что парламент-де мешает Президенту и правительству управлять страной, стоят не больше, чем рубль по курсу ММВБ. Плохому танцору, как известно, может помешать все, что угодно. Да, большинство нашей нижней палаты не привыкло прислушиваться к доводам разума. Ну, что ж: это ведь не вчера выяснилось; и, ей-Богу, у Президента и его совет-

ников было достаточно времени, чтобы выработать принципиальную и последовательную политику по отношению к Думе, а не метаться из одной крайности в другую.

Когда корабль разбивается о скалы, бессмысленно говорить о вине непрофессиональных боцманов и недисциплинированных матросов. Морской закон прост и справедлив: за крушение всегда отвечает капитан.

Но это – сухая теория. А все-таки: в чем конкретно состоит вина гражданина Ельцина Б.Н., ныне занимающего пост Президента Российской Федерации, в крушении новой российской государственности? Не ответственность, а именно вина?

Возможно, мои слова прозвучат неожиданно грубо (а уж феминистки точно объявят против меня крестовый поход), но главную вину Ельцина я вижу в его немужском поведении. Или, если уж называть вещи совсем своими именами – в трусости и привычке ко лжи (что по большому счету одно и то же). И эти свойства нашего Президента проявились далеко не сегодня.

Не требуется никакой особенной смелости для того, чтобы влезть на БТР и объявить оттуда о начале всеобщей эры свободы и процветания. Смелостью было бы сказать прямо тогда же, сразу после подавления августовского путча правду: что испытание свободой – тяжкое испытание, что испытание это только начинается, что самое трудное – впереди. И что если мы хотим начать жить достойно, свободно и по совести, то должны пройти через все эти трудности.

Что, Борис Николаевич не понимал всего этого? Наверняка понимал, как любой нормальный человек. Просто сработала обкомовская привычка врать и сулить народу молочные реки с кисельными берегами. Другое дело, что в условиях демократии вранье не может быть бесконечным. Сегодня продолжать врать по-прежнему уже невозможно, а как врать по-новому – еще не придумали. И Президент все чаще прибегает к глубоко-мысленному молчанию.

Какое все это имеет отношение к сегодняшнему экономическому кризису? Самое прямое.

Я знаю, что лишь ничтожное меньшинство моих соотечественников разделяет мое мнение о первом правительстве Гайдара как о героической команде профессионалов, спасшей Россию от голода и разрухи страшной зимой 1991/92 гг. И я не собираюсь здесь отстаивать это свое (сознаю, весьма спорное) суждение. Но я знаю другое: к этому же меньшинству отно-

сился и Президент России Б.Н.Ельцин. И сдал он Гайдара Верховному Совету в декабре 1992 г. не потому, что разуверился в его экономической программе, а лишь потому, что поддался напору хасбулатовской оппозиции. Он попросту испугался за свою власть и за свою популярность в народе. Думаю, именно этот шаг заложил первые кирпичики в фундамент экономической катастрофы 1998 г.

В мае 1993 г. референдум продемонстрировал ясную волю народа к продолжению реформ. Но Президент не решился открыто пойти с народом, открыто порвать со старой советской политической и хозяйственной номенклатурой, выходцем из которой он оставался, во всевластие которой продолжал верить, привычки и навыки которой оставались и его собственными привычками и навыками. Он испугался собственной победы, которая требовала от него решительных действий, – и не предпринял ничего. Робость Президента обернулась для нас октябрьской кровью, крахом цивилизованного парламентаризма в России и укреплением реакционного национал-коммунистического большинства в нижней палате.

Новые настроения в политической элите России, все более отчетливый ее поворот от курса на демократического развития к замшелым идолам державности и патриотизма, еще больше напугали Ельцина и его советников. В этой ситуации была выбрана наихудшая из возможных стратегий: перехват лозунгов у оппозиции. Исполнительная власть из последних силенок принялась изображать из себя Медного Всадника, оставаясь по существу гипсовым муляжом. Кульминацией этой политики стал декабрь 1994 г.

Личная вина Президента в развязывании бездарной и преступной войны не вызывает сомнений, кажется, ни у кого. А вот о мотивах этого самоубийственного шага, по-моему, мало кто задумывается. Я убежден: Президент попросту струсил перед державниками-«патриотами» и решил показать себя большим патриотом и государственнымником, чем Жириновский и Зюганов вместе взятые. Мне кажется, он довольно быстро понял, во что вляпался. Что же помешало ему быстро и решительно вытащить страну из кровавой авантюры, им самим инициированной (в 1996 г. Лебедю хватило на это полутора месяцев, – а ведь генерал тоже не сразу решился противопоставить себя «ястребам», в первые дни своего пребывания на посту секретаря Совбеза он даже прикрывал их действия и заявления)? А вот это самое и помешало: он попросту

не решался признать собственный катастрофический промах. И опять-таки оставалось только врать. Что такое было правительственное вранье в период чеченского конфликта, никому напоминать не надо – все помнят.

Сегодня для преодоления кризиса необходимо, прежде всего, доверие народа государственной власти. В Южной Корее, например, именно призыв президента Кима к доверию и национальной консолидации, услышанный населением, позволил стабилизировать экономическое положение. Но кто сегодня в России отважится призвать народ еще раз довериться государству? Какому государству? Государству своекорыстному, государству трусливому, государству лгущему и стреляющему? Государству, которое олицетворяет и которое по Конституции возглавляет Борис Николаевич Ельцин – Президент, как нынче принято выражаться, действующий, хотя неизвестно, что хуже – его действия или его бездействие?

Что касается действий и высказываний Президента в самое последнее время, то нельзя не признать за ним удивительную способность одним мановением пера вводить страну в оторопь. Я не берусь судить о том, действительно ли нужно было в марте отправить в отставку правительство Черномырдина, – но поступить с ним так, как это было сделано, не удостоив страну ни малейшим объяснением причин отставки, мог, конечно, никакой не Президент России, а только секретарь Свердловского обкома КПСС.

Возможно, экономическим советникам Президента уже тогда стала ясна опасность продолжения правительственных махинаций с ГКО, приведших, в конце концов, к августовскому обвалу. Но почему же Президент не мог сказать об этом открыто (конечно, не взваливая всю вину лично на В.С.Черномырдина, а публично приняв положенную по Конституции часть ответственности на себя)? Ведь насколько легче было бы работать «пожарной команде» Кириенко после такого прямого и мужественного шага! Нет, Ельцин промолчал. Почему? Боюсь, ответ на этот вопрос слишком очевиден.

И, наконец, последние шаги Бориса Николаевича, граничащие уже не с преступлением, а с безумием: капитан сам направил судно на скалу. Еще в середине августа Ельцин заявлял о полной поддержке кабинета Кириенко. Потом, уже после финансовых потрясений 17 августа, мы вновь услышали из его уст старую сказочку о 38 минфиновских снайперах, каждый из которых держит на прицеле своего банкира. «Куда

он, понимаешь, туда и он». И, наконец, 22 августа он, опять-таки практически молча, смахнул со стола нового премьера вместе с его пакетом антикризисных мер и только что декларированной поддержкой Президента. И, – как будто нарочно, как будто ради усугубления абсурда, – вновь предложил Черномырдина!

Конечно, 22 августа положение с российскими финансами было уже более чем угрожающим. Предоставим экономистам судить, есть ли в этом вина Кириенко и его министров, и насколько эта вина велика. Но всякому здравомыслящему человеку – не только экономистам – ясно, что настоящая катастрофа, настоящий обвал, начались именно в этот момент, когда Президент одним росчерком пера оставил страну в разгар кризиса и без правительства, и без программы действий. Что это состояние затянется на много недель – это к гадалке ходить не надо было.

Не могу поверить, что Ельцин не понимал, во сколько миллиардов долларов обойдется России его поступок. Что же? А ничего – просто опять сдали нервы.

По старой советской привычке Борис Николаевич надеялся, что, выбрав очередного козла отпущения, избавится от персональной ответственности за то, что случилось. На этот раз он проиграл свою игру – окончательно и бесповоротно.

О том, что это – проигрыш, в президентской администрации начали догадываться еще в конце августа. Недаром кто-то из тамшних умников, то ли повинувшись холуйским рефлексам, то ли, наоборот, имея в виду побольше укусить пошатнувшегося шефа, попытался вписать в проект «политического соглашения» позорные статьи о социальных и правовых гарантиях Президенту и его семье. Имелось в виду, что после отставки его не только не привлекут к суду, но и какую-никакую дачку оставят. Конечно, Дума с восторженным визгом выразила готовность немедленно предоставить Президенту такие гарантии – большего компромата против Ельцина она и сама придумать не смогла бы. Надо отдать должное Борису Николаевичу – он вычеркнул из текста соглашения хотя бы эту порнографию, позорящую уже не только его, но и страну, которую он пока что представляет. Но вычеркнул ли он из списка сотрудников тех своих приближенных, которые эти статьи формулировали?

Впрочем, это уже мало что меняет. Ельцин все равно дискредитировал себя лично. Отныне он перестает быть сколько-

нибудь значимой фигурой в жизни страны. С середины сентября он занял ту самую политическую нишу, в которой оказался осенью 1991 г. его предшественник и соперник – М.С.Горбачев. И неизвестно, продержится ли он хотя бы в этой нише до лета 2000 года.

Ельцин серьезно ослабил сам институт президентства в России. Так называемое «политическое соглашение», которое предполагает серьезное перераспределение власти в пользу Думы, – не просто итог многолетней игры двух ветвей власти в перетягивание каната. Кстати, вообще-то такое перераспределение, закрепленное соответствующими изменениями в Конституции, было бы достаточно разумным и демократическим шагом. Президент, сильный и властный в рамках своих конституционных полномочий, но уравновешенный парламентом, сильным и властным в рамках своих конституционных полномочий – в принципе это правильное и эффективное устройство государственного механизма. Но это так лишь тогда, когда правильно и эффективно работает сам механизм.

У нас же до сих пор был почти всевластный Президент, которому противостоял слабый и крайне ограниченный в своих правах парламент. Но Президент оказался слабым и неспособным, а парламент был и остался агрессивным и безответственным.

Сегодняшнее перераспределение власти запросто может обернуться утверждением диктатуры реакционного парламентского большинства и подавлением демократических прав и свобод под флагом расширения демократии.

И история возложит ответственность за крушение российской демократии в первую очередь на того человека, которого восемь лет назад мы при всеобщем народном ликовании провозгласили ее вождем.

В данной ситуации я не хотел бы ограничиваться только сказанным выше. У меня нет ни права вставать в позу прокурора, ни желания изображать из себя непонятого пророка. Хотя бы потому, что когда я говорю «мы», то имею в виду и себя лично. И никакие мои позднейшие оппозиции Ельцину не снимают с меня ни моральной, ни политической ответственности за то, что я поддерживал этого человека в первые годы его правления.

И, кроме того, не хочется присоединяться ко многим из тех, кто сейчас стремится унизить рухнувшего кумира. Сейчас его проклинаят вся страна; пристойно ли присоединяться к голосу

толпы, не попытавшись сказать хотя бы несколько слов в его пользу? Следует ли вместе со всеми лягать, по выражению Пушкина, «демократическим копытом» одряхлевшего и полубеспомощного обкомовского льва? Борис Ельцин, несмотря на все дурное, что совершалось в годы его правления, был мощной и значительной фигурой – и как политический деятель, и как личность. Его потенциальные возможности были огромны, несмотря на то, что ему колоссально мешало его прошлое. Он искренне старался преодолеть себя, и в том, что он надорвался, так и не сумев этого сделать до конца, – не только его вина, но и его личная трагедия. Надеюсь, найдутся авторы, которые сумеют убедительно и достойно сказать и о том важном и хорошем, что было сделано при нем, и о его личном вкладе в осуществление действительно нужных и важных для нашей страны преобразований. Так или иначе, но его имя навсегда вписано в российскую историю.

Как жаль, что инстинкт власти оказался в нем сильнее инстинкта славы, и он не ушел в отставку в тот момент, когда полностью исчерпал свой личный потенциал реформатора! Или, может быть, он сам этого не понял и не почувствовал? Еще грустнее думать, что он позволил сделать себя марионеткой в игре под названием «второй президентский срок»; бесконечно обидно, – в первую очередь, за страну, но и за него самого тоже, – что он выиграл выборы.

Два года тому назад я безнадежно твердил, что за Ельцина голосовать нельзя ни при каких обстоятельствах. Все, – и в первую очередь, либеральная интеллигенция, интеллектуальная элита страны, ее ум, честь и совесть, с пеной у рта убеждали меня в том, что я не прав. «Голосуй, или проиграешь!». Мы проголосовали. И проиграли.

Права ли Дума?

Так, может быть, в действиях Думы в течение последних недель есть определенный резон?

Да, упорство оппозиции, дважды отказавшейся утверждать кандидатуру Виктора Черномырдина, усугубило кризис российской экономики. Но поставьте себя на место депутатов: совсем недавно Президент, не спрашивая мнения парламента, отправил этого человека в отставку. Затем он буквально продавил через нижнюю палату кандидатуру нового главы правительства. Прошло всего пять месяцев, – и стране безо всяких объяснений и извинений предлагается обратная рокировка.

Если Черномырдин был лучше Кириенко, – то к чему было затевать весенний спектакль? Если хуже, – то почему надо было вновь ставить его у руля? И как вести себя депутатам, чьи конституционные прерогативы при формировании правительства и так невелики? Покорно голосовать за предложенную кандидатуру? А зачем тогда вообще вся эта процедура утверждения?

Кризис? Но всякому понятно, что предпосылки для этого кризиса создавались не в течение последних пяти месяцев, а, по меньшей мере, в течение последних трех-четырёх лет. И теперь исправлять катастрофу ставят того же самого человека, который по существу эту катастрофу и подготовил?

На неприятии кандидатуры Черномырдина сошлись, – исходя, естественно, из разных политических и экономических предпосылок, – непримиримые противники: коммунисты и демократы, «Яблоко» и «Демвыбор России» (позиция последнего, впрочем, не играла особой роли, так как в парламенте он представлен лишь несколькими независимыми депутатами, автором этих строк в том числе). Кажется, что и общественное мнение страны, несмотря на всеобщую панику и желание поскорее обрести правительство, испытывало сильные сомнения в разумности президентского решения. За Черномырдина, по видимому, было большинство финансовых и промышленных магнатов; но кто сказал, что именно их мнение должно определять исход думского голосования?

Но ведь затягивание правительственного кризиса крайне пагубно отразилось на кризисе экономическом?

Да, конечно, это так. И все же большая часть вины за это затягивание лежит, во всяком случае, не на Думе. На таран пошел Президент. В самом деле, формулировка Конституции насчет повторного внесения кандидатуры председателя правительства звучит достаточно двусмысленно. Кстати, не понимаю, что мешало Конституционному Суду, отложив все текущие дела, срочно рассмотреть соответствующий запрос, внесенный еще весной. Но ведь тут достаточно простого здравого смысла: если парламенту можно представить на рассмотрение уже отвергнутую кандидатуру, то за каким рожном вообще нужна конституционная процедура утверждения в должности? Это же все-таки не утверждение председателя колхоза по представлению бюро райкома!

Нет, депутаты Думы обязаны были внимательно рассмотреть внесенную кандидатуру и, если они считают эту кандида-

туру неподходящей, — не колеблясь, отвергнуть ее. Речь идет не только о праве парламента, но, если хотите, и о его конституционном долге.

Беда совсем не в этом. Беда в том, что господа депутаты в большинстве своем не думали ни о конституционном долге, ни о том, хорошим или плохим премьером станет тот или иной кандидат. Почти все фракции искали в кризисе возможность или утвердить свое влияние в будущем правительстве, или, на худой конец, завоевать доверие электората для будущих выборов. И, конечно же, одержать решающую победу в перманентном противостоянии президентской власти.

Лидер коммунистов Зюганов так прямо и заявил, что к Черномырдину его фракция особых претензий не имеет, но вот со стоящим за его спиной Ельциным пришла пора посчитаться. Именно к этому сводился смысл большинства его речей, — по крайней мере, до тех пор, пока бедный Виктор Степанович, доведенный до отчаяния упрямством Думы, не начал высказываться в вообще несвойственной ему резко антикоммунистической манере.

Нет уж, товарищи коммунисты! Если вы ничего не имеете против Черномырдина, то извольте голосовать за него — тем более, в условиях разрастающегося кризиса. А если вы голосуете против него, то извольте объяснить, чем вас не устраивает именно этот кандидат и его программа. Это, во всяком случае, будет ответственным шагом.

(Впрочем, я, возможно, несправедлив к Зюганову. Недавно, выступая по телевидению, он заявил, что кто-то, — видимо, демократы-реформаторы, — «пытается переписать генетический код русского народа». Если я правильно его понял, если это не какая-то сложная художественная метафора, то тогда, конечно, ни о каких интеллектуальных претензиях к бедному Геннадию Андреевичу и речи быть не может.)

Косвенным подтверждением моего тезиса служит практически всеобщее — не считать же Жириновского! — одобрение депутатами кандидатуры Примакова. На фоне всеобщего ликования казалось просто неприличным задавать вопросы о его собственной программе действий. Между тем и личность Е.М.Примакова, и его политические воззрения, и сформированное им правительство, и первые шаги этого правительства вызывают очень и очень серьезные вопросы. Впрочем, это отдельный разговор. Ликование было вызвано, конечно же, не неотразимым обаянием Евгения Максимовича, а оглушительной победой над Президентом.

Что ж, из сказанного мною выше следует, что и я вовсе не считаю эту задачу – укрощение Думой строптивого Президента – маловажной. Вот кто теперь укротит саму Думу?

А если бы у Президента не сдали бы на этот раз нервы? Не беспокойтесь за нас, уважаемые избиратели – на этот раз угроза разгона, скорее всего, не сработала бы. У нас на президентский лом уже припасен свой: в авральном режиме заработала комиссия по импичменту.

А что, разве Борис Ельцин не заслужил отрешения от должности?

Честно говоря, заслужил и с лихвой. Но лично я не стал бы сегодня голосовать за импичмент Президенту.

Одно из наиболее очевидных соображений против импичмента состоит в том, что устраивать гладиаторские бои за президентское кресло в самый разгар экономического кризиса было бы самоубийством для России – и для ее экономики, и для ее политического будущего. Для Зюганова – да, для Зюганова это, пожалуй, было бы выигрышным шагом. В мутной воде всеобщего обнищания и недовольства у него могли бы появиться неплохие шансы на приход к власти. А уж тогда он бы нам быстро вправил генетический код.

Но это соображение – не главное.

Я, как и Г.А.Явлинский, полагаю, что юридическая процедура не может и не должна служить орудием политической борьбы. А Комиссия и не скрывает, что выполняет политический заказ: спасает Думу от роспуска. Об этом с наивной открытостью заявил в телеинтервью сам ее председатель.

Порядочным людям должно быть стыдно играть в эти игры на глазах у всего народа.

Нет, дорогие коллеги: с вами вместе я не буду голосовать за импичмент. Разве что на пару с депутатом Илюхиным, который, по крайней мере, последователен и с первого дня своего появления в Охотном ряду твердит о необходимости отстранения Ельцина от власти.

А знаете что: я, пожалуй, вообще не буду больше с вами голосовать. Ведь вы войдете в историю вовсе не героическим сопротивлением кандидатуре Черномырдина и не попытками устроить импичмент Президенту. Вы войдете в историю тем, что в самый разгар экономического кризиса, когда обезумевшие бабушки сметали с магазинных прилавков соль, спички и мыло, успели рассмотреть и проголосовать во втором чтении законопроект «Об изменениях и дополнениях к закону о ста-

тусе депутата Совета Федерации и Государственной думы РФ». В этом законопроекте предусмотрено все, что необходимо стране: и увеличение зарплат депутатов, и (что самое важное – ведь угроза роспуска думы в тот момент еще не миновала) их право на приватизацию служебного жилья. 313 голосов было подано за этот эпохальный законопроект – почти столько же, сколько двумя днями позже за кандидатуру Евгения Максимо-вича Примакова.

Кому верить? И что делать?

Итак, ответ на вопрос «кто виноват» мы более или менее знаем? Своекорыстные и недалекие банкиры? Возможно.

Неумелое правительство Кириенко? Весьма вероятно.

Недобросовестное шестилетнее правление Черномырдина? Скорее всего, да.

Ограниченный, неспособный и слабый Президент? В огромной степени.

Парламент, контролируемый самыми черными силами современной политики – национал-коммунистами; парламент, моральный уровень которого упал ниже мыслимого предела? Да, и парламент тоже.

Можно добавить сюда еще и честолюбивых лидеров расколотой демократии, для которых любая катастрофа – лишь повод для выяснения отношений.

Ну, а мы все, выбравшие себе этого Президента и этот парламент, поддерживающие этих лидеров? Мне уже случалось писать и говорить, что все мы несем ответственность за происходящее в нашей стране. В этом и заключается смысл понятия «гражданская ответственность».

Но что же делать? Кому верить в этом мире?

Видимо, мой ответ не обнадежит читателя. Никому.

И тогда возникает второй сакраментальный российский вопрос: *что делать?*

Я не знаю ответа на этот вопрос. Единственное, что я знаю точно: есть позиции, которые мы не должны, не имеем права сдавать. Если у меня найдутся единомышленники, я буду очень рад.

Мы ни в коем случае не должны допустить у себя в стране политическое насилие.

В нынешнем политическом кризисе, при всей его беспро-светности, есть одно обнадеживающее обстоятельство: мы вышли из него без кровопролития, сумели остаться в рамках

конституционной процедуры. Я вовсе не в восторге от того, к чему мы при этом пришли; но сам факт, что Конституция на этот раз сработала, является общим капиталом. И если мы сумеем и дальше сохранить уважение к праву, то, значит, у нас еще есть шанс.

Далее. Мы не должны и не имеем права сдавать институты политической демократии и, в первую очередь, систему свободных выборов.

Да, в течение восьми лет мы выбирали во власть уродов. И я не питаю особых надежд на то, что в ближайшие годы мы научимся лучше выбирать. Но в последние годы нам настойчиво внушают, что это и невозможно, и не нужно: в политике, мол, не место нравственным нормам.

Этому ни в коем случае нельзя верить. В действительности, политика, из которой изгнана нравственность, — это очень плохая политика. Рано или поздно она ведет к обнищанию, розни и страданиям людей. Именно она привела нас к тому, что мы имеем сегодня. И, может быть, хорошо, что это произошло сегодня, а не через пять-десять лет: кто знает, в скольких морях лжи и крови нам пришлось бы искупаться, прежде чем мы поняли бы, во что они обходятся стране и лично нам. Поняли ли мы это сейчас? Не знаю; хочу надеяться, что что-то поняли.

Мы ни в коем случае не должны отдавать не только наши политические, но и наши гражданские права. Государство еще долго не будет их ни защищать, ни даже как следует соблюдать. Более того, если реакционные политические тенденции возобладают, само государство может вновь стать источником повышенной угрозы для нашей свободы. Я, конечно, имею в виду, прежде всего, свободу средств массовой информации. И раньше положение в СМИ было далеко не благополучным. Финансово-промышленные группировки скупали их на корню, региональные власти силой стремились заставить их подчиниться себе или замолчать. Теперь наверняка возобновятся претензии Думы на контроль над телевидением; коммунисты вновь открыто об этом говорят. И если мы не научимся защищать себя сами, нас не защитит никто.

И, наконец, мы должны всерьез заняться строительством гражданского общества.

Политическая жизнь никогда не трансформируется во что-то пристойное сама собой или под водительством какого-нибудь спасителя отечества. Сегодня мы можем непосредственно вли-

ять на нее разве что в период выборов. Выборы – это важнейший способ демократического контроля над властью (при условии, конечно, что они останутся альтернативными и свободными). Но все мы уже хорошо познакомились с чувством бессилия и безнадежности, когда сталкиваешься с необходимостью или выбирать из все той же до омерзения надоевшей колоды, или отдать свой голос за заведомо проигрывающего кандидата, или вовсе отказаться от участия в голосовании. Нынешняя политическая элита загнила на корню, не успев сформироваться. Она, особенно на региональном уровне, мало чем отличается от старой совпартбюрократии. Выбирать из нее и не хочется, и противно, и бесполезно.

Гражданское общество – это и дополнительные рычаги общественного контроля над властью, и почва, на которой вырастает здоровая политика. Развивая институты гражданского общества, создавая разнообразные и разнонаправленные общественные организации, независимые профсоюзы, свободную прессу, местное самоуправление, мы создаем предпосылки для нормального развития страны в целом.

Пока Россия не будет покрыта сетью независимых правозащитных организаций, права человека будут нарушаться и нарушаться. Пока экологические ассоциации не заставят считаться с собой руководителей регионов и промышленных отраслей, мы будем пить отравленную воду и дышать отравленным воздухом. Пока Конфедерация обществ потребителей не выиграет десяток (а, может, сотню) судебных процессов у коммерческих банков, права вкладчиков не будут надежно защищены. Пока перед Комитетами солдатских матерей не раскроются ворота гарнизонов, армия по-прежнему будет оставаться «зоной ужаса» для наших сыновей. Пока профсоюзы не станут по-настоящему независимыми и ответственными объединениями трудящихся, мы не избавимся ни от многомесячных задержек зарплаты, ни от жуликов-директоров, прокручивающих в сговоре с жуликами-«посредниками» наши собственные деньги. Пока в каждом областном центре не возникнет хотя бы одна по-настоящему независимая газета, хотя бы один независимый телеканал – мы будем узнавать правду только случайно.

На самом деле без деятельности институтов гражданского общества невозможно не только контролировать исполнительную власть, но и совершенствовать законодательство. В условиях демократии даже сама царица-Политика – вторична

по отношению к гражданской инициативе. Ведь, в конце концов, и политические партии, если они, конечно, не претендуют на то, чтобы быть «направляющей и организующей» силой для всего общества, суть не что иное, как особого рода объединения граждан. Если мы сумеем сохранить в себе граждан, если мы будем способны к объединению во имя защиты своих и чужих прав и интересов, то когда-нибудь мы сможем возродить политическую жизнь России. И, когда это произойдет, мы не должны забыть уроки девяностых годов, мы не должны вновь выпустить политиков из-под общественного контроля, не должны дать шанс старой, аморальной и недееспособной политической элите возглавить процесс возрождения.

Ростки всего этого у нас уже есть, хотя пока что – только ростки. Наша задача – сохранить эти ростки. И не просто сохранить, но многократно увеличить силу гражданского общества.

Сейчас демократические идеалы будут, по-видимому, все настойчивее вытесняться из политической практики и даже из политической фразеологии. На новое правительство Примакова у меня мало надежды. Боюсь, что идеология этого правительства будет основана на смеси так называемого «государственного прагматизма» (т.е., архаически понимаемых «национальных интересов»), умеренной антизападной риторики и комплекса державности. Ни к чему хорошему в долгосрочной перспективе это привести не может, и отрезвление будет горьким. Но до той поры идольское искушение державного величия соблазнит еще изрядное количество «малых сих», как это не раз бывало и на Востоке, и на Западе. Хотелось бы, конечно, ошибиться, но, по-моему, нам предстоит долгие заморозки.

В политической жизни мы дали себя разбить. Но гражданское общество – это наш тыл, наша база, непаханое поле для применения нашей гражданской энергии и гражданской ответственности.

В конце концов, все правильно. Просто пришло время перепрягать наш воз и поставить, наконец, лошадь впереди телеги.

Наш последний и единственный шанс

*Открытое письмо к оргкомитету объединения
правоцентристских сил.¹*

Дорогие друзья!

Мне жаль, что сегодня я не с вами. Может быть, именно сейчас я нашел бы слова, чтобы убедить вас в том, что дело объединения, которым вы сегодня занимаетесь, – самое главное, самое перспективное, самое честное и самое нужное для сегодняшней России дело.

Но это только начало, и нам нельзя успокаиваться.

Наше объединение должно быть открыто для всех, кто разделяет наши базовые ценности. Мы можем до бесконечности спорить друг с другом о конкретных экономических, социальных, политических рецептах, которые способны вывести страну из кризиса или, наоборот, усугубить ее положение. Я вовсе не склонен недооценивать значение этих споров. Но все они имеют смысл только в рамках главного выбора: между гражданской свободой и тиранией.

Нам казалось, что этот выбор Россия уже сделала. Иные считали, что это произошло в 1991 году, иные, – что в 1996-м. Я тоже до недавнего времени полагал, что самое главное позади.

Не бойтесь сознаться себе, что это не так. Нынешний кризис имеет не экономическую и не политическую, а ценностную подоплеку. Он может отбросить нас не на семь и не на одиннадцать, и даже не на сорок лет назад. Его исходом может стать возвращение к безумию начала пятидесятых. Второе пришествие национал-коммунистов будет не фарсом и не трагедией. Оно станет кровавым триллером. Я не берусь предугадать, как выпадение России из современной цивилизации скажется на будущем человечества. Но у нашей страны при этом варианте не останется никакого будущего.

Объединение демократов – наш последний и единственный шанс. Очевидна основа, на которой это объединение только и возможно. Это сохранение в полном объеме фундаментальных

¹ Опубликовано в газете «Демократический выбор», № 50 от 17-23 декабря 1998.

прав и свобод личности, отстаивание демократических институтов, поддержка гражданского общества.

Любой, кто признает эти принципы – наш союзник. Любой, кто оппонирует им – наш враг, каким бы он ни был рыночником, антикоммунистом и прагматиком.

Не бойтесь слов. Давайте пригласим в наш союз социал-демократов, не спрашивая их, как они относятся к выбору между монетаризмом и кейнсианством. Давайте протянем руку «яблочникам», не пытайтесь торговаться с ними о составе будущего кабинета и о личности кандидата в президенты. Давайте будем вести переговоры с НДР, не споря о том, на ком персонально лежит ответственность за финансовый крах. Единственный вопрос, который должен нас волновать сегодня, – это вопрос об отношении наших потенциальных союзников к общественной свободе.

Объединение – это очень противное и мутное дело.

Люди, которых мы будем звать к себе в союзники, станут поливать нас помоями. Плкуньте и не обижайтесь: мы обязаны выполнить наш долг, не обращая внимания на чьи-то воспаленные амбиции.

Другие люди, умные и грамотные, будут доказывать нам, как дважды два, что объединение не увеличит, а уменьшит шансы российской демократии. Что демократические партии и движения соберут больше голосов на выборах поврозь, чем выступая единым фронтом.

Не спорьте с ними.

Лично я не верю в их расчеты. Но, даже если они правы, это не имеет ровно никакого значения.

Объединяясь, мы боремся не за политический успех. Объединяясь, мы пытаемся спасти честь российской демократии.

Остаюсь при своей позорной кличке – демократ

Известия, 5 декабря 1998 г.

Эти заметки – не запоздалый некролог, а политические размышления над еще свежей могилой. На фронте некрологов не пишут. Убитых зарывают в землю, отдадут им воинские почести и воюют дальше. Но с кем и во имя чего мы воюем?

Выбор между демократией и диктатурой

Мы с Галиной Васильевной Старовойтовой не были стопроцентными единомышленниками. У нас были серьезные расхождения – и тактические, и теоретические. Но на той войне, о которой я говорю, мы с ней находились по одну сторону линии фронта. И я надеюсь, что честное упоминание о наших несогласиях будет понято читателем правильно – как наивысшая дань уважения памяти погибшего товарища.

И Г.В.Старовойтову, и меня называют «демократами», и даже «радикальными демократами». Но что значит это слово?

У нас с Галиной Васильевной были достаточно дружеские, достаточно уважительные отношения. Конечно же, она считала меня демократом. Но я подозреваю, что с ее точки зрения я – недостаточно радикальный демократ. Я также никогда не сомневался в твердости демократических убеждений Галины Васильевны. Она была женщиной решительной и целеустремленной во всем, что касалось ее политической позиции. Боюсь, однако, что она была, на мой вкус, чересчур радикальным демократом.

Некоторые наши теоретические расхождения существенно влияли на текущие политические оценки. Так, Старовойтова была яростным апологетом так называемого «права народов на самоопределение»; я же, честно говоря, не очень понимаю, что это за право, кто является его субъектом и какими должны быть механизмы его мирного осуществления. И уж, во всяком случае, не отношу его к числу фундаментальных прав человека. Эта разница не могла не сказываться на наших позициях в отношении Нагорного Карабаха, пламенным защитником независимости которого она была, да и в отношении Чечни тоже.

Кто из нас прав? Думаю, говоря о наших расхождениях, более правильно будет поставить другой вопрос: кто из нас более последовательный демократ?

Да простится мне повторение азбучных истин, но в России они, увы, еще не стали азбучными: демократия – это в первую очередь свобода выбора. Свобода выбора гражданской позиции для каждого гражданина, свобода отстаивать этот выбор всеми законными средствами; свобода для общества в целом выбирать формы своего политического существования и пути своего развития.

Мы со Старовойтовой не всегда совпадали в понимании границ этой свободы. Самое главное наше расхождение было во в чем: она полагала, что коммунисты и нацисты должны быть априори исключены из политической жизни и что этого можно добиться путем запретов, люстраций и уголовных преследований за пропаганду соответствующих взглядов. То есть речь шла не о привлечении к ответственности конкретных людей за конкретные преступления, совершенные в прошлом или настоящем, а о законодательном запрещении тоталитарных идеологий.

Я не более, чем Галина Васильевна, люблю коммунистов и нацистов. Но не верю в эффективность ограничений гражданской и политической свободы. Да, демократия – это свобода выбора. Но, на мой взгляд, самый существенный, самый фундаментальный выбор, стоящий перед людьми и обществом, – это выбор между демократией и диктатурой. В странах, где демократия стала прочной политической традицией, об этом выборе вспоминают нечасто. Подразумевается, что он как бы самоочевиден, ибо общество сделало его давным-давно. Принципиально антидемократические, тоталитарные тенденции здесь – удел политических маргиналов.

В России совсем другая ситуация, и опасность того, что наше общество сделает неверный, роковой выбор, очень велика. Но можно ли лишать людей права и на этот выбор? Да, реставрация коммунизма или установление фашистской диктатуры – самоубийство для общества; но силовое подавление антидемократических тенденций (разумеется, до тех пор, пока они существуют в установленных законом формах, пока их носители не переходят к насилию) – самоубийство для демократии.

Что делать?

Преступление, совершенное 20 ноября, поставило перед нашим обществом несколько вопросов. Все они в сущности сводятся к традиционному русскому: «Что делать?»

Разные общественные и политические силы отвечают на этот вопрос прямо противоположным образом.

Коммунисты и национал-патриоты устами своих лидеров говорят о необходимости ввести чрезвычайное положение, ограничить свободу печати и т.д. Они это говорят уже восемьдесят лет.

В данном контексте это требование выглядит странно. Ведь именно Старовойтова была последовательным и непримиримым борцом и именно с коммунистами и нацистами.

Впрочем, ничего удивительного. В 1924 г. убийство итальянского парламентария-демократа Маттеотти, последовательного и непримиримого врага фашизма, стало поводом для ликвидации в Италии остатков демократических свобод и установления диктатуры тех, кто это убийство организовал, – Муссолини и его сообщников. В 1933 г. пожар рейхстага, подстроенный Герингом, стал поводом для приостановки правовых гарантий веймарской конституции и установления террористического нацистского режима в Германии. В 1934 г. Сталин инспирировал убийство Кирова – своего политического соперника, хотя далеко и не демократа, после чего развязал в России беспрецедентный политический террор.

Сегодняшние национал-большевики уверены, что «чрезвычайные правительственные меры» пойдут на пользу именно им. Они ведут себя так, как будто они уже захватили власть в нашей стране. Боюсь, что во многом так оно и есть. Боюсь, что дело обстоит даже еще хуже: они ее никогда по существу из рук не выпускали.

Требования коммунистов с готовностью подхватывает исполнительная власть. Министр внутренних дел России, например, намекает в своих выступлениях, что сотрудники его ведомства, осужденные за коррупцию, будут отданы на расправу уголовникам в местах лишения свободы. Такова реакция человека, по должности обязанного поддерживать право. Таковы его предполагаемые союзники в деле наведения порядка в стране.

Говорят, что Галину Старовойтову также убили силы, связанные с организованной преступностью. Интересно, чьими союзниками они выступили в этом деле?

Пока нельзя обвинить никого конкретно. Идет следствие. Но уже сейчас мы видим, кто и как использует это убийство в собственных преступных целях.

Первая реакция демократических сил была, по-моему, единственно правильной: «Никакой чрезвычайщины!».

Любое умаление общественной свободы в России фатально приведет к реставрации коммунистической тирании, или к установлению нацистского террора, или к полицейской диктатуре.

Последний плацдарм

Сегодня экономические и политические обстоятельства складываются в стране крайне неблагоприятно для демократии. Поэтому особенно важно в любом случае отстаивать до последнего наши завоевания в сфере гражданской свободы. Это – последний плацдарм, сдать который мы ни при каких обстоятельствах не имеем права. Защита гражданской свободы, защита прав человека, которые ведь суть не что иное, как кодифицированная идея свободы, становится, таким образом, главной задачей российских демократов.

Убийство Старовойтовой напомнило нам, что признание гражданской свободы, прав личности, верховенства закона базовой концепцией развития России – готовая общая платформа для всех демократических сил. Ни сегодняшняя КПРФ и ее сателлиты, ни национал-патриоты разных мастей органически не могут включиться в консенсус на этой основе, ибо они открыто исповедуют антилиберальные и антиправовые идеологии. Зато для всех других вход остается открытым – и это правильно.

Именно поэтому в первые дни после убийства демократическая общественность не только выразила негативное отношение к «чрезвычайным мерам». Наметился и важный позитивный сдвиг в другом кардинально важном вопросе – объединении всех демократических сил, горячим сторонником которого была Г.В.Старовойтова. Призывы к объединению раздавались со всех сторон. В Петербурге демократы даже задумали перейти от слов к делу и попытаться координировать избирательную кампанию в местное Законодательное собрание.

Я было порадовался тому, что этот процесс сдвинулся наконец с мертвой точки, хотя и был бесконечно опечален тем, что толчком к объединению послужила трагическая гибель Галины Васильевны. Но, кажется, слишком рано радовался.

Через несколько дней наиболее сильная демократическая организация – партия «Яблоко» – устами своих вождей дала понять, что об объединении и мечтать нечего. Ближайший сподвижник Григория Явлинского, Вячеслав Игрунов, прямо заявил, что партии, лидерами которой являются Гайдар, Чубайс и прочие деятели, которые «довели страну до ее нынеш-

него состояния», нет места в политической жизни. Инвективы Игрунова направлены против второго по влиянию демократического политического объединения – партии «Демократический выбор России». Чуть позднее идею объединения категорически отверг и сам Явлинский.

«Яблочники» не первый раз торпедируют эту идею. Раньше я думал, что причиной этому – лидерские амбиции и политические расчеты. Сегодня мне начинает казаться, что дело обстоит куда хуже: личные мотивы ушли в подсознание и превратились в идеологию.

У Явлинского и его единомышленников имеются серьезные теоретические разногласия с ДВР и другими демократическими группировками – в первую очередь в области экономики.

Правда ли, что экономические и политические рецепты Григория Явлинского единственно верны и правильны для России? Возможно – да, а возможно – и нет; во всяком случае, не мне об этом судить – я мало что понимаю в экономике.

Но даже если Явлинский прав в своих социально-экономических воззрениях, более того, если даже он прав, обвиняя Гайдара, Чубайса и других, значит ли это, что его партия – единственная подлинно демократическая оппозиция и все инакомыслящие в демократическом движении – отступники и враги, с которыми нет и не может быть никакого соглашения?

Спор между «монетаризмом» и «кейнсианством» может быть чрезвычайно существенным для Великобритании или Германии. Но этот спор ни копейки не стоит в сегодняшней России. Перед нами стоит совершенно иной, уже упомянутый выше, выбор – между свободой и диктатурой, правом и произволом.

И напрасно вожди «Яблока» думают, что они могут уклониться от этого выбора. Да ведь это все неправда и лицемерие: они и не уклоняются. Тот же Игрунов в том же выступлении, лишив инакомыслящих демократов права на политическое существование, заявил, что не исключает вариант соглашения между «Яблоком» и объединением «Отечество». Это значит, что всерьез обсуждается возможность, при которой крупнейшая демократическая партия будет поддерживать политическую игру нынешнего московского мэра – того самого, который прославился неуважением к федеральным законам, отставанием крепостного института «прописки» и неоднократными попытками очистить столицу от инородцев.

Что ж, Вячеслав Игрунов свой выбор сделал. Возможно, этот выбор принесет ему и его товарищам по партии политический успех – «твердая рука» нынче у избирателя в моде. Но я бы не хотел разделить с ними этот успех.

Игрунов и другие заявляют, что любой союз «Яблока» с ДВР и другими партиями демократической ориентации был бы предательством избирателей.

Если этот подход к проблеме действительно является истинно демократическим, то позвольте заявить: я, Сергей Ковалев, никакой не демократ.

Я всегда полагал, что демократия – это общественная свобода и верховенство закона, базирующегося на правах человека. И ничего больше.

Впрочем, может быть, никакого «спора о демократии» между мною и лидерами «Яблока» нет. Ведь неслучайно в своих публичных выступлениях последних лет они старательно избегают самого слова «демократия». Может быть, потому, что сегодня в России оно непопулярно? Не знаю, все же не хотелось бы думать так о человеке, чью кандидатуру в президенты я поддерживал два года назад (кстати, вопреки решению моей собственной партии – ДВР). Но если это так, пусть каждый останется при своем: они – при своих политических успехах, а я – при своей позорной в глазах многих кличке «демократ».

* * *

Меня не раз упрекали в том, что, будучи правозащитником, я открыто выражаю свои политические пристрастия, симпатии и антипатии. Предвижу, что и эта статья вызовет аналогичные упреки. Ну и пусть. Право в самом деле стоит вне политики, точнее – над политикой. Но это возможно только внутри определенной политической системы, которая называется демократией. К принципиальному политическому выбору между свободой и несвободой право безразлично. Право, настоящее, а не липовое, всегда на стороне свободы – хотя бы потому, что настоящая, а не липовая, свобода всегда на стороне права.

Именно выбор между свободой и несвободой, и только он, единственно важен сегодня для будущего России.

Гибель Галины Старовойтовой, моего единомышленника и оппонента, – лишнее тому свидетельство.

Совершенно лишнее.

Открытое письмо Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину

Известия, 24 января 1996 г.

Уважаемый господин Президент!

Последние шесть лет я считал своим долгом всемерно содействовать той политике, которую, со всеми оговорками, можно было назвать «демократическим преобразованием России». Долгое время эта политика прочно связывалась с Вашим именем. Вы были главой государства, идущего по демократическому пути, а поначалу даже считались лидером демократов. Пока Вы оставались в рамках этого курса, я считал себя Вашим соратником, а в тех случаях, когда Ваши шаги расходились с общим направлением движения или резко замедляли его темп – лояльным оппонентом.

Дорога России к свободе не обещала быть легкой. Многие трудности были очевидны заранее, многие возникали неожиданно. Для их преодоления всем нам – власти, обществу, каждому человеку – приходилось принимать непростые, и даже трагические, решения. Главное, что страна ожидала от Вас, это воли к изменениям и честности. Особенно – честности. Избирая Вас, Россия видела перед собой не только политика, готового ломать старое государственное устройство, но и человека, искренне стремящегося изменить самого себя, свои взгляды, пристрастия, властные привычки. Вы убедили многих – и меня, в том числе – что гуманистические и демократические ценности могут стать для Вас основой жизни, работы, политики. Мы не были слепыми; мы видели все обкомовско-цекистские стереотипы, сохранявшиеся в Вашем поведении. Но ведь, в конце концов, вся Россия, как человек, подверженный тяжкому пороку, боролась сама с собой. Даже не любя Вас – Вас понимали.

Однако за последние годы Вы, продолжая в каждом публичном выступлении заверять слушателей в своей неизбежной приверженности демократическим идеалам, стали – сначала медленно, а потом все более круто – менять курс руководимой Вами государственной политики. В настоящее время Ваша администрация пытается повернуть страну в направлении, прямо противоположном тому, которое было провозглашено в августе 1991 года. Это приводит меня к необходимости публично обозначить свою позицию.

Не буду поминать все Ваши многочисленные ошибки и просчеты; на это найдется тьма охотников. Дело не в конкретных провалах, а в их причинах: принципиально неверном выборе приоритетов и критериев в государственной политике.

Начиная, по крайней мере, с конца 1993 года, Вы последовательно выбирали не те решения, которые укрепляли бы силу права в демократическом обществе, а те, которые возрождали тупую и бесчеловечную мощь государственной машины, стоящей над правом, законом, людьми. Ваши враги утверждают, что Вы делали это для укрепления своей личной власти. Но, даже если это не так, дело от этого не меняется.

В трагические дни осени 1993 года я, не без серьезных внутренних сомнений, решил Вас поддержать; я не снимаю с себя ответственности за эту поддержку. Я полагал, что применение силы было в тот момент роковой необходимостью перед лицом грозившей вот-вот вспыхнуть гражданской войны. Я и тогда понимал, что октябрьские события могут привести к тому, что верховная власть начнет воспринимать насилие как удобный и привычный инструмент для разрешения собственных трудностей. Но надеялся на другое: на то, что, преодолев кризис легитимности и создав для России исходную правовую базу, правительство и Президент приложат все усилия для укрепления законности и порядка, для мирного и свободного развития страны. Очень многое в выборе этой альтернативы зависело лично от Вас, Борис Николаевич. Я верил, что Вы выберете второй путь; я не снимаю с себя ответственности за публичное выражение этой веры в Вас, Вашу честность и мужество.

Конституция 1993 года наделяет Президента огромными полномочиями, но и возлагает на него огромную ответственность, а именно: быть гарантом прав и свобод граждан, обеспечивать их безопасность, охранять закон и порядок в стране. Как Вы распорядились этими полномочиями? Как Вы поступили с возложенной на Вас ответственностью?

Вы фактически остановили судебную реформу, которая должна была сделать правосудие по-настоящему независимым от других ветвей власти. Вы открыто стали проповедовать принцип: «пусть пострадают невинные, лишь бы наказать виновных».

Вы громогласно объявили стране о начале борьбы с организованной преступностью. Для этого Вы дали огромные, выходящие за рамки права и закона, полномочия силовым структурам. Результат? – преступники по-прежнему гуляют на свободе, а законопослушные граждане, так и не обретя безопасности, вынуждены терпеть еще и произвол людей в мундирах.

Вы заявили, что Ваша цель – сохранение и укрепление территориальной целостности Федерации. Результат? – бездарная и позорная гражданская война, вот уже больше года полыхающая на Северном Кавказе.

Под видом укрепления обороноспособности России Вы пресекли все попытки военной реформы, которая дала бы России эффективные и современные Вооруженные Силы. Результат? – идущая полным ходом ремилитаризация страны, военный бюджет, вновь ложащийся тяжелым грузом на нашу экономику, очевидная неспособность и некомпетентность многих высших чинов военного командования. И, наконец, сама армия – нищая, голодная, плохо вооруженная; но при этом раздутая до неприличия, да еще комплектуемая насильно за счет отмены отсрочек и освобождений, принятых во всех цивилизованных странах, где еще сохранилась воинская повинность. Десятки тысяч молодых людей всеми силами уклоняются от службы в этой армии, как от худшей напасти; сотни тысяч других ежегодно насильно отправляются в эту школу бесправия, унижений и насилия.

Вы говорите об открытой политике, о гласности и публичности – и одновременно подписываете секретные Указы, касающиеся важнейших государственных дел, создаете закрытые советы и комиссии, засекречиваете все больше сведений о работе правительства, о положении в стране. Механизм принятия решений в президентской администрации стал почти столь же келейным, как это было во времена Политбюро ЦК КПСС. Не секрет, однако, что Вы, как и вся пирамида созданной Вами исполнительной власти, в своих решениях все больше опираетесь на спецслужбы, на их систему закрытой информации. Быть может поэтому Вы отказались от кардинальной перестройки органов безопасности; а ведь у Вас было уже немало поводов понять, что политический сыск, ради которого создавалось большинство этих структур, и на котором воспитывались многие из «профессионалов», до сих пор в них работающих – не лучшая база для создания дееспособной системы, своевременно и объективно обеспечивающей руководителей страны необходимой информацией.

Ваша кадровая политика с каждым днем определяется все более отчетливо. В первое время в Вашей «команде» было немало людей компетентных и бескорыстных. Но с самого начала Вы не избегали держать в своем окружении и тех, чьим единственным достоинством была личная преданность Вам. Постепенно этот партийно-советский принцип стал главным

критерием Вашего отбора сотрудников; люди же, не обладавшие этим свойством в должной мере, удалялись из Вашей администрации и из других правительственных структур. Сегодня их остались считанные единицы. Еще хуже то, что даже в узком кругу «без лести преданных» доверенных чиновников происходит своего рода естественный отбор: наиболее успевают в карьере те из них, кто, очевидно для всей страны, преследует свой личный, корыстный, и хорошо еще, если не криминальный, интерес. Теми же, кто на Вашей службе не наживал ни каменных палат, ни казны, ни чинов и орденов, Вы жертвовали в первую очередь: сначала с сожалением и внутренней борьбой, а теперь уже и с легкостью. Результат? – взгляните в лица своих сегодняшних соратников. Если Вы еще не вычеркнули из памяти свой собственный краткий опыт опального борца со всевластным и бездушным бюрократическим аппаратом и не стали смотреть на окружающее взглядом партийного секретаря провинциального обкома, внезапно получившего резкое повышение по службе, то Вы перестанете удивляться, почему страна не доверяет Вашим ставленникам, а, следовательно, и Вам.

Впрочем, Вы, а вслед за Вами и все высшие государственные чиновники, не заботятся об общественном мнении. В моменты кризисов, вместо открытых и честных объяснений, Вы и назначенные Вами руководители государственных ведомств потчуют нас такой откровенной и беспомощной ложью, что просто оторопь берет. Хрупкий мост доверия между обществом и властью, с трудом наведенный вопреки столетней традиции, снова разрушен.

Все то, о чем я говорил выше – неспособность, лживость и трусость Вашей администрации, – нашло свое высшее выражение в чеченской войне, которая была развязана при Вашем личном участии спустя всего год с небольшим после октябрьских событий в Москве, которые, как многие (и я в том числе) надеялись, поставили точку в кровавой истории войны российской власти против собственного народа. Пренебрежение правом, попрание Конституции, деморализация и развал армии, вопиющая некомпетентность спецслужб, бездарный карьеризм верхушки ведомственных структур, неуклюжая и циничная ложь, озвучиваемая первыми лицами государства – все это в полной мере проявилось в Чечне. Но в этом кризисе ярко проявилось и еще одно свойство воссоздаваемого Вашей политикой режима – полное пренебрежение к человеческой жизни

как таковой. Два-три десятка тысяч людей – мирные жители, боевики, российские солдаты – погибли: ну и что? Мы даже не знаем в точности, сколько их было. Кровь всегда ценилась дешево в России, особенно при большевиках. Но Вы внесли новую, «демократическую» струю в эту позорную отечественную традицию. Вы попытались оплатить этой кровью свою избирательную кампанию. Не думаю, что этот взнос будет принят народом.

Последний эпизод чеченской драмы – события в Первомайском¹. Позорный провал операции Вы не постеснялись публично назвать «решающей победой в борьбе с терроризмом». Неужели Вы полагаете, что хоть кто-нибудь Вам поверил?

Понимали ли Вы и те недоумки, которые подтолкнули Вас к чеченской войне, что пролитая кровь взойдет нетерпимостью, местью, ложью, насилием? И что эта зловредная поросль заглушит и то полезное, что Вы сделали для России?

Я далек от того, чтобы возлагать всю вину только на Вас. Тоталитарный строй, которому был нанесен серьезный, но, возможно, не смертельный удар, защищает себя традиционными методами самосохранения: воспроизводством кризиса, разворотом населения, подменой общественных ценностей. Ваша личная вина в том, что Вы не только не воспрепятствовали этим тенденциям, но стимулировали их. Быть может, Вы думаете, что строите Великую Россию во благо ее граждан? Нет, Ваша сегодняшняя политика способна лишь в кратчайшие сроки воссоздать государство, открытое для бесправия. Иными словами, Вы восстанавливаете старое сталинско-брежневское болото, только коммунистическая фразеология пока что заменяется антикоммунистической риторикой. Ваши премники и этот недостаток исправят.

Ваша личная трансформация уже завершилась.

Вы начали свою демократическую карьеру как напористый и энергичный борец с официальной ложью, а заканчиваете ее как слабый и безвольный рупор циничных и корыстных лжецов из Вашего окружения. Вы клялись построить государство народа и для народа, а выстроили чиновничью пирамиду над народом и против него. При этом Вы, отказавшись от демократических ценностей и принципов, не переставая, поминали де-

¹ Речь идет о провалившейся попытке уничтожить отряд Салмана Радуева, совершившего террористический рейд на Кизляр, при возвращении в Чечню (январь 1996 г.).

мократию, так что иной наивный человек и сейчас думает, что в Кремле у власти находятся «демократы». Ваша политика скомпрометировала само слово «демократия», и если демократии в России суждено жить – она будет жить не благодаря, а вопреки Вам.

В августе 1991 года Вы – уверен, искренне – оплакивали троих погибших молодых людей. Они погибли, защищая свою страну, жители которой захотели стать гражданами, а не рабами. Вы изменили их памяти. Сколько слез Вам понадобилось бы сегодня, чтобы оплакать всех тех, кто погиб по Вашей вине, защищая нескольких бездарных или корыстных чиновников от заслуженной отставки?

Для меня лично горько и то, что Вы предали самого себя. Я верил (и продолжаю верить), что даже секретарь обкома способен стать человеком. В какие-то периоды мне казалось, что Вам это почти удалось. Но Вы отказались от этой возможности – а ведь могли.

Вы сделали свой выбор. Скоро и мы будем выбирать. Сегодня Вы выставляете себя единственной альтернативой Зюганову и Жириновскому. Напрасно: родственных черт между вами больше, чем различий. И если нам придется выбирать между вами, наше свободное волеизъявление будет более всего похоже на выбор криминальной «крыши». Некоторые отдадут свой голос тому из вас, от кого будут ожидать чуточку меньше поборов и опасностей. Я органически не приемлю ни «красных», ни «коричневых». Но и за Вас голосовать не стану. И другим порядочным людям не посоветую.

Я считал своим долгом оставаться, хотя и «на общественных началах», на своих постах внутри органов государственной власти до тех пор, пока этот статус позволял мне хоть в чем-то, хотя бы в отдельных случаях, противостоять антиправовым и антигуманным тенденциям в государственной политике. Быть может, и сейчас эти возможности не до конца исчерпаны. Но я не могу больше работать с Президентом, которого не считаю ни сторонником демократии, ни гарантом прав и свобод граждан моей страны.

Уведомляю Вас, что с этого дня я больше не являюсь ни Председателем Комиссии по правам человека при Президенте РФ, ни членом Президентского Совета, ни членом прочих президентских структур.

Думаю, что Вы не будете сожалеть о моем уходе. Я тоже.

Сергей Ковалев, депутат Государственной Думы

Чечня является частью Европы

Речь на церемонии вручения ордена Чеченской республики Ичкерия «Рыцарь чести». Москва, январь 1997 г.¹

В течение двух с лишним лет я старался говорить об этой войне правду, всю правду и ничего, кроме правды – так, как я ее видел. Я не пытался никому угодить и не искал ни у кого популярности. Хотелось бы верить: сегодняшнее событие означает, что народ Чечни оценил именно это мое стремление к правде и именно из-за этого считает меня своим другом. Поэтому я хочу, чтобы то, что я сейчас скажу, воспринималось как слова друга, а не просто стороннего наблюдателя. И пусть эти слова покажутся кому-то неуместными на торжественной церемонии награждения – моя любовь к Чечне слишком серьезна, чтобы говорить пустые комплименты даже сегодня.

Орден, который мне вручают от имени чеченского народа, называется «Рыцарь чести». Я хорошо знаю рыцарственность чеченцев и их высокое понятие о чести. Я видел, как в самые страшные дни Грозного чеченские соседи спасали русских стариков и старух от русских бомб и снарядов, делились с ними последним куском хлеба, вывозили русских, оставшихся без крова, в горные села, чтобы спасти их от бомбежек. Почему же теперь, в дни мира, находятся люди, которые безнаказанно отнимают у несчастных их дома и их имущество?

Я не обращаюсь к этим мерзавцам; я знаю, что у уголовников, у мародеров, у трусов, обижающих беззащитных и слабых, – нет и не может быть ни чести, ни рыцарства, ни национальности. Я не обращаюсь к политикам – на собственном опыте я узнал, что во всех странах мира политическим деяте-

¹ Публикуется впервые. Орденом «Рыцарь чести» С.А.Ковалев был награжден декретом Дж.Дудаева в мае 1995 г. Тогда же, во время визита С.А.Ковалева в Польшу, представители самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерия в Кракове сделали попытку вручить ему этот орден. С.А.Ковалев отказался принять награду, заявив, что он не может взять ее, пока война продолжается. После окончания войны, в январе 1997 г. неофициальное представительство ЧРИ в Москве вновь предложило С.А.Ковалеву принять орден. На этот раз предложение было принято; однако речь С.А.Ковалева на церемонии вручения не была опубликована ни в российской, ни в чеченской прессе.

лям чаще всего нет дела до страданий и горя других, если это не затрагивает их собственной карьеры. Я обращаюсь к простым чеченцам – и в особенности тем, кто воевал: за что вы воевали? За свои идеалы, за свою честь, за свое национальное достоинство? Или – за своих мародеров? Когда на ваших глазах, рядом с вами, притесняют, а зачастую вытесняют из своих домов ваших соседей, вместе с которыми вы прожили жизнь – разве не ваш долг вступить за них? Каждый случай, когда кого-то, русского или чеченца – все равно, насильно вынуждают покинуть Чечню – это унижение чести и достоинства чеченского народа. Почему же молчат чеченские старики – они ведь помнят варварскую депортацию 1944 года? Почему молчат чеченские мужчины – они ведь только что показали миру, как можно защищать национальную честь и национальное достоинство?

В последнее время участились случаи похищения людей с целью получения выкупа. Пусть не говорят мне, что это – национальная традиция чеченского народа! Я не верю, что народ, так боровшийся за свою свободу, как это делали чеченцы, настолько не ценит свободу других людей, что делает ее предметом купли-продажи, средством обогащения. В частности, я не верю, что народ, с таким глубоким уважением относящийся к религии, одобряет похищение служителей церкви – ведь это оскорбление не только христианства, но и ислама. Понятно, что в измученной и разоренной войной стране найдутся подонки, промышляющие этим гнусным ремеслом; понятно и то, что власти в этих условиях не всегда в силах бороться со злом – но, во имя вайнахской чести и вайнахского рыцарства, не дайте злу укорениться! Помните, что на Чечню сегодня смотрит весь мир – и ни одна танковая атака, ни одна бомбежка мирных сел и городов федеральными силами не принесла вам столько вреда, сколько зверское убийство неизвестными лицами сотрудников Международного Красного Креста в Атагах.

Я рад, что в Чеченской республике на днях состоятся выборы. Кроме всего прочего, я надеюсь, что эти выборы послужат дополнительной гарантией прочного мира на чеченской земле. Но как можно было допустить, чтобы десятки, если не сотни тысяч беженцев из республики оказались лишены возможности участвовать в этом важнейшем для республики событии? Всюду, где жизнь сталкивала меня с людьми Кавказа, – в частности, в лагерях, где я провел семь лет, и в Сибири,

где я был в ссылке – я поражался высокому чувству землячества, спайке, объединявшей кавказцев, куда бы их не закинула судьба. Куда делось это чувство, когда принималось решение о невозможности организовать голосование в местах компактного проживания беженцев?

Орденом, который мне сегодня вручают, я был награжден полтора года назад. Тогда я отказался его взять – шла война, и я считал себя не вправе принимать награду от одной из воюющих сторон. Сегодня война закончилась, – я очень надеюсь, что навсегда, – и я с благодарностью принимаю ее. Но, знаете, есть такая фраза: война не окончена, пока не похоронен последний солдат и не вернулся домой последний пленный. Это, конечно, метафора – но в любой метафоре есть доля истины. Я знаю, что руководство Чечни ведет непростые переговоры о возвращении всех насильственно удерживаемых лиц, как с той, так и с другой стороны. Я знаю также, что проблемы, с этим связанные, зачастую осложняются неискренностью и скрытностью федеральных властей. Но я знаю и то, что несчастные матери Чечни и России, ждущие своих сыновей домой, не виноваты в том, что судьбы их детей стали разменной монетой в политической игре. Мне кажется, что во многих случаях народная дипломатия, которую с российской стороны олицетворяет, например, такая замечательная организация, как Комитет солдатских матерей, может сделать больше, чем политики. Свой орден я намерен передать на хранение в эту организацию. Пусть он станет залогом благополучного возвращения всех пленных, и русских, и чеченцев, в их семьи.

И, наконец, последнее. Мои поступки в течение этой войны не были продиктованы желанием поддержать идею чеченской независимости или, наоборот, сохранить целостность Российской Федерации. Меня не слишком волнует вопрос, является ли Чечня частью России или нет. Я полагаю, что и участники переговоров в Хасавюрте поступили мудро, отодвинув этот вопрос на второй план. Придет время – и московские, и грозненские политики будут решать его на основе волеизъявления народа Чечни, по согласованной процедуре, с учетом имеющихся норм международного права.

Но зато я глубоко убежден в другом, а именно: в том, что Чечня является частью Европы. И, стало быть – частью современного цивилизованного мира, который основан на демократических принципах, уважает свободу и достоинство личности,

права граждан, защищает свои национальные и религиозные меньшинства, имеет достойное и гуманное законодательство. Народ этой республики кровью и страданиями доказал, что он достоин всех этих благ, без которых невозможно ни процветание, ни прогресс. И те, кто призывает чеченцев к отказу от современных гуманистических и правовых ценностей, вольно или невольно наносят чеченскому народу серьезный ущерб¹.

Орден, который я сегодня получил, обязывает к откровенности. Надеюсь, что я был с вами достаточно откровенен.

Спасибо за внимание.

¹ Речь идет о попытках введения в Чечне шариатского законодательства и шариатского суда.

Речь идет о чести чеченцев

Обращение к чеченскому народу. Москва, март 1997 г.¹

Мне кажется, что мой посильный вклад в борьбу против войны в Чечне дает мне право говорить с моими чеченскими братьями откровенно.

Мне не дает покоя мысль о том, что сегодня на земле чеченского народа, великой кровью и великими страданиями отстоявшего свое человеческое и национальное достоинство, вновь творится отвратительное насилие. Ни в чем не повинных людей, работа которых состоит в том, чтобы рассказывать миру правду о Чечне, похищают и лишают свободы. И похоже на то, что это делается с простой и гнусной целью: ради наживы.

Особенно омерзительно то, что насилие совершается над журналистами. Я свидетельствую перед вами: в течение двух лет войны эти люди, в подавляющем большинстве, честно и бесстрашно исполняли свой профессиональный долг. В том, что война прекращена, огромная доля их заслуги. Теперь многие из них задают себе вопрос: в этом ли чеченская благодарность и верность друзьям?

Еще в начале войны, исколесивши сотни километров по чеченским дорогам, говоря с тысячами чеченцев, — ополченцами, крестьянами, старейшинами, — я поверил в вайнахскую честь и вайнахское рыцарство, существующие безотносительно к начальству, его возможностям и намерениям. Разве я ошибся?

Никто и никогда не поверит в то, что в небольшой стране какие-то бандиты могут воровать и прятать людей так, чтобы об этом не знали жители соседних сел, их родственники, главы родов. Может быть, вас запугали? Но разве вайнахи умеют трусить?

Речь идет о чести вашего народа. Сегодня на Чечню смотрит весь мир. И те мерзавцы, которые перед всем миром втоптали в грязь имя чеченца — худшие ваши враги, чем летчики, бомбившие ваши города, и омоновцы, стиравшие с лица земли ваши села.

Неужели народ, два года противостоявший вооруженной до зубов армии великой державы, не в состоянии самостоятельно разобраться с горсткой негодяев?

Я не могу в это поверить.

Сергей Ковалев

¹ Обращение было направлено правительству Чеченской республики Ичкерия и в средства массовой информации Чечни. По имеющимся сведениям, нигде не опубликовано.

Россия и расширение НАТО на восток¹

Вдруг, внезапно, обвалом, страницы российских газет, экраны телевизоров, речи думских политиков и выступления высших государственных чиновников заполнило одно-единственное слово: НАТО.

– НАТО приближается.

– НАТО угрожает интересам национальной безопасности России (это, между прочим, из ежегодного послания Президента парламенту).

– НАТО пытается увековечить раздел Европы.

– НАТО отказывается считаться с нашими требованиями.

– Расширение НАТО на восток опрокинет систему европейской безопасности.

– Натовские стратеги идут на поводу у стран Центральной и Восточной Европы, где господствуют антирусские настроения (с чего бы это?).

– Нет, наоборот, это НАТО само создает из Чехии, Польши, Венгрии новый «санитарный кордон», вопреки интересам и желаниям народов этих стран.

– Европа возвращается к «холодной войне».

– Нет, Европа скатывается к «холодному миру».

И так далее.

При этом на каждую сотню ораторов или публицистов едва ли найдется один, кто в состоянии хотя бы правильно расшифровать аббревиатуру и выговорить слова North Atlantic Treaty Organization. Я уже не говорю о том, чтобы грамотно изложить доктрину, структуру, принципы и механизмы функционирования этого международного союза. И, тем более, внятно объяснить, что конкретно – с военной, политической и экономической точки зрения – означает вхождение в него трех или более стран из числа бывших советских сателлитов. Это закономерно: человеку свойственно пугаться непонятных и загадочно звучащих слов гораздо больше, нежели простых и внятных его уху. Какая разница, чем именно Североатлантический альянс, укрепленный всею польско-чешско-венгерской военно-

¹ Эта статья с небольшими сокращениями была опубликована на английском языке в журнале «Perspective», издающемся Бостонским университетом (Vol.VII, № 4. March-April 1997) под заглавием «The Anti-NATO Coterie» («Анти-НАТОВская клика»).

экономической мощью, угрожает России! И почему, собственно, расширение угрожает России, а не, например, Швеции? Важно другое: нас в НАТО не зовут (мы, впрочем, кажется, и не просимся), а наших бывших вассалов принимают. Это оскорбляет наше национальное достоинство, и все российские политики – от либерал-демократа Владимира Жириновского до просто демократа Владимира Лукина сплачиваются в едином патриотическом порыве негодования.

Самое занятное во всей этой истории то, что вопрос о расширении открыто дебатировался в натовских структурах вовсе не со вчерашнего дня. И еще в 1992 г. Ельцин, находясь с визитом в Варшаве, ответил на соответствующий вопрос журналиста примерно так: я не очень понимаю, за каким дьяволом Польше понадобилось НАТО, но если полякам очень хочется именно там тратить свои деньги, что ж – их воля и их право поступать так, как им хочется. И если западным державам, входящим в альянс, некуда девать деньги своих налогоплательщиков, кроме как на модернизацию польской армии по натовским стандартам, – это опять-таки дело правительств и народов этих стран.

Я не знаю, был ли этот ответ верхом государственной мудрости и образцом тонкой дипломатии; но в словах Президента присутствовал, по крайней мере, обычный житейский здравый смысл. Позднее Ельцина заставили дезавуировать свои варшавские высказывания, и в дальнейших комментариях российских политиков и дипломатов на данную тему постоянно звучало и недовольство, и раздражение. Но – истерия, подобная нынешней? Этого не было.

* * *

Образ НАТО – коварного, могущественного врага нашей страны – порождение вовсе не массового российского сознания, которому сегодня, в общем, наплевать на внешнеполитические проблемы. Он изобретен и не на Олимпе нынешней российской власти.

В течение десятилетий эта концепция являлась официальной внешнеполитической доктриной старого советского режима. Рисуя с помощью всех средств государственной пропаганды образ НАТО-агрессора, НАТО-врага, НАТО-поджигателя войны, руководители Советского Союза защищали перед своим народом и (небезуспешно) перед мировым общественным мнением необходимость сохранения сверхмилитаризованной экономики, собственное военное присутствие в Европе,

оправдывали существование Варшавского договора. Последний, кстати, в отличие от НАТО, однажды рискнул-таки провести военную операцию в самом центре континента – но почему-то не против агрессора с Запада, а против правительства и народа одной из стран-участниц самого Варшавского пакта¹.

С началом перестройки антинаатовская направленность советской внешней политики стала заметно ослабевать и сразу после Августа 1991 года практически сошла на нет. Нынешняя ее реанимация связана, конечно с общей тенденцией к реставрации старого режима, усиливающейся в течение последних трех лет и весьма заметной сегодня. Но не только с ней.

В 1991–1993 гг. антинаатовские концепции сохранялись и развивались лишь в тех, немногочисленных и не пользующихся значительной общественной поддержкой (но влиятельных в парламенте и правительстве) кругах, которые эксплуатируют старый немецкий геополитический миф о вечном противостоянии России и Запада, «атлантических» и «континентальных» центров силы. К этому присовокупляется еще более старый этнополитический миф об особой миссии русского народа в мировой истории, о его якобы исконно коллективистских ценностях (высшая из которых, конечно же, – государство), о неприятии русской культурой западных либеральных ценностей, западного материализма и индивидуализма и т.п. Словом, речь идет о г-дах Жириновском, Зюганове и пр. – прилежных российских учениках профессора Хаусхофера и профессора Бжезинского².

Однако с недавних пор эти концепции, порождение идеологии ультранационализма и «геополитического» расизма, были подхвачены так называемой «партией власти», и не только в охотнорядских, но и в кремлевских коридорах, и даже – в не-

¹ Имеется в виду вторжение войск пяти стран Варшавского пакта в Чехословакию в 1968 г.

² Карл Хаусхофер (1869–1946) – немецкий политический деятель и ученый, один из основоположников т.н. геополитики. Некоторые положения Хаусхофера оказали заметное влияние на теорию и практику германского нацизма.

Збигнев Бжезинский – американский политический деятель и ученый. В 1977–1981 гг. – советник президента США Дж.Картера по национальной безопасности. В настоящее время – влиятельный политолог, автор ряда книг и статей, в которых заметное место уделяется России. Убедленный сторонник «геополитического подхода» к международным делам.

сколько причесанном и приглаженном виде – на Смоленской площади. По вопросу о продвижении НАТО на восток в рядах нашей политической элиты возник небывалый за последние шесть лет консенсус, к которому, увы, присоединились даже многие представители демократической оппозиции.

В чем же дело? Почему геополитический бред Жириновского и Митрофанова находит поддержку в душах вполне умственно здоровых людей? Поняв это, мы поймем и то, почему борьба против перспективы расширения НАТО стала едва ли не главным внешнеполитическим приоритетом официальной российской политики.

* * *

Некоторые наблюдатели объясняют этот феномен следующим образом. Декабрьские выборы 1993 года в парламент принесли неожиданный (хотя, замечу, вовсе не катастрофический) успех партии Жириновского. Два года спустя еще более серьезного успеха на парламентских выборах добилась партия Зюганова. В прошлом году, ценой чрезвычайных усилий и приемов, часто находящихся «на грани фола» (а иногда – и за этой гранью) удалось предотвратить победу Зюганова на президентских выборах. Вот поэтому Ельцин, будучи трезвым политиком, пытается перехватить некоторые лозунги национал-патриотической оппозиции (коммунисты-зюгановцы сегодня – патриоты покруче жириновцев) и тем самым размыть социальную базу этой оппозиции.

В этом утверждении – часть истины, но не вся истина. Ельцин не может не понимать, что голосования 1993 и 1995 гг. в первую очередь – протестные. И чтобы размыть социальную базу зюгановского электората, необходимо не с НАТО бороться, а с кризисом неплатежей, задержками выплат зарплат и пенсий, экономическим спадом, ростом преступности. А для этого – энергично продвигать экономическую, правовую и военную реформы, перестраивать государственный аппарат, создавать демократические институты, стимулировать инвестиции в промышленность (в том числе, и иностранные инвестиции), укреплять международное сотрудничество.

Что же до «идеологической борьбы», то даже Ельцин, я думаю, отдает себе отчет в том, что для немногочисленных идейных сторонников национал-патриотической идеологии его превращение из демократа в националиста может стать убедительным в одном-единственном случае: если националистические лозунги будут звучать в его устах более радикально, чем в

устах его конкурентов. Такова природа национального экстремизма. Но в нынешней России это уже невозможно, ибо даже если сам Адольф Гитлер сегодня воскрес бы из мертвых и попытался начать свою проповедь на митингах российских националистов, его бы освистали и согнали с трибуны как слишком умеренного и либерального оратора.

И потом, если антинаатовский пафос российского Президента действительно связан с укреплением политических позиций национал-патриотов, почему этот пафос зазвучал в его речах с такой силой не в конце 1993 или 1995 г., после того, как националисты и коммунисты одержали свои самые убедительные победы, а только осенью 1996 г., уже после того, как Ельцин выиграл президентские выборы?

Что же случилось прошлой осенью?

* * *

Прошлой осенью Россия осознала, что окончательно проиграла чеченскую войну. В этой связи вся страна действительно объединилась – в ощущении национального позора, охватившем всех без исключения. Правда, для одних национальным позором была сама война, а другие позорным считали проигрыш, военный и политический. Трудно сказать, каково численное соотношение между теми и другими (а ведь есть еще и довольно значительное количество людей, которые входят в обе категории одновременно). Но в любом случае, в сознании множества граждан возникли и укрепились два сильных чувства: унижения и беспомощности. Вполне естественно, что оба чувства обратились на правительство, которое развязало эту преступную и бездарную войну, преступно и бездарно ее вело и в конце концов проиграло.

Какой может оказаться реакция российского общества – уже не того безгласного стада, каким оно было при Советской власти? И какие превентивные меры против вероятной общественной реакции должна принять российская политическая элита – тоже уже не та однородная, жестко иерархическая и практически независимая от народного волеизъявления структура, которой была прежняя, советская, элита?

Трижды в истории России проигранные войны влекли за собой либеральные политические реформы внутри страны. Крымская война привела к падению крепостного режима, реформе судопроизводства, армии, местного самоуправления, ослаблению цензурных ограничений; японская война – к значительному ограничению самодержавия, укреплению граждан-

ских свобод и внедрению начатков демократического правления; афганская война – к горбачевской перестройке.

Каждая такая реформа приближала страну к магистральной дороге общественного прогресса, по которой двигалось большинство развитых стран Запада. И каждый раз она наносила удар по существовавшей в России с незапамятных времен системе всеисильной государственной власти, опирающейся на мощный и многочисленный бюрократический аппарат. И каждый раз Система – с большим или меньшим успехом – пыталась затормозить или даже повернуть вспять политическую модернизацию, угрожавшую самим основам ее существования.

* * *

Византийско-татарская система отношений между властью и обществом, породившая представления об «особом пути» России в мировой истории и об «особом месте» ее в мировой цивилизации, могла существовать только при одном условии – автаркии, самоизоляции страны от внешнего мира. И даже не просто самоизоляции, а враждебном противостоянии внешнему миру. Изоляция и противостояние требовали соответствующего идеологического обеспечения. Идеология «осажденной крепости» и культ державных ценностей, выдаваемые русскими национал-патриотами, вкупе с профессором Бжезинским, за национальную особенность русского менталитета, являются, таким образом, действительно жизненно важными – но не для русского национального сознания, а для выживания старого советского чиновничества. Этот класс, хотя и многочисленный и весьма влиятельный (и еще усиливший свое влияние за счет сращивания с частью новой русской финансовой олигархии, и даже с частью криминального мира), не является все же носителем русского национального сознания.

Национал-патриотизм, культ державности, антизападная и антилиберальная риторика – вовсе не изобретение ельцинской эпохи. Если даже оставить в стороне дореволюционный период, то ведь именно в этом направлении непрерывно трансформировался ленинский большевизм, начиная с момента захвата большевиками государственной власти. В последние годы Сталина была сделана попытка построить на этих основаниях официальную государственную идеологию. Но и после смерти диктатора эта система взглядов оставалась латентной идеологией всего государственного аппарата, от последнего райкомов-

ца до Генерального секретаря. Горбачевская перестройка, а затем Августовская революция 1991 г. покончила с марксистской обрядностью и марксистской фразеологией как частью официальной государственной догмы; но они не сумели покончить ни с отчуждением государства от общества, ни со всевластием государственного аппарата. В результате «тайное» стало явным: державность как система мышления власти, едва задрапированная демократической риторикой, стала быстро претендовать на статус официальной основы правительственной политики.

Первые же серьезные испытания, особенно чеченский кризис, показали полную практическую несостоятельность системы управления, основанной на державности. В условиях открытого общества, рыночной экономики, политической свободы, партнерства с Западом она и не могла быть эффективной. Стало быть?.. Стало быть, одно из двух: либо меняться самим – но это означает новую, и на этот раз решительную и последовательную реформу во всех сферах управления и конец всевластия старого бюрократического аппарата (он же, по М.Джиласу, «новый класс»). Либо выдираться из окружающей реальности, и, в частности – по возможности восстанавливать «железный занавес», возвращаться к автаркии и закрытости.

* * *

Первый путь требует от политических лидеров трезвости, компетентности и чувства реальности, т.е., свойств, которые крайне редко встречаются среди политиков не только в России, но и во всем мире. Простой обыватель (если ему не успели заморочить голову политики и идеологи) обладает, как правило, куда большей трезвостью и реализмом, чем «реальный политик». Оно и понятно и даже закономерно: стандарт мышления политико-идеологического истеблишмента необходимо включает в себя склонность к мифопоэтическому видению мира. Ибо моделирование окружающей реальности – хлеб политика и идеолога, а заботы обывателя касаются, в основном, насущного хлеба. Поэтому идеологи строят мифы, большинство политиков их озвучивают, а обыватель, в лучшем случае, их пассивно потребляет.

Так что попытки переадресовать внешнему врагу народное недовольство чеченским позором и общим ходом дел в стране – вовсе не результат хитроумного пропагандистского плана, разработанного кем-то в Кремле. Все гораздо проще. И в Кремле,

и в Доме правительства, и в здании МИД на Смоленской площади, не говоря уже о Думе, сидят такие же люди, как и за пределами этих государственных учреждений, но существенно более предрасположенные к тому, чтобы морочить головы себе и другим.

В истории человечества встречались политические лидеры, которым удавалось освободиться из плена мифотворчества, трезво и просто посмотреть на мир и донести свое здравое видение до народа. Таких политиков называют впоследствии великими историческими деятелями и считают гениями, а на самом деле их гениальность состоит лишь в трезвом и спокойном взгляде на мир. Увы, такие истинно народные лидеры в мировой истории встречаются крайне редко. Таковы были, например, Генрих IV Французский, Джордж Вашингтон или Авраам Линкольн.

В российской верхушке Генриха IV пока не нашлось.

* * *

Но как, после всех слов о демократии, партнерстве, открытости, обосновать возвращение к авторитаризму, изоляционизму, милитаризации?

И вот тут вспомнили про НАТО, благо процесс принятия решения о его расширении подошел к своему кульминационному пункту. Фанатическая и фантастическая теория «атлантизма», придуманная немецкими профессорами для Гитлера и американскими профессорами неизвестно для чего, адаптированная отечественными националистами (маргинальное крыло представительства российской бюрократии в политике), оказалась востребована «партией власти» (системное ядро представительства той же бюрократии) и самой властью. И пусть от этой теории слегка отдает шизофренией. Шизофрения – проверенный и надежный способ бегства от реальности.

Каковы перспективы разрешения кризиса? Я имею в виду, разумеется, не реальные проблемы в международных отношениях, вызванные неумелыми действиями и ненужной спешкой западных дипломатов и политиков вкупе с негибкостью дипломатов и политиков российских. Это, на мой взгляд, событие не первого ряда. Я имею в виду связанный с этим кризис российского политического сознания, провоцируемый и обостряемый влиятельными и мощными силами в самой России.

Опаснее всего, когда какой-то политической группировке удастся внедрить идею в массы, сделать ее, как говаривали большевики, самостоятельной движущей силой. Обычно после

этого контроль за ситуацией утрачивается даже авторами идеи. В истории с НАТО этого пока не произошло; массы, которым и без того нелегко живется, достаточно, по-моему, равнодушны к антинаатовской истерии. Однако капля камень точит, и антизападная пропаганда, ложащаяся к тому же на советские психологические стереотипы, внедренные еще при Сталине и Брежневе в сознание старшего поколения, могут дать неожиданный и сильный эффект отдачи, не планируемый, вероятно, и самими пропагандистами антинаатовского «национального консенсуса».

Возможно, все же, разум и осторожность возобладает, и правительство, вкупе с «государственно мыслящей» демократической оппозицией, перестанет помогать оппозиции комунно-патриотической рубить сук, на котором они все сидят. Но маховик раскрутившейся пропагандистской машины остановить уже не так-то легко.

* * *

Сказанное, разумеется, не означает, что автор данной статьи безусловно приветствует расширение НАТО за счет вступления в него центральноевропейских стран. Хотя само по себе это событие представляется мне малозначительным с точки зрения реальных интересов России.

Понятно, что Польша, Чехия, Венгрия, другие страны бывшего соцлагеря, а также независимые государства, возникшие на месте бывших союзных республик, испытывают панический страх перед Медведем. Они еще долго будут его испытывать. И вполне разумно, и даже гуманно, что Североатлантический альянс пытается их успокоить. Но разве вхождение в альянс – единственный способ гарантировать безопасность этих стран?

Варшавский пакт и военно-политический раскол Европы – реальность вчерашнего дня. Североатлантический блок – реальность дня сегодняшнего, и с этим следует считаться. А вот расширение этого блока – дело завтрашнего дня, и характер его влияния на международные дела зависит от действий западных политиков.

Понятно, что любое суверенное государство имеет право проситься в любой межгосударственный альянс, а любой межгосударственный альянс имеет право удовлетворить или отвергнуть его просьбу, не оглядываясь при этом на мнение третьих стран. Но, в данном случае – зачем такая спешка? Ссылки на нестабильность в России, на возможное возрождение русского

империализма не убеждают. Я согласен с тем, что в своей внешней политике нынешнее российское правительство все чаще прибегает к недолжным угрозам по адресу соседних народов. Но каждому непредвзятому человеку ясно: эти угрозы не от силы, а от бессилия. И потом, в случае нестабильности в России угроза возникнет раньше всего не для Польши, Чехии и Венгрии, а для Украины, Закавказья, стран Балтии. Но их-то как раз и не торопят принимать!

Ключевой принцип современных международных отношений (декларированный, но, к сожалению, далеко не всегда соблюдаемый) – это равенство прав и интересов всех стран. И если выборочно укреплять безопасность одних народов, оставляя за бортом другие, возникает опасный градиент силовых потенциалов.

По тем или иным причинам США и другие страны НАТО считают необходимым сохранение альянса (пусть в модифицированном виде) даже в новых условиях, но при этом исключают в обозримом будущем полноправное членство в нем России и большинства других стран Восточной и Центральной Европы. Это их право – так считать. Но тогда зачем делать исключения, делить регион на «чистых» и «нечистых»? И уж, во всяком случае, выстраивая новую систему международной безопасности в Центральной и Восточной Европе, следует найти и для России достойное место в этой системе.

И потом, обманывать все-таки дурно, даже в международной политике. Обещали Горбачеву в 1989–1991 гг., что никакого расширения не будет? Обещали. Горбачев поверил? Поверил. А теперь говорят, что эти обещания «не имели юридической силы». Нехорошо. Некрасиво.

* * *

Увы, политики во всем мире, видимо, одинаковы. Совершенно очевидно, что в истории с НАТО коса нашла на камень. В Вашингтоне, похоже, верят в «геополитику» не меньше, чем Зюганов с Жириновским – сказывается традиционный политический инфантилизм американцев. Натовские деятели озабочены, как бы кто не подумал, что Москва может диктовать им условия.

А российский парламент пытается принять грозное постановление о невступлении России в Североатлантический альянс ни при какой погоде. Хотя нас туда никто, собственно, в ближайшем будущем и не зовет.

Театр абсурда.

Россия после Чечни

The New York Review of Books. July 17, 1997.

Итак, это произошло. В Москве Президенты Ельцин и Масхадов торжественно подписали договор «О мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской республикой Ичкерия»¹.

Высокие договаривающиеся стороны – именно так они себя именуют – заявили о стремлении «прекратить *многовековое* противостояние», «установить *равноправные* отношения», построенные на «общепризнанных принципах и нормах *международного* права». Курсив мой и, мне кажется, он необходим. Термины, употребленные в Договоре, звучат совершенно недвусмысленно и могут значить лишь одно: Россия признала, что а) Чечня никогда не входила в ее состав добровольно; б) чеченцы всегда сопротивлялись российскому владычеству, и в) сегодня Москва официально рассматривает Ичкерия как независимое государство.

Само слово «независимость», в полном соответствии с прошлогодними Хасавюртскими соглашениями, в тексте Договора отсутствует. Это, наверное, правильно: в Хасавюрте Лебедь с Масхадовым договорились отложить окончательное решение о статусе Чечни до конца 2001 г., и незачем дразнить гусей прямо сейчас. Но уже ясно, что это окончательное решение (если, разумеется, не произойдет ничего экстраординарного) всего лишь закрепит де-юре фактическое признание Москвой независимости бывшей российской провинции.

Пора подводить предварительные итоги чеченского кризиса – самого важного события в истории новой России.

Главное, конечно, – это зафиксированный в первой статье Договора категорический отказ как от применения силы, так и от угрозы ее применения при решении любых спорных вопросов. Если абстрагироваться от непредсказуемости российской политики и представить себе, что Кремль (и Грозный, кстати) будут придерживаться старого доброго принципа «договоры должны соблюдаться», то, можно считать, что опасность возобновления войны отодвинулась на задний план.

¹ Договор был подписан 12 мая 1997 г.

А коль скоро с войной покончено, то самое время попытаться ответить на те вопросы, которые неизбежно встанут по окончании любой войны.

Во имя чего ее начинали, и какими соображениями обосновывалась необходимость ее ведения?

Какие цели ставили перед собой воюющие стороны, и каких результатов они достигли?

Кто победитель в этой войне, и кто – проигравший?

Каковы дальнейшие перспективы развития ситуации – для обеих сторон?

Попытаемся ответить на некоторые из этих вопросов.

* * *

Официальный Кремль неоднократно заявлял, что решил на применение силы, чтобы:

- ликвидировать нелегитимный и недемократический режим генерала Дудаева;
- не допустить отделения Чечни от России;
- восстановить правопорядок и пресечь криминальный беспредел в республике;
- защитить права человека (в частности – права русскоязычного населения Чечни);
- предотвратить возникновение на Северном Кавказе опасного очага исламского фундаментализма.

Что ж; из этих задач частично удалось выполнить лишь одну. Хотя режим Дудаева и не был ликвидирован, зато был ликвидирован сам мятежный генерал. Пришлось, правда, задом умертвить еще сотню тысяч людей или около того – но кто об этом сегодня вспоминает?

Что и говорить, легитимность дудаевского режима в самом деле была достаточно сомнительной – он ведь силой разогнал Верховный Совет республики. И, хотя в устах Ельцина данное соображение звучало, как бы помягче сказать, слегка гротескно, само по себе оно не теряло от этого силу. Вот только к чеченским обстоятельствам 1994 года оно плохо применимо.

В 1995 году в Чечне должны были состояться выборы. Кстати, к этому времени популярность Дудаева в республике сильно пошатнулась. Экономические трудности, с которыми он не мог и не умел справиться, противоречия в правящей верхушке, недовольство ряда тейпов (кланов) его кадровой политикой, традиционное недоверие чеченцев ко всякой «государственной» власти (особенно той, что рядом, в Грозном) – все это лишало генерала политической перспективы. Так что стоило чуть-чуть подождать, и Москва имела бы в Грозном легитим-

ного партнера по переговорам. И, весьма вероятно, не строптивца Дудаева. Такому развитию событий могло помешать только одно: прямое вмешательство России. Дудаев немедленно превратился в символ национального сопротивления, а после своей гибели вообще стал народным героем.

Нельзя сказать, чтобы Москва в ходе военных действий игнорировала проблему легитимности. Чеченскому народу предлагались все новые и новые правители, один другого легитимнее и краше. Последним из них стал Доку Завгаев – бывший партийный лидер советской Чечено-Ингушетии. В декабре 1995 г. он, под покровительством Центризбиркома и Верховного Суда России (и, увы, при полном молчании и самоустранении миссии ОБСЕ), бесстыдно объявил в республике «выборы»; разумеется, 95% населения оказались его, Завгаева, сторонниками. И никто не удивлялся. А в августе 1996 г., в дни последнего штурма Грозного масхадовскими ополченцами, он публично заявлял: «ничего особенного не происходит – так, случайные перестрелки». И вот тут все заудивлялись – надо же, какой лжец!

Вот такую легитимность предлагали Чечне московские власти. Почему-то она чеченцам не понравилась, и они предпочли считать легитимными январские выборы 1997 года, на которых уверенно победил лидер чеченского сопротивления Аслан Масхадов. Автор этих строк присутствовал на этих выборах в качестве наблюдателя. Многие в них кажутся мне, мягко говоря, не вполне согласующимся с демократическими принципами – в первую очередь, конечно, фактическое отстранение от участия в них десятков, если не сотен, тысяч беженцев, находящихся за пределами республики. Но где в мире можно соблюсти безукоризненно корректную электоральную процедуру в стране, буквально испепеленной войной? Может быть, в Боснии? Во всяком случае, то, что я видел, убедило меня: жители Чечни, принимавшие участие в выборах, верили в их честность, а власти, в свою очередь, старались сделать все как можно лучше. И те, и другие понимали: они страхуют себя от новой войны. И, кажется, оказались правы.

Вторая задача, которую ставили перед собой кремлевские стратеги – сохранение Чечни в составе России. Что ж, два с половиной года назад эта задача была вполне выполнимой. Даже после начала военных действий не только простые чеченцы, но и члены дудаевского кабинета рассказывали мне о том, какой они видят «независимость» своей республики: общая с Россией валюта, общее обеспечение безопасности (включая армию и охрану внешней границы), единое граждан-

ство, совместная внешнеполитическая деятельность, интегрированная с Россией экономика и т.п. Кое-какие атрибуты независимости чеченцы хотели все же оставить – например, изображение волка в своем гербе... Если же говорить серьезно, то до войны Чечня, возможно, согласилась бы на такой суверенный статус, который не очень отличался от нынешнего статуса Татарстана. А ближе к концу войны уже Москва была согласна на любой, гораздо более высокий, чем предполагалось чеченскими лидерами в 1994 г., уровень самостоятельности для Чечни – лишь бы «в составе Федерации»; лишь бы сохранить лицо. Поздно: уникальная историческая возможность – узаконить на демократической основе вхождение в состав России самого непримиримого из горских народов Кавказа – исчезла под грохот бомб и ракет. Боюсь, что на этот раз навсегда.

Третья причина, выставлявшаяся официальной пропагандой в качестве *casus belli* – это необходимость уничтожить «чеченскую мафию», база которой, как заявлялось, находится в Грозном. Не берусь рассуждать, насколько верным было это утверждение, а также насколько эффективен способ борьбы с преступностью посредством авиации, дальнобойной артиллерии и систем залпового огня. Надеюсь только, что Ельцин не начнет таким образом бороться с преступностью в самой России. В Чечне же результаты этой борьбы федеральных войск налицо: к традиционным видам преступности прибавились терроризм и похищение людей с целью выкупа.

Ну, а что касается прав русскоязычного населения (той его небольшой части, которая не погибла под русскими бомбами и не бежала, бросив свои дома, в Россию), то здесь теперь остается только надеяться на то, что у Масхадова найдется достаточно силы и разума, чтобы остановить криминальный беспредел, от которого горстка беззащитных стариков страдает сегодня неизмеримо больше, чем до войны. Кстати, глядя на то, как обращаются в России с беженцами, трудно представить себе, что кто-то сумеет превзойти российское правительство и его миграционные службы по части массового и грубого нарушения прав русскоязычных уроженцев Чечни. Да, по правде говоря, только ли Чечни?

Наконец, об угрозе исламского фундаментализма. Дудаев и вправду пытался еще до войны что-то говорить о шариате. Но Дудаев много чего говорил в своих выступлениях. А вот если бы до войны он на деле попробовал ввести в Чечне шариат, я бы ему не позавидовал. Даже сейчас я сильно сомневаюсь в успехе подобных новшеств. Ведь и Шамиль в свое время в этом

не преуспел. Горцы-вайнахи привержены адатам – обычному праву, основанному на традиции; их исламизм ни в какой степени нельзя назвать фанатическим. Особенно если учесть множество различий в религиозных традициях внутри самого вайнахского народа, традиций, восходящих к тому или иному вероучителю прошлого или даже позапрошлого столетия.

Но за время войны среди лидеров чеченского сопротивления стало принято подчеркивать свою приверженность исламу – одному из символов сопротивления. Поначалу это вызывало улыбку: например, демонстративное, подчеркнутое благоговение, которое бывший Генеральный прокурор и министр юстиции Ичкерии Имаев выказывал при мне по отношению к своей «любимой книге» – сборнику речей и проповедей имама Хомейни. Творения идейного лидера шиитов – настольное чтение правоверного суннита! Что уж говорить о рядовых чеченцах!

Сегодня уже не до смеха. Публичная порка и побивание камнями, введенные в уголовный кодекс республики. Призывы к джихаду бывшего комсомольского функционера, а ныне полевого командира, Салмана Радуева (он мучительно и неприкрыто завидует своему более храброму и удачливому сопернику на ниве террора – Шамилю Басаеву, и мечтает переплюнуть последнего хотя бы в благочестии). В Чечне, а теперь уже и в Дагестане, появились невиданные там доселе ваххабиты. Все это – плоды войны. Я не сомневаюсь, что Масхадов хочет строить светское государство, функционирующее по демократическим правилам. Он мне сам это говорил – с глазу на глаз. Но даже он уже избегает говорить об этом вслух.

Итак, поводы к войне и ее результаты связаны между собой простым соотношением. Большинства призраков, тревоживших воображение кремлевских политиков, до войны на самом деле не существовало. Война вдохнула в них жизнь, и они стали явью. Все, чего боялись (или делали вид, что боялись) в Москве в 1994 г., сбылось: и выход Чечни из состава России, и всплеск исламского фундаментализма, и волна криминального насилия в регионе, и незащитность перед нею остатков русскоязычного населения республики. И все это Москва сотворила сама, своими руками, развязав войну.

* * *

Для того, чтобы ответить на вопрос, кто же победил, а кто проиграл в этой войне, нам придется отбросить те перечисленные мною выше демагогические аргументы, которые наши «ястребы» приводили поначалу в обоснование своей точки зрения (чем дольше шли боевые действия, тем реже они обраща-

лись к этим аргументам – кому охота выглядеть полным идиотом). Надо обратиться к истинным причинам событий.

Сразу оговорюсь: я не могу быть экспертом в том, что касается гипотез об «экономических» причинах конфликта. Таких гипотез множество: желание замести «московский след» некоторых банковских афер, связанных с Чечней; ошибка интересов при выборе маршрутов, по которым будет транспортироваться каспийская нефть; и т.д., вплоть до версии о «списании» на военные потери вооружения, незаконно проданного российскими генералами в Германии при выводе оттуда наших войск или о «международном сионистском заговоре». В эти гипотезы свято верит большинство чеченцев; мелькают они и на страницах российской прессы (точнее, мелькали – до тех пор, пока не прекратились военные действия и российское общество не постаралось забыть о Чечне, как о страшном сне). Некоторые из этих версий звучат вполне правдоподобно; иные выглядят как типичные «сказки и легенды народов Кавказа». Но, в любом случае, подобные причины не могут не быть вторичными, производными от главного: состояния России накануне войны.

В 1994 году правительство и Президент резко поменяли курс развития страны. Была остановлена экономическая реформа, повернуты вспять политические и правовые преобразования. Из двух тенденций, – демократической и антидемократической, – боровшихся друг с другом после Августа 1991 года, победила та, что представляла косный и реакционный государственный аппарат, при старом режиме называвшийся «номенклатурой». Конечно, это была уже не прежняя партийная номенклатура: марксистско-ленинская риторика была списана ею в утиль, что позволило примкнуть к правящей элите многим политикам, делавшим карьеру на риторике демократической. Но демократическая процедура, демократические методы управления страной были равно чужды и новой, и старой номенклатуре. Это сказывалось во всем, но в первую очередь в двух вещах: в резком усилении тенденции власти к закрытости при принятии решений и в столь же резком увеличении веса силовых структур. Последнему обстоятельству очень способствовал переворот сентября-октября 1993 г., принятый, по иронии истории, в защиту демократии.

И в общественном сознании ценности свободы, казалось, отступили на задний план перед страстным стремлением к «наведению порядка в стране». Новый демократический порядок еще не был создан, и поэтому демократия в восприятии многих ассоциировалась с беспорядком и нестабильностью. Неуди-

вительно, что возростала популярность идеи «державности», которая способна возродить величие России, подорванное «демократами». Российская традиция «державных ценностей» на самом деле состоит в сакрализации государственной власти – «священного наследия, завещанного нам предками», Иваном Грозным, Петром Первым и Иосифом Сталиным. Государство – это апофеоз русского национального духа, и потому интересы общества и личности должны быть безоговорочно подчинены государственным интересам. Само же оно должно находиться, по возможности, вне общественной критики (которая по определению оказывается «антипатриотической») и полностью – вне общественного контроля.

Понятно, что подобная идеология целиком отвечает интересам многочисленного и сильного класса государственных чиновников (не следует путать русских чиновников с западными «менеджерами» – это совсем другой социальный тип); чиновничество, номенклатура и являются основным ее источником. Но идея «державности» легко находит отклик и у некоторых интеллигентов-«почвенников», и у ряда финансовых баронов, связанных сегодня с номенклатурой полукриминальными отношениями, и у тех капитанов производства, которые предпочитают оставаться жрецами Государственной Целесообразности, а не просто самостоятельными предпринимателями. И, увы, она достаточно популярна среди т.н. «простых людей», привыкших к патернализму власти, особенно – среди тех, кто пострадал от экономического хаоса и неурядиц.

Поначалу команда реформаторов, сколоченная Ельциным в 1991 г., противостояла подобным настроениям аппарата и части населения. Но к 1994 г. большинство реформаторов, под давлением того же аппарата, было вытолкнуто из правительства. Многие же из тех, кто остался, решили, что делать политическую карьеру удобнее и проще, приняв сторону аппарата. Сам Ельцин, похоже, долго колебался, прежде, чем порвать с демократией. С одной стороны, он, вероятно, пытался переиграть национал-коммунистическую оппозицию в парламенте и в стране, перехватывая ее лозунги (и напрасно: чем дальше он дрейфовал в сторону оппозиции, тем радикальнее становились лозунги последней и тем непримиримее – ее критика в адрес Президента и правительства). С другой стороны, ему самому, с его непреодоленным партийно-аппаратным прошлым, многие взгляды «державников», по-видимому, были далеко не чужды.

Развязкой этих колебаний и стало решение об образцово-показательной акции по наведению порядка, защите достоинства

российского государства и национальных интересов в одной отдельно взятой республике. «В течение двух часов, силами одного парашютно-десантного полка», как сказал бывший министр обороны Павел Грачев.

* * *

Меня иногда спрашивают: «Ну, ладно, г-н Ковалев, Вы оказались правы в Ваших оценках перспектив силового разрешения чеченского кризиса. Ну, а если бы Вы ошиблись? Если бы в самом деле удалось решить проблему за короткое время, малыми силами и малой кровью? Одобрели бы Вы такое решение?». Я обычно отвечаю, что этого не могло быть, что эту проблему так решить было невозможно, и что нет смысла обсуждать невозможные гипотезы. И тогда меня обвиняют в том, что я уклоняюсь от ответа, или, хуже того – что я внутренне всегда был на стороне Дудаева, но не решаюсь сказать это прямо и честно.

На самом деле, мне кажется, что я отвечаю по существу. Ведь в этом и состоит специфика неповоротливого и неумного монстра, именуемого традиционным российским государством. Оно в принципе не умеет оценивать ситуацию адекватно, потому, что оно может питаться только мифами и, в определенном смысле, само является мифом. Оно в принципе не может обойтись без применения силы, потому что его суть – это обожествленная, надличная сила, оторванная от силы общества; сила не малая и не большая, а та голая сила, которой оно в данный момент располагает. Оно не умеет решать проблемы бескровно, ибо кровь – его любимая пища. Более того, оно вообще не умеет решать проблемы. Оно умеет их только создавать. Кавказские войны – и первая, и вторая – это не просто свидетельство бездарности российской государственности; сам факт их возникновения есть ее неизбежный результат.

Этот-то монстр и потерпел поражение в Чечне. Мне больно думать о тысячах русских солдат и офицеров, погибших, покалеченных, плененных в этой войне. Мне больно думать и о тысячах чеченских мальчишек-ополченцев, погибших в боях против армии моей страны или уничтоженных ОМОНОм в фильтрационных лагерях. Особенно больно думать о десятках тысяч гражданских жертв войны, о сотнях тысяч беженцев, мыкающихся сейчас по России без крова и помощи. Но поражению монстра я рад.

Кто стал победителем в войне? Военную победу одержали силы чеченского сопротивления. Собственно, они победили уже в первые три недели, когда гигантская военная машина

России в кровь сбила себе кулаки о дымящиеся обломки Грозного. Это неслыханное унижение великой державы стало решающей моральной победой чеченцев. И даже если бы их после этого раздавили, физически уничтожив боеспособную часть населения, для истории именно они остались бы победителями, подобно тому, как для истории именно Биафра осталась победительницей в войне с Нигерией – что бы ни говорили историки.

Но чеченцев не раздавили. Они одерживали победу за победой и завершили войну победоносным штурмом Грозного. Военная победа за ними. Но стал ли победителем чеченский народ?

Боюсь, что здесь все не так просто.

* * *

Нет ничего опаснее военной победы. И Чечня не стала исключением из правила.

Несколько месяцев назад я выступал в чеченском парламенте. Говоря о введенных незадолго перед этим в уголовный кодекс республики Ичкерия телесных наказаниях, я попытался воззвать к чеченскому чувству чести и собственного достоинства. «Волк, легендарный прародитель вайнахского народа, – сказал я, – символ вашей стойкости. Но поротый волк – это уже не волк. Это – дворняжка». Я был готов к тому, что меня немедленно пристрелят или, по крайней мере, побьют. Ничего подобного: несколько смущенных улыбок в зале и полное молчание. Они, в большинстве своем, были согласны со мной; но они боялись сказать об этом вслух. Поротый волк – не волк; испуганный чеченец – не чеченец.

Чеченские лидеры боятся. Они боятся противостоять террору, который никогда не воевавшие бандиты развязали против незащитных русских – ведь их могут обвинить в недостатке национального чувства и в «пророссийских настроениях». Они боятся выступить против исламизации страны – ведь их могут обвинить в недостатке благочестия и в «прозападных симпатиях». Они боятся принять действенные меры против уголовников, похищающих журналистов ради выкупа – их могут обвинить в отсутствии внутричеченской солидарности.

«Герой Буденновска» Шамиль Басаев, человек действительно храбрый, боится «героя кизлярского родильного дома», выродка и труса Радуева, которого он мог бы раздавить как вошь. Правительство Ичкерии нянчится с Радуевым, то объявляя его душевнобольным (что, впрочем, похоже на правду), то робко грозя ему пальчиком. Вожди Сопrotивления боятся своего народа и, кажется, друг друга; народ начинает бояться

своих вождей. Ночь после битвы принадлежит мародерам. Умиротворяя Радуева и ему подобных, подлаживаясь под них, Масхадов рискует потерять весь свой заслуженный авторитет и вымостить дорогу к власти в Ичкерии – подонкам.

Чечня получила свою независимость. Но сражались чеченцы, прежде всего, за свободу. Вот свободу они сейчас и могут запросто потерять.

Такова возможная цена военной победы.

* * *

Мне жаль чеченцев. Я люблю этот народ, доверчивый, талантливый, артистичный, по-детски жестокий и по-детски тщеславный, народ поэтов, торговцев, землепашцев и рыцарей. Я боюсь за их несравненное чувство собственного достоинства, за их врожденное стремление к свободе. Мало осталось на Земле народов, которым удалось так бережно сохранить все эти древние добродетели в своей культуре, в своих традициях, в своем быте. Но культура складывается тысячелетиями, а разрушить ее можно в один момент.

Я люблю чеченцев и надеюсь, что им удастся преодолеть нынешний социально-психологический кризис, вызванный войной и победой. Но Россия волнует меня все-таки больше.

Проиграла ли Россия Вторую кавказскую войну?

Если говорить о России, которую «потерял» г-н Говорухин, или г-н Зюганов, или г-н Жириновский – то да, конечно, проиграла.

Проиграла ли та Россия, которую, начиная с первых робких горбачевских деклараций, пытаются вырастить наши реформаторы из зерен, там и сям разбросанных по нашей истории, а более всего – по нашей культуре? Россия Пушкина, Герцена, Сахарова? Россия как часть великой европейской цивилизации и Россия как необходимый элемент, без которого никогда не возникнуть новой, общечеловеческой цивилизации? Еще не знаю, но неуверенно надеюсь, что выиграла.

Трижды в истории России проигранные войны влекли за собой либеральные политические реформы внутри страны. Крымская война 1850-х гг. привела к падению крепостного режима, реформе судопроизводства, армии, местного самоуправления, ослаблению цензурных ограничений; японская война 1904–1906 гг. – к значительному ограничению самодержавия, укреплению гражданских свобод и внедрению начатков демократического правления; афганская война 1980-х – к горбачевской перестройке. Каждая такая реформа приближала страну к магистральной дороге общественного прогресса. И каждый раз она наносила удар по существовавшей в России с незапамятных вре-

мен системе всесильной государственной власти, опирающейся на мощный и многочисленный бюрократический аппарат.

Чеченский кризис показал полную практическую несостоятельность системы управления, основанной на державности, в условиях открытого общества, рыночной экономики, политической свободы, партнерства с Западом. Стало быть, одно из двух: либо меняться самим – но это означает новую, и на этот раз решительную и последовательную реформу во всех сферах управления и конец всевластия старого бюрократического аппарата. Либо выдираться из окружающей реальности, и, в частности – по возможности восстанавливать «железный занавес» и возвращаться к государственной шизофрении.

Сейчас у меня возникает робкая надежда, что страна все же выберет для себя первый путь.

Само подписание договора с Ичкерией означает победу трезвости над шизофренией. Но есть и другие знаки перемен, которые могут, при определенных обстоятельствах, стать решающими.

Почти полностью обновился кабинет министров и президентская администрация. Там почти не осталось людей, которые несут прямую ответственность за кавказскую бойню (кроме министра внутренних дел Куликова и, разумеется, самого Президента). Почти не осталось представителей старой советской номенклатуры и т.н. «свердловской мафии» – людей, которые были обязаны своими высокими постами только одной добродетели: личной преданности главе государства. Может быть, после истории с генералом Коржаковым Ельцин, наконец, понял, что нет в политике ничего менее надежного, чем личная преданность? Дай-то Бог.

В правительство вновь пришли люди с репутацией реформаторов: Чубайс, Немцов, Уринсон. Заговорили о втором этапе реформ. Что отрадно: на сей раз реформы обсуждаются публично и открыто, общество имеет возможность узнавать правду о положении страны и о предлагаемых путях выхода из кризиса. Разумеется, реформаторов немного; разумеется, они разобщены и слабы; разумеется, речь, в основном, идет лишь об экономической, а не о серьезной правовой реформе, и уж тем более не о главной реформе – реформе управления.

Кажется, поуменилось количество державной и антизападной трескотни в речах первых лиц государства. Кажется, спадает антиНАТОВская истерия: с Североатлантическим блоком даже подписан договор. (Я вовсе не считаю, что в истории с расширением НАТО Запад вел себя на сто процентов правильно и разумно; но мы говорим сейчас о России.)

Вспомнили о правах человека – конечно, в привычной советской манере: Президент провозгласил в России «год прав человека», по случаю юбилея Всеобщей декларации. Что ж, от этих людей и юбилейное «мероприятие» – благо. Глядишь, и о заброшенной судебной реформе когда-нибудь вспомнят.

* * *

Конечно, это далеко еще не победа демократии.

Те общественные силы, которые один раз уже загнали страну в грязь и кровь чеченской войны, никогда не смирятся со своим поражением, ибо поражение означает для них неизбежное исчезновение с арены отечественной истории. И у них еще достаточно сил и в оппозиции, и внутри самой власти. Тому пример – недавняя история с Белоруссией, когда мы чуть было не оказались нечувствительно в одном государстве с г-ном Лукашенко. Я говорю сейчас не о плюсах и минусах интеграции с Белоруссией вообще, и даже не об антидемократическом и антилиберальном характере режима Лукашенко в частности, а именно о келейном, закрытом, секретном способе принятия решения об объединении. Вот так же мы и войну с Дудаевым начинали.

Нельзя забывать о том, что у наших державников и националистов есть мощные союзники и на Западе. Совсем недавно, например, г-н Киссинджер заявил, что России нечего лезть в Европу, – «пусть остается в Азии». Можно только гадать об истинной мотивации подобной геополитической доктрины. Но, несомненно, политика ведущих стран Запада, в той мере, в которой она определяется этими и подобными высказываниями сторонников тезиса о «лишней стране», внесла огромный вклад в несчастное развитие событий в России, приведшее к чеченской войне. Геополитический расизм, исходит ли он от г-на Жириновского или от его американских единомышленников, может принести лишь один плод – Россию, превращенную в огромный и опаснейший для всего мира источник нестабильности.

Все те симптомы оживления демократических тенденций, о которых говорилось выше, все еще очень и очень слабы. Затухить их – большого ума не требуется, да и существуют они пока что больше в виде деклараций. В сущности, и сам договор о мире между Россией и Ичкерией – это тоже не более чем декларация о намерениях. Обеим сторонам предстоит еще разработать конкретную процедуру окончательного урегулирования. Если бы я был безудержным оптимистом, то сказал бы, что эта процедура должна быть основана на принципах права и демократии, на приоритете прав человека. Но если бы дело сводилось только к тем или иным разумным шагам власти, я

не рискнул бы высказать даже сдержанно оптимистический прогноз. Сейчас она ведет себя разумно, а завтра опять взбесится и захочет мяса. И, собственно говоря, кто ей помешал продолжать пожирать страну дальше? Совесть, что ли, разыграла? Или патроны кончились? И то, и другое маловероятно.

Кто помешал вести эту войну дальше, до последнего чеченца, до последнего русского солдата, – тот эту войну и выиграл.

* * *

Кто же все-таки выиграл эту войну?

В газете «Известия» Отто Лацис высказывает лестное для меня мнение: «Победила партия мира, в которой первыми выступили Сергей Ковалев и другие демократические политики». Получается, что выиграл войну Ковалев. В каком-то смысле это совершенно не так. Например, я никак не могу считать своей победой достижение Чечней государственной независимости. Вопреки распространенному убеждению, я никогда не ратовал за государственную независимость Чечни – или против нее. Мне, честно говоря, довольно безразлично, будет ли Чечня находиться в составе России, или станет частью Канады, или так и останется вольной Ичкерией. Лишь бы стрельбы не было. Пожалуй даже, при других обстоятельствах, мне было бы приятнее, чтобы она осталась в составе России. Но при одном обязательном условии: это должна быть демократическая и свободная Чечня в составе свободной и демократической России. Или – не в составе; при этом условии суверенитет – дело третьестепенное.

Разумеется, эту войну выиграл не Ковалев «и другие демократические политики». Во всяком случае, не они одни. Войну выиграли те десятки – всего лишь десятки – общественных организаций по всей стране, которые с первого дня событий подняли свой голос против мясорубки. Их увидели и услышали многие, может быть, всего тысячи наших сограждан. Но среди этих тысяч нашлись сотни – всего лишь сотни – людей, которые день за днем, месяц за месяцем выходили на митинги и пикеты. И их убежденность производила впечатление на наше «молчаливое большинство».

Такова наша арифметика.

Войну выиграла свобода слова. Те десятки – всего лишь десятки – честных журналистов, которые, несмотря на правительственное давление, продолжали рассказывать и показывать правду о Чечне сотням тысяч читателей и десяткам миллионов телезрителей. Они вынуждены были транслировать не только правду, но и официальную ложь. Но ведь исходная по-

сылка для доказательства необходимости свободы слова в том и состоит, что мы уже большие. Мы – взрослые и умеем отличить правду от лжи.

Мы оказались слишком усталыми, задерганными и разочарованными, чтобы в первые же дни чеченской авантюры потрясти Москву полумиллионной демонстрацией, как это было в январе 1991 года, после событий в Вильнюсе. Цена нашей гражданской пассивности – сто тысяч трупов на Северном Кавказе. Но мы оказались достаточно трезвыми, чтобы не дать заморочить себе голову.

В 1996 г. наиболее чутким политикам, претендовавшим на власть, было уже ясно: страна не поддержит никого, кто не пообещает прекратить кровопролитие. У «ястребов» нет будущего. Именно тогда Ельцин сделал несколько демонстративных движений в сторону мирного урегулирования. Именно тогда Лебедь, человек, по-видимому, не лишенный политического чутья, поманил – только поманил – избирателей обещанием немедленного мира. И те избиратели, что не поверили Ельцину, поверили Лебедю.

Конечно, мы еще очень наивны. Никто из людей, знающих российскую политическую элиту, не поручился бы, что предвыборные обещания будут хоть как-то выполняться. И военная победа Масхадова в августе прошлого года могла стать прелюдией не к Хасавюртским соглашениям, а всего лишь к новому, еще неслыханному кровопролитию. Но в ходе выборов при власти оказалось немало тех, кто просчитывает свою политическую карьеру на несколько шагов вперед. Вот эти-то люди и поставили последнюю точку.

В сущности, это ведь и есть демократия: общество располагает механизмами, с помощью которых оно может заставить власть делать то, что оно требует, а не то, что ей, власти, хочется.

Чеченский кризис был первой серьезной битвой за демократию в России. Сказать ли, что наше новорожденное, очень слабое, больное, неуверенное в себе гражданское общество выиграло этот бой? Пожалуй, это было бы слишком смелым утверждением. Но все же оно этот бой не проиграло. Мир на Северном Кавказе – это, наверное, максимум того, чего мы в силах добиться сегодня. Но это, конечно, много меньше того, что мы должны сделать, чтобы выиграть будущее для России.

Сумеет ли деморализованная, разобщенная, еще неопытная, но уже уставшая от самой себя демократия выдержать натиск консолидирующейся реакции и одержать решающую победу в этой борьбе? Впереди еще много битв.

Испытание Балканами

«Общая газета», № 18/19 от 13–19 мая 1999 г.

В Европе – война. А о войне – или плохо, или ничего.

Прославлять бомбы и ракеты, которые валяются на Югославию невесть откуда с неба и убивают людей, невозможно.

Проклинать НАТО? Оставим это занятие профессионалам (благо в нашей стране они в избытке еще с советских времен), а также тем, кто зарабатывает на этом политический капитал.

Честно говоря, ругать западных лидеров, решивших ракетно-бомбовым ударом развязать косовский узел, есть за что. Политическая и военная некомпетентность, блистательное невежество по части истории региона (если б знали – решились бы плеснуть натовского бензина в балканский костер?), безответственность по отношению к судьбе заложников – сотен тысяч косовских албанцев, – все это до боли знакомо нам хотя бы по Чечне. Но вправе ли я присоединять свой голос к хору критиков, ежели сам не могу предложить никакого разумного образа действий?

Пытаться «легитимизировать» военную акцию через Совет Безопасности ООН? А что изменила бы санкция Совета Безопасности? Да и не было бы ее никогда. А тогда что – сидеть и смотреть, как Слободан Милошевич наводит этнический порядок в Косове?

Оставим европейскую войну как таковую в покое. Посмотрим, что сделала эта война с нашим, российским обществом. Поговорим о приступе истерии, которой оказались подвержены неожиданно широкие его круги. О неожиданно слабом иммунитете наших сограждан против штампов дурно пахнущей пропаганды.

Что произошло со здравым смыслом народа? С совестью интеллигенции? С разумом нации? С осторожностью государственных мужей?

А ничего и не произошло. Какие у нас были здравый смысл, совесть, разум – такие и остались. Как и не было последних десяти–пятнадцати лет, страшных разоблачений прошлых гекатомб, надрывного призыва к «покаянию» (никто, правда, сам не каялся, но зато всякий призывал покаяться другого), пота и слез неудачной реформы, рухнувших надежд на демо-

кратию и свободу. Ненадолго хватило нашего европейства. Из глубин социального подсознания полезли «евразийские» хари: славянская да православная солидарность.

Это мы, что ли, оплот православия? Да подавляющее большинство наших сограждан какой рукой креститься выучили только вчера – и то нетвердо. О позавчерашнем же нашем благочестии внятно свидетельствуют развалины православных храмов по всей матушке России. Что до воплей о славянстве, то это – призыв уже не к религиозной и даже не к национальной, а к племенной солидарности. Такая солидарность к лицу разве что Черной Африке, да и то – не нынешней, а столетней давности.

Да и понимают ли толком те, кто кричит о славянском братстве, что мусульмане-босняки или католики-хорваты (и, кстати, «новые натовцы» – поляки с чехами) – те же славяне, только другой веры? А македонцы, или черногорцы, или те же украинцы, слямзившие наш Севастополь, – не только славяне, но и православные.

Похоже, все это – маски, карнавальные личины, масленичные хари (кстати, в старом значении слово «хари» и есть «маски»). Не так уж наша публика необразованна и глупа, чтобы не знать совсем общеизвестных фактов и не понимать очевидных вещей.

За всеми криками о братстве и солидарности стоит нечто совсем иное: обретение врага заклятого, желательно – извечного, без которого мы чувствуем себя сиротами.

И это даже не черта русского национального характера. Это – часть великого русского национального мифа.

Внешний враг, коварный, беспощадный и беспринципный (и, как правило, незримый), всегда был необходим тому типу государственности, который веками складывался в России. Правителям, начиная от Ивана Грозного, а то и раньше, надо же было как-то объяснить народу, почему, присвоив себе огромную, ни с чем не сравнимую власть над согражданами, они так неэффективно, бездарно и жестоко правят страной.

Но внешний враг был необходим и самим подданным. Ибо если не он, то кто виноват во всех наших неудачах, провалах, несчастьях?

На ком лежит ответственность за российскую нищету, за российские неурядицы, за вечное нестроение в российском государстве? Не на нас же самих – таких умных, добрых и талантливых! Он и виноват, супостат. Он, проклятый, порчу

на нас напускает: то безбожным материализмом нас заразит, отравляет наши бедные головы, то идеалистическим дурманом. И, главное, без внешнего врага необъяснимым остается перманентное существование врага внутреннего: «агентов влияния», «пятой колонны», «отщепенцев». Откуда бы ему завестись посреди нашей православной соборности? Так вот же откуда: враждебный Запад вербует! От него в конечном счете все наши невзгоды и беды: и «немецкие лекари», что холерой русских людей травили, и нигилисты, прикончившие государя-императора, и шпионы, по заданию ЦРУ запустившие на наши поля колорадского жука...

Советская власть не выдумала ничего нового – она просто довела этот национальный комплекс неполноценности до шизофренического накала. Но когда эта власть лопнула, созданный ею образ империалистического врага тоже лопнул. И осталось у нас два пути для того, чтобы сохранить остатки самоуважения.

Сначала испробовали первый путь: немедленно, за полторы пятилетки, построить рай на земле, да такой, чтобы самим американцам от зависти тошно стало. Хотя об Америке мы ничего толком не знали, кроме того, что там свобода, изобилие и с утра до вечера по телеку голых баб показывают. А мы что, хуже?

Увы, ничего не получилось, кроме разве что телека.

И тогда пришлось судорожно вспоминать старые песни о главном. Все бы у нас вышло, конечно, и демократия, и рынок, и жизнь стала бы как в Лас-Вегасе – не жизнь, а сплошной праздник. Да вот пятая колонна помешала – проклятые демократы-рыночники, науськиваемые коварным Западом.

Правда, непонятно было, что плохого нам этот Запад делал. Вроде бы тянул нас за уши из дерьма: кредиты давал, гуманитарную помощь посылал, к сотрудничеству в международных делах звал. Конечно, всегда можно сказать, что кредиты нам давали, чтобы закабалить российскую экономику, гуманитарную помощь посылали, чтобы унижить нас подачками, а сотрудничать на международной арене звали из чистого коварства. Чтобы голову задурить.

Но все же как-то не вязались концы у патриотов-державников. И тут грянула балканская война.

Какая Югославия? Это по нам метит НАТО своими бомбами и ракетами, это великую Россию на колени хотят поставить.

Сначала СССР развалили по указке заокеанских подрывных центров, чтобы мы, не дай бог, коммунизма не построили; теперь интригуют против нас, чтобы у нас Лас-Вегас не получился. Боятся, твари, что наш Лас-Вегас пошибче ихнего будет.

Усталость, неудачи, разочарования, – все, что накопилось за десять лет реформ, выливается сейчас мощным потоком народного негодования.

Что же касается братьев по разуму, советских интеллигентов, вливающих в общий хор хулы на агрессора, то к их растерянности, искренним сожалениям и вполне обоснованным опасениям примешивается еще и горькая обида на западную демократию: что же это вы, ребята, так нас подвели!

Сказать это вслух – неудобно: вроде получается, что отчаянная (да, да, согласен – и неумелая, и неумная!) попытка спасти два миллиона человек от геноцида не должна была иметь место, потому что тем самым под угрозой оказались мы, российские демократы и либералы. Невысказанный (или, кажется, уже кем-то даже и высказанный?) упрек Западу со стороны моих единомышленников-демократов состоит в том, что он, Запад, ради албанских мужиков поставил на карту судьбу российской демократии.

Но и так выразиться тоже не вполне удобно – мы же все-таки интеллигенты и гуманисты.

И тут на помощь приходит убойный аргумент – право.

Страны НАТО нарушили нормы и процедуры международного правопорядка! Они развалили всю послевоенную мировую систему поддержания законности в международных отношениях! Они попрали собственные идеалы, кои, как мы твердо выучили, провозглашают право высшей ценностью человеческого общежития! Они применяют двойные стандарты, что, разумеется, несовместимо со справедливостью!

Оговорюсь сразу: последний упрек Западу я вполне разделяю. Запад давно и прочно погряз в грехе «двойных стандартов» в международной политике. Доказательств тому тьма: возьмем хотя бы удивительную толерантность европейской демократии по отношению к Турции, армия которой не первый год проделывает с курдами все то же, что Милошевич проделывает с албанцами. Или – зачем за примерами за море ходить – столь же умирительная терпимость к России в годы кавказской войны. Конечно, и Москву, и Анкару деликатно пожурили в Совете Европы, а Турцию вон даже в Европейское

сообщество не допускают, — но ведь не пытаются же решить проблему бомбами и ракетами. И, к слову сказать, пытаюсь сдерживать таким образом карателей Милошевича, даже для виду не удосужились побомбить базы албанских партизан, вполне заработавших этот знак внимания своими террористическими действиями. Все это — одна из причин, по которым я не верю в искренность европейских и американских лидеров в отношении Югославии и не одобряю военной акции на Балканах.

Но я ведь пишу не об их акции, а о нашей реакции.

Так вот: безукоризненная внешне критика действий Североатлантического альянса в Югославии с позиций права не выдерживает, на мой взгляд, контркритики. Мы забываем, что право — не самоцель и не религиозная догма, а всего лишь путь к справедливости и безопасности. Мы забываем, что нормы права чего-то стоят лишь тогда, когда они обеспечивают права, свободу и достоинство человека. Мы забываем, что мировой правопорядок, такой, каким он сложился после Второй мировой войны, был заложен в городе Нюрнберге, в ходе одного из самых антиправовых и одного из самых справедливых судебных процессов в истории.

Имеет ли права Слободан Милошевич? Да, разумеется. И первое из этих прав — его право на защиту лучшими адвокатами Европы.

Имеет ли права сербский народ? Безусловно и несомненно. И главное его право на восстание против тирании, позорящей его имя и честь. А затем — право на достойное правительство, сформированное народом и работающее во имя народа. Будем надеяться, что рано или поздно сербы воспользуются своим правом на демократию.

Имеют ли права косовские албанцы? Я бы и пальцем не пошевелил, если бы они отстаивали свое «право на самоопределение» — пустую и вредную погремушку, привешенную к концепции прав человека Вильсоном и Лениным в начале столетия. Реки крови пролились во имя этого «права» — но стал ли кто-нибудь счастливее там, где оно осуществилось? Однако сейчас попирается другое право албанцев — их право на жизнь и на национальное существование.

Мы можем возражать против очевидной глупости и бесполезности натовских действий. Мы можем (к сожалению, с серьезными для того основаниями) искать в югославской политике Запада своекорыстие и прагматизм. Но мы не можем

забывать при этом ни о сотнях тысяч людей, чья жизнь повисла на волоске, ни о тех – тысячах? десятках тысяч? – чья жизнь уже оборвана пулями карателей.

Повторяю: я говорю не о «них» – натовцах, а о нас. О нашем разуме, совести, человечности.

Что же делать людям, сохранившим перед лицом балканского кризиса разум и совесть?

Да все то же, что мы должны были сделать уже давно, – и не сделаем, по всей видимости, никогда. Объединиться. Объединить наши усилия в борьбе – не против НАТО и не за НАТО, – а против фашистской угрозы в России.

Не спорю, выработать принципиальную оценку событий на Балканах – очень важно для нас всех. Мы в ответе за каждую пулю, выпущенную там по живой цели (и за каждую ракету, конечно); в ответе не как славяне и не как православные, а как члены человеческого сообщества, которое, когда речь заходит о правах человека и других гуманитарных ценностях, не признает и не должно признавать государственных границ. Но прежде всего мы в ответе за собственную страну! И как граждане этой страны, мы – журналисты, политики, ученые, бизнесмены – все, в ком еще говорит голос чести и здравого смысла, – не вправе поддаваться всеобщей истерике. Как бы это ни было безнадежно, мы должны пытаться активно противопоставить этой истерике разумные и спокойные соображения.

Нас осталось мало. Нас много меньше, чем десять лет назад. Нас меньше, чем год назад. Нас, увы, меньше, чем месяц назад. Но нас это не должно смущать.

Милошевичу просто не повезло...

Die Welt, 31 мая 1999 г.¹

Нынешняя балканская война, похоже, воспринимается европейской общественностью, – и не худшей ее частью, – как война за правое дело. В представлении сегодняшних европейцев Милошевич – это современный Гитлер, НАТО же отождествляется с антифашистской коалицией периода Второй мировой войны.

С первой частью этого утверждения мне не хочется спорить. Да, есть в нем определенные преувеличения и натяжки, – но этнические чистки в Косово, сопровождаемые беспрецедентно жестокими кровавыми расправами над албанским населением, действительно, недалеко отстают от геноцида.

А вот вторая посылка вызывает серьезные сомнения.

Я не могу присоединить свой голос к хору российских политиков, безоговорочно осудивших натовские бомбардировки Югославии. У российского официоза нет на это морального права, ибо двусмысленная и провокационная позиция России, фактически поощрявшей неуступчивость Милошевича, внесла серьезный вклад в обострение косовского кризиса. Кажется в последние недели Кремль начинает эволюционировать в сторону более взвешенной и беспристрастной точки зрения. Что ж, дай-то Бог; и я от всей души желаю успеха миссии Черномырдина. Но русское правительство должно понимать, что у того, кто цистернами подливал бензин в разгоравшийся огонь, мало шансов получить признание в качестве главного пожарника.

И тем не менее, я вовсе не солидарен с действиями НАТО. Я понимаю, что лидеры Запада принимали решение в ситуации крайней необходимости, в условиях крайнего дефицита возможностей и времени. Но это вовсе не освобождает их от необходимости действовать умно и грамотно. Ни того, ни другого, увы, не наблюдается. Кажется, сейчас и до западной общественности стал доходить простой факт: война, призванная, вроде бы, спасти косовских албанцев от уничтожения,

¹ На русском языке эта статья была опубликована в «Российском вестнике Международной Амнистии» (№ 14 за июль 1999 г.)

привела к крупнейшей в новейшей истории Европы гуманитарной катастрофе, жертвами которой стали, в основном, те же албанцы. Но почему то, что было ясно, например, моим коллегам из российского общества «Мемориал» в первые же дни войны, лишь сейчас стало предметом серьезной дискуссии для европейской интеллигенции и, кажется, до сих пор вовсе не принимается в расчет западными политиками и натовскими генералами? Опыт мониторинга межнациональных конфликтов? Может быть: но и в Европе немало общественных организаций, накопивших такой же или больший опыт в разных уголках планеты – да и в той же Югославии. И ведь хватает в странах НАТО просто квалифицированных экспертов, которые способны были со стопроцентной вероятностью предсказать результат.

Если исходить только из вышеупомянутой цели натовского вмешательства, то недалновидность Запада необъяснима. Но она, к сожалению, вполне легко объясняется, если предположить, что приоритет и в политике, и в общественном мнении отдается другой цели, также публично провозглашенной: «наказать Милошевича». Спору нет, сербский президент и впрямь заслуживает наказания – весьма вероятно, что и уголовного. Но, хотя террорист, захвативший заложников – преступник, противотеррористическая операция, первоочередной задачей которой является не спасение заложников, а наказание террориста – аморальна. И вообще, пока что наказан не Слободан Милошевич, а его подданные: и сербы, и, в первую очередь, албанцы.

И кроме того: нравственно ли вслух провозглашать готовность защищать права человека в любой части земного шара любыми средствами, включая военное вмешательство, если на деле эта готовность, как правило, застревает в сите несчетного количества оговорок? Запад не вмешивался в тибетские дела, – потому что Китай слишком огромен и силен; в чеченскую бойню, – потому, что боялся подорвать позиции Ельцина; в курдский геноцид, – потому что Турция является его стратегическим союзником; в угандийский кошмар, – потому что Уганда далеко и, по большому счету, Западу безразлична. Невольно начинаешь думать, что бедняге Милошевичу просто не повезло.

Как бы ни именовать этот подход, «реальной политикой» или «политикой двойных стандартов», но если ты его применяешь на практике, то нечего изображать из себя ясноглазого идеалиста.

Да, нынешний мировой порядок крайне несовершенен, и блестящей иллюстрацией тому является очевидная беспомощность той наднациональной организации, которая, собственно, и призвана разрешать кризисы, подобные косовскому – Организации Объединенных Наций. Но это не значит, что можно сидеть сложа руки и смотреть, как льется кровь на Балканах.

Конечно, прежде всего необходимо закончить войну. При этом стоит, может быть, даже в чем-то пойти навстречу Югославии. Например, так ли уж принципиален вопрос о будущем составе миротворческих войск в Косово? Главное ведь, все-таки, в том, чтобы эти войска были достаточно эффективны и смогли обеспечить безопасное возвращение беженцев в родные дома.

Однако после всего, что произошло, этого мало. Мировой порядок, существовавший до начала бомбардировок, был создан державами-победительницами в конце Второй мировой войны. Но еще в начале ее Черчилль и Рузвельт провозгласили Атлантическую хартию, в которой определили цели союзников: построение нового, справедливого мира, где не будет места ни захватническим войнам, ни геноциду. Именно после этого война с нацизмом стала по-настоящему справедливой войной.

Странам Запада следовало бы объявить о своем намерении извлечь уроки из югославского кризиса и приступить к строительству нового международного правопорядка, способного более эффективно, чем раньше, защищать мир и права человека. Правопорядка, не оставляющего возможности ни для двойных стандартов в политике, ни для национальных эгоизмов, ни для произвола сильных.

Такая «декларация о намерениях», подкрепленная реальными шагами, придала бы совершенно новый смысл происходящему. И, может быть, вновь воскресла бы старая надежда на то, что жертвы не будут напрасными.

О прагматике правового идеализма

*Тезисы к выступлению на Международной конференции в Вене.
Июль 1999 г.*

Косовский кризис не поставил перед человечеством никаких новых проблем. Его значение в том, что ряд прежних, нерешенных проблем, предстал перед нами в качестве требующих немедленного решения. И все эти вопросы прямо и непосредственно относятся к проблеме глобализации.

Попробую перечислить несколько аспектов, наиболее на мой взгляд, взволновавших общественное мнение:

1. Стало очевидным, что содержание понятия «государственный суверенитет» в конце XX века не может оставаться неизменным. Например, массовые и грубые нарушения прав человека, творимые государством на собственной территории, не могут более рассматриваться как внутреннее дело этого государства. Собственно говоря, впервые подобное ограничение государственного суверенитета было заявлено еще Нюрнбергским трибуналом – но преступления против человечества стали предметом его рассмотрения лишь постфактум, уже после разрушения нацистского государства. В самой же Второй мировой войне казусом бели стала внешняя агрессия Германии и ее союзников, а не варварская внутренняя практика нацизма. Югославский кризис – первый случай в новейшей истории, когда группа государств ультимативно потребовала от суверенного правительства суверенной страны изменить свою внутреннюю политику и, получив отказ, применила военную силу. Разумеется, я имею в виду опыт демократических стран: скажем, оккупация Чехословакии странами Варшавского договора в 1968 г. – пример совсем из другого ряда.

Моя точка зрения: в основу любого интеграционного процесса, – экономического, политического, социального, культурного и пр., – должно быть положено безоговорочное признание всеми сторонами приоритета прав личности как базисной ценности.

В Косово, шире – в Югославии, еще шире – на всей территории бывшей СФРЮ исключение какой бы то ни было этнической, религиозной или культурной дискриминации, соблюдение прав личности, должны быть высшим критерием; следует добиваться, чтобы все действующие в регионе силы недву-

смысленно и публично признали этот критерий высшим по отношению к любым этническим, политическим и пр. интересам. Необходимо настаивать, чтобы все эти силы: командование НАТО, правительство Милошевича, сербская оппозиция, АОК, правительство Руговы и т.д. подписали специальную «Хартию для Косова», закрепляющую эти принципы. Разработка этой Хартии должна стать делом европейской общест-венности, возможно – уже на этом форуме.

2. Сегодня не существует непротиворечивых позитивных правовых норм, следуя которым можно оценивать ситуа-цию, требующую вмешательства извне. Действия НАТО, нравственно обоснованные, не имеют решительно никако-го правового обоснования. Отсутствие четких критериев – опасный прецедент: ведь завтра, например, Россия может заявить, что достаточным нравственным обоснованием для силового вмешательства она считает, скажем, ущем-ление прав русскоязычного населения в Латвии. И как тогда будет реагировать международное сообщество?

Моя точка зрения: необходимо объединить усилия для выработки проекта международного законодательства, четко определяющего ситуации, при которых внутренняя политика государственной власти может быть оценена как преступная, и предписывающие соответствующие международные санкции, вплоть до силового вмешательства, по отношению к государст-вам, злоупотребляющим своим суверенитетом. Подчеркиваю: речь идет о своего рода Уголовном кодексе для правительств, не просто разрешающем применение санкций к нарушителям, а прямо обязывающем международное сообщество, независимо от воли отдельных правительств, прибегнуть к ним. В этом смысле ограничивается не только «внутренний» суверенитет государств-нарушителей, но и «внешний суверенитет» всех ос-тальных стран: так, например, если действия турецкого прави-тельства по отношению к курдам подлежат, согласно новому международному праву, определенным санкциям со стороны мирового сообщества, то ни США, ни другие союзники Тур-ции, не вправе уклониться от участия в этих санкциях.

Мы не можем ждать, пока созданием такого нового между-народного права займутся дипломаты на государственной служ-бе: они сделают это только по решению своих правительств, а такового не будет никогда. Инициатива должна исходить от международной общественности и реализовываться в пер-

вую очередь усилиями независимых ученых-юристов. Затем вокруг этой инициативы можно попытаться объединить национальное общественное мнение – в Европе, в первую очередь.

3. Сегодня не существует, ни на региональном, ни на мировом уровне органов, которые способны беспристрастно рассматривать подобные коллизии и выносить решения, подлежащие безусловному исполнению. Совет Безопасности ООН показал полную неспособность принимать подобные решения. В этой связи много говорят о порочности «права вето». Но даже и без права вето Совет и другие органы ООН, вплоть до Генеральной ассамблеи, не могут рассматриваться как квази-судебные структуры, ибо в их рамках не может быть соблюден главный принцип суда: незаинтересованность и беспристрастность. Делегаты представляют интересы своих правительств; ООН – не более, чем форум международной дипломатии, весьма полезный в разъединенном мире, возможно, небесполезный и в будущем; но судебная процедура в рамках ООН не может быть осуществлена. НАТО на Балканах вынуждена была сама творить международное право, сама применять выработанные нормы и сама исполнять принятые решения. Это создает опасный революционный прецедент. Полагаю, что и сами лидеры НАТО, и общественное мнение их стран, испытывают в этой связи определенный правовой дискомфорт.

Моя точка зрения: необходимо дополнить существующие международные структуры, глобальные и региональные, органами, независимыми от этих структур, обладающими судебными функциями и действующими на основе обновленного международного права. Иными словами, развить и завершить систему международных судов, уже действующих (как созданных *ad hoc*, так и постоянных: Гагский Международный суд, Гагский трибунал, Страсбургский суд по правам человека и пр.).

4. Бесчеловечная природа этнических конфликтов очевидна каждому. Но не все задумываются над правовой коллизией, возникающих в связи с этими конфликтами. Очень часто в их основе лежит так называемое «право на самоопределение народов», провозглашенное в ряде важных международных документов. При этом не существует ни общепризнанного представления о конкретном содержании этого права, ни общепринятой точки зрения на соотношение его с другими ключевыми принципами международного права,

ни сколько-нибудь приемлемого механизма его реализации. Неразбериха с «правом на самоопределение», длящаяся уже почти столетие, породила реки крови; если она будет продолжаться и дальше, прольются уже не реки – моря.

Моя точка зрения: «право народов на самоопределение», в том виде, в каком оно чаще всего трактуется, – опасная и антиправовая максима. Требуется резко ограничить область, охватываемую понятием «самоопределение», прояснить совершенно неясный вопрос о субъектах этого права, найти ему определенное и достаточно скромное место в обновленном международном праве.

5. Наконец, еще один вопрос, старый как мир, но не потерявший актуальность. Допустимо ли для восстановления мира и справедливости прибегать к военному насилию? На первый взгляд, кажется, что ответ очевиден для всех, кроме толстовцев, гандистов и Свидетелей Иеговы: полицейский прибегает к насилию, чтобы обезвредить преступника – почему же НАТО, коль скоро она взяла на себя роль «международного копа» (имея на то правовые основания, или нет, – другой вопрос), не имеет права прибегнуть к военной силе, чтобы обезвредить международного преступника Милошевича. Нравственное чувство европейцев, однако, не может удовлетвориться этой аналогией. Понятно почему: полицейское насилие направлено на самого преступника; военное насилие направлено отнюдь не на г-на Слободана Милошевича, а на народы Сербии и Черногории. Европа не склонна свободно оперировать выражениями типа «наказать Милошевича»; это выражение уместно лишь в связи с ордером, выписанным Луизой Арбор, но никак не в связи с разрушением мостов через Дунай. Вопрос, в самом деле, не новый: его поставили перед человечеством Дрезден и Хиросима (я сознательно не упоминаю о Гернике и Ковентри – в оценке этих событий не заключена нравственная диллема).

Моя точка зрения: в сегодняшнем мире нет способов сделать гуманитарное вмешательство бескровным или почти бескровным. И тем не менее такое вмешательство иногда, увы, необходимо. Вывод только один: необходимо изменить сегодняшний мир. В завтрашнем мире из понятия национального суверенитета должны быть исключены сколько-либо значимые национальные военные силы, за исключением тех, что нужны

для поддержания полицейского порядка. В то же время международное сообщество должно обладать военной мощью, подавляющей по отношению к любой национальной вооруженной силе. Эта международная армия должна действовать независимо от воли правительств, но и ни в коем случае не по своей воле (то есть, модель НАТО и ее действий в Югославии не подходит), а лишь по решению международных органов. Возможно, и в этом случае при наведении порядка возможно сопротивление и кровь; но вероятность этого резко уменьшается.

Резюме: на мой взгляд, основной парадокс балканского кризиса состоит в том, что очевидная необходимость разрешения этого кризиса сталкивается со столь же очевидной невозможностью его решить в рамках старого мирового порядка.

Ergo: необходим новый мировой порядок, включающий обновленное международное право, независимые международные судебные инстанции, трактующие это право, и единую исполнительную структуру международного сообщества, реализующую решения международных судов и обладающую подавляющим силовым преимуществом перед каждым национальным государством.

Что касается Косова, оценки развернувшихся событий противоречивы. Они и не могут быть непротиворечивыми в рамках существующей реальности. Поэтому окончательный приговор может быть вынесен только в будущем. Для меня он будет основан на двух критериях:

1) Станет ли косовский урок толчком к фундаментальной перестройке международных отношений на новых, глобалистских принципах?

2) Сохранится ли Косово как мультиэтническая территория, способная к самоуправлению в рамках демократической Югославии?

Эти критерии связаны между собой. Если миротворческие войска не сумеют пресечь террор АОК, цыганские погромы и изгнание из края сербского населения, – не значит ли это, что есть что-то неправильное в самой концепции гуманитарного вмешательства? И в конечном итоге, не значит ли это, что интеграция, европейская и мировая – строительство дома, в фундаменте которого заложена мина. Если сегодня объединенной Европе не удастся справиться с минами албанского и сербского национализмов, то где гарантия, что завтра не рванет под зданием самой объединенной Европы?

Я все же надеюсь на лучшее.

Чеченский капкан

(Из статей, опубликованных в западной печати в ноябре 1999 г.)

Россия вновь угодила в чеченский капкан.

Где выкован этот капкан? В штабах чеченских полевых командиров? В тайных лабораториях знаменитого международного террориста Усамы бен Ладена? В здании Министерства обороны РФ на Арбатской площади?

Или, может быть, по соседству – за стенами Кремля, где окружение стремительно дряхлеющего Президента плетет кружева интриг, пытаясь не допустить к власти опасных и энергичных конкурентов: Лужкова и Примакова?

У нас нет ответов на эти вопросы и, боюсь, никогда не будет. Кремлевские царедворцы умеют конспирировать не хуже международных террористов.

Как все начиналось в этот раз?

Безумный рейд Басаева и Хоттаба вновь приковал внимание российского общества к мятежной Ичкерии. В течение всего августа федеральная армия России вела ожесточенные бои с чеченскими отрядами, вторгшимися в Дагестан. Затем прогремели взрывы в Москве и Волгодонске. Страну охватил мистический ужас. А войска уже двигались к границам Чеченской республики.

Дальнейшее, – объявление премьером Путиным начала «антитеррористической операции» против Чечни, демонстративный отказ правительства от каких-либо переговоров с чеченским президентом Масхадовым, массированные авианалеты и ракетные удары по городам и поселкам мятежной республики, медленное продвижение в глубь чеченской территории дивизий, методично уничтожающих перед собой все, что шевелится, – происходило под громкое одобрение общественного мнения.

...Военную победу одержать можно. Для этого надо всего лишь физически уничтожить всех чеченцев, способных носить оружие. Кажется, этот вариант «окончательного решения чеченского вопроса» уже предлагался нашим генералитетом летом 1996 г., после неожиданного взятия Грозного ополченцами Масхадова. Но тогдашний секретарь Совета Безопасности Лебедь, надо отдать ему должное, отверг людоедские предложения и начал мирные переговоры, при почти всеобщем одоб-

рении общественности. Теперь же выступления популярного телевизионного обозревателя на чеченскую тему начинаются с первых тактов песни «Вставай, страна огромная...» – неофициального гимна советского народа в войне с нацистами 1941–1945 гг. А региональная пресса пестрит заголовками вроде: «Чечня должна умереть, если Россия хочет выжить»¹.

В любом случае продолжение Второй кавказской войны приведет к исчезновению остатков свободы в России. Это происходит уже сейчас.

Пресса, радио и телевидение наперебой стараются доказать свою лояльность правительству, поддерживая официальную ложь о событиях на Северном Кавказе. Гражданским организациям, собирающим подписи за отмену воинской повинности², официальные лица угрожают уголовным преследованием², а правозащитные группы в провинции вновь объявляются агентурой ЦРУ. Впервые с августа 1991 года руководство России открыто и публично провозглашает своей стратегической целью восстановление ВПК...

* * *

Сегодня российское общество реагирует на события вокруг Чечни совсем не так, как в прошлый раз.

В чем причины таких радикальных изменений в общественных настроениях?

Одной из причин является, конечно же, обстановка в самой Чечне. В течение трех мирных лет правительство Масхадова показало свою неспособность овладеть ситуацией, а иногда даже само санкционировало меры, которые привели чеченское общество и чеченскую государственность к развалу – например, попыталось ввести в стране «шариатское» судопроизводство и «шариатские» формы правления. Масхадов, вероятно, рассчитывал, что эти действия выбьют козыри из рук оппозиции, выступающей под лозунгами исламского радикализма. Разумеется, этого не произошло; оппозиция только усилилась, а ее лозунги стали еще более радикальными. В противостоянии между правительством и так называемыми «полевыми командирами» исчезли последние остатки системы государственного управления.

¹ Вадим Андрухин «Чечня должна умереть! Если Россия хочет выжить». Газета «Дело» (Нижний Новгород). № 37 (341). 17-23 сентября 1999 г.

² Письмо Председателя Комитета по обороне Государственной Думы РФ Р.Попковича руководству Антимилитаристской Радикальной ассоциации.

Похищения людей с целью получения выкупа стали существенной частью чеченской «экономики»; власть не могла, да и не пыталась пресечь этот бизнес. Более того, Грозный не сумел даже остановить «воинов-интернационалистов» Хоттаба и Басаева от безумной авантюры – «освободительного похода» в Дагестан, ставшего прелюдией к вторжению в Чечню российских вооруженных сил.

Само чеченское общество также оказалось неспособным противостоять сползанию в средневековье. Я неплохо знаю чеченцев и могу с уверенностью сказать: религиозный фанатизм, работорговля, военные авантюры большинству из них вовсе не по душе. Но вчерашние храбрые бойцы Сопrotивления не нашли в себе должного гражданского мужества, чтобы противостоять безумию.

Все, что происходило в Чечне и вокруг нее, наши средства массовой информации в течение трех лет преподносили российской аудитории. Чеченской пропаганде нечего было противопоставить этой кампании – потому, что все это было правдой. И обвинить российских журналистов в тенденциозности трудно. Эти самые журналисты провели два года под пулями и бомбами, чтобы рассказывать миру правду о Чечне. А после войны именно их в первую очередь и принялись похищать.

Последнее, ставшее решающим, обвинение, выдвинутое против Чечни – обвинение в организации чудовищных террористических акций в Буйнакске, Москве и Волгодонске, пока что так и остается голословным – ведь общественности так и не были предъявлены внятные доказательства. Однако доказательств сейчас никто и не требует: в массовом сознании уже сложился вполне определенный образ Чечни и чеченцев.

Что ж: в таком развитии событий есть несомненная вина чеченского руководства и чеченского общества. Но они ли одни виноваты? И действительно ли московские инициаторы нынешнего поворота событий начали войну именно для того, чтобы пресечь зло, которое, согласен, невозможно и не должно терпеть?

Ирония истории: анархия, преступность, исламский фундаментализм, захват заложников, терроризм – все то, что российская официальная пропаганда выставляла в качестве причин войны 1994–1996 гг., – стало реальностью после ее окончания и было ее следствием. Но об этом никто не помнит и не думает.

Равным образом никто не думает о преступном бездействии федеральных властей в годы мира. Не имея желаний и возможности решить проблему Чечни, Москва старалась делать вид, что ее не существует. Россия фактически отказалась от всякого сотрудничества с Масхадовым, – в том числе, и от сотрудничества в борьбе с заложничеством и терроризмом.

Никто не помнит о том, что в мае 1997 г. Ельцин подписал с Масхадовым договор, в котором обе стороны обязались решать все проблемы, возникающие между ними путем переговоров и не прибегая к силе. В сентябре 1999 г. со стороны Москвы не было не то, что попытки переговоров с чеченским президентом, легитимность избрания которого была, между прочим, официально признана Россией, – ему даже не был предъявлен ультиматум.

Нынешние военные действия против Чечни федеральное правительство объявило «антитеррористической операцией». Это – ложь. Истинная цель войны – реванш.

Для генералитета это реванш за поражение 1996 г. Сегодня военные (а вслед за ними и влиятельные политики) заговорили о «дефектах» или даже о «преступности» Хасавюртских мирных соглашений: будто бы они перечеркнули победу доблестной российской армии, до которой оставались считанные минуты. Я уже привык к вранью в родном отечестве, но бесстыдство этого вранья все еще удивляет меня. Какую победу они обнаружили в 1996 году? Разговоры о «победоносном завершении борьбы с бандформированиями» кончились тем, что эти «бандформирования» взяли Грозный. После этого для России оставался один путь к «победе» – физическое уничтожение подавляющего большинства чеченского народа. И тогда секретарь Совета безопасности Лебедь (кстати, незадолго до того санкционировавший военную эскалацию) признал этот путь тупиковым и подписал мирные соглашения.

Теперь федеральное правительство вновь пытается победить в войне. Боюсь, что на этот раз в качестве средства выбрана именно война на уничтожение.

Для реакционных российских политиков возобновление войны – тоже реванш, реванш над «гносными либералами» и «безответственными болтунами», восстановившими в 1994–1996 гг. общественное мнение против кровавой демонстрации российской державной мощи. Увы, мы оказались действительно безответственными болтунами: в 1996-м добились прекращения войны, но не сумели выиграть мир. Ныне реакция

почти полностью захватила рычаги власти. Ее сверхзадача – восстановление в России традиционного порядка, при котором общество и личность подчинены государству, а не наоборот. В сущности, речь идет о победе власти над обществом, реванше за Август 1991 года. Общество, похоже, согласно быть побежденным. К моему стыду, даже некоторые демократические лидеры, боясь, вероятно, потерять голоса избирателей, публично солидаризируются с реакцией.

Оно и понятно: сегодня граждане России в целом поддерживают политику премьера Путина в Чечне. Осознают ли они, что основной жертвой этой политики станут они сами, их права и их безопасность? Не знаю; боюсь, что осознание придет лишь вместе с потоком гробов из Чечни в города России.

Но первой жертвой этой войны стала правда. Вновь политики и генералы говорят, что все гибнущие под авиационными и ракетными ударами – террористы, а если кто погиб из мирных жителей – то это сами чеченцы взорвали, и что «видимость гуманитарной катастрофы» создают боевики. Вранье на высшем уровне не просто отвратительно, непристойно, постыдно – оно очень опасно. Это – симптом, хорошо известный по нашей недавней истории. Еще более опасный симптом – это поддержка официального вранья нашей свободной и независимой журналистикой.

А почему, собственно говоря, мы должны обвинять только прессу? Всегда и везде масс-медиа отражают общественные ожидания (что, разумеется, не снимает гражданской ответственности с каждого конкретного журналиста). И стоит ли сердиться на зеркало, если само общество с такой легкостью пошло на поводу у реваншистов?

Я начал с утверждения о немалой доле вины самих чеченцев за то, что происходит сегодня в Чечне.

За то, что произойдет завтра в России, вся вина полностью ляжет на нас.

* * *

Но как собирается соседствовать с будущей авторитарной Россией остальной мир, именующий себя цивилизованным? Для начала: как собирается мириться совесть Европы с уничтожением целого народа?

А никак. Россия всем в Европе надоела. Прекратят ей, России, давать кредиты, и все. И с облегчением забудут о ней. Ведь американские политологи еще несколько лет назад называли Россию «лишней страной» и объясняли публике,

что место ей – в Азии, а не в Европе. Ну, а в Азии, как известно, кровь человеческая много дешевле, чем в Голландии или Германии.

До поры до времени, конечно, забудут. Но когда на краю Европы вновь встанет жутким призраком агрессивный монстр, озлобленный поражением или окрыленный победой над сепаратистами (и, в обоих случаях, разделавшийся с «пятой колонной» – демократами внутри страны), – вспомнить придется.

...Я с удовлетворением вижу, что в этот раз Запад реагирует на кавказское кровопролитие несколько более активно, чем во время прошлой войны (косовский опыт, что ли, научил?). Кажется даже, что сейчас общественное мнение демократической Европы несколько перегибает палку, не принимая во внимание действительно важный вопрос о противодействии терроризму. Понятно, что таким способом, как это делают Путин и генералы, бороться с терроризмом нельзя, – но ведь как-то с ним необходимо бороться. Даже если «чеченский след» московских взрывов – лишь пропагандистский миф российских спецслужб, то ведь бандитский поход Басаева и Хоттаба в Дагестан – вполне реальное событие, действительно требующее решительных действий.

Сегодня Европа еще может повлиять на ход событий. Еще может оказать помощь – и России, и чеченцам. Активную и настойчивую помощь, ибо нам самим с ситуацией не справиться...

Чечня гибнет, она нуждается в международной помощи. Мое глубокое убеждение состоит в том, что, погибая, она стянет за собой в пропасть и Россию. Стало быть, в международной помощи нуждается и Россия.

Сегодня эта помощь может быть оказана только одним способом: жестким, даже грубым давлением на обе стороны конфликта.

Я не буду подробно повторять то, что говорил и писал уже много раз: помогая России, Европа обеспечивает и собственное будущее.

* * *

Недели три тому назад один из самых популярных в России политиков, бывший премьер Евгений Примаков, заявил по телевидению примерно следующее: «Запад понимает крик вокруг военной операции в Чечне. Это потому, что Запад хочет взять реванш за Косово».

Заявление ошеломляет своей очевидной бессмысленностью. Реванш, вроде бы, предполагает поражение, – а НАТО, кажется, одержало в Косово убедительную победу? Впрочем, пытаться проникнуть в логику высказываний современного московского политика – пустое занятие. Фраза Примакова всего лишь отражает примитивные формулы нынешнего российского массового сознания: во-первых, Запад – извечный враг России; во-вторых, ничего у них не выйдет, потому что мы их все равно всегда побеждаем; в третьих, они не хотят с этим смириться и продолжают строить против нас всяческие козни.

И все же аналогия «Косово–Чечня», – это не просто порождение суггестивного сознания Евгения Примакова. В ситуации, сложившейся вокруг второй попытки Москвы силой решить чеченскую проблему, есть нечто, что не позволяет отмахнуться от ассоциаций между Третей кавказской войной и не знаю уж какой по счету балканской.

Дело в том, что военная авантюра Путина изначально преподносилась российскому обществу в «антитеррористической» обертке. Точно так же югославская операция НАТО воспринималась европейским общественным мнением, как крестовый поход в защиту прав человека.

Различия, конечно, очевидны.

Во-первых, нельзя даже сравнивать степень соразмерности применения силы, избирательности ударов и страданий мирного населения (хотя и в том, и в другом случае, первым и непосредственным результатом военных действий явилась гуманитарная катастрофа).

Но это не главное. Думаю, что это – результат не столько злонамеренности российского правительства и российских военных, сколько чудовищно низкой эффективности нашей военно-государственной машины, с одной стороны, и объективного различия ситуации (в Косово подавляющее большинство населения поддерживало НАТО, в Чечне подавляющее большинство населения настроено против «федералов»), с другой. Это не принципиально.

Принципиально другое: НАТОвская операция была именно тем, за что ее выдавали, а путинский поход – всего лишь демонстрация «сильной руки» в предверии президентских выборов в России. В самом деле, корыстной заинтересованности Запада в контроле над нищим и взрывоопасным Косовским краем ни под каким микроскопом не уловить. И уж тем более не увидеть ее в высказываниях лидеров западных стран. А вот

в высказываниях Путина и других политиков в Москве чем дальше, тем откровеннее звучит тема восстановления федерального контроля над мятежной провинцией. Поимка и наказание боевиков явно отступает на второй план перед «великой задачей» поддержания российской державности.

И тем не менее: «антитеррористическая» окраска чеченской операции кардинально важна. Именно в этом качестве ее приняло российское общество, и ни в каком другом принять не могло. Даже нынешнее предельно деморализованное общественное сознание не было бы готово к тому, чтобы российские солдаты убивали и умирали за, скажем, «территориальную целостность» Федерации. Или за «геополитические интересы России на Кавказе». Или еще за какие-нибудь абстракции.

Московские и волгодонские взрывы пришлись здесь как нельзя более кстати. Настолько кстати, что в сознании многих советских интеллигентов зародились мрачные подозрения. Кажется, эти подозрения высказываются и за рубежом. Честно говоря, я совсем не верю в «лубянский след» сентябрьских терактов. Я знаю эту организацию тридцать лет, и знаю ее возможности. Диссидентов ловить – это да, это они умели. И то, только в том случае, если диссидент не забудет подписать под открытым письмом протеста свой домашний адрес, телефон, да еще и объяснить, как к нему проехать. Но разрабатывать тонкий, сложный и коварный план, да еще и осуществить его так, чтобы не возникло ни малейшей утечки информации, да еще и в нынешнем российском бардаке? Извините, не верю.

(Правда, есть еще и пресловутый «аквариум» – ГРУ, о котором я решительно ничего не знаю... Нет, все же не верю. Не могу поверить.)

Так или иначе, презумпция невиновности распространяется на всех: и на чеченских боевиков, и на московских майоров. Но это соображение, конечно же, никого не занимает: ни российские массы (конечно, чеченцы, кто же еще?), ни западные масс-медиа (о, это коварное Кей-джи-би!).

Существуют, однако, более основательные поводы для того, чтобы серьезно отнестись к «антитеррористическим» объяснениям российского правительства. Например, дагестанский рейд Басаева и Хоттаба. Новоявленные воины-интернационалисты ислама, безусловно, обеспечили Москву великолепным пропагандистским поводом для применения силы. Какое пра-

вительство будет спокойно смотреть на вторжение вооруженных бандитов, базирующихся в фактически независимом (во всяком случае, неподконтрольном центральной власти) анклавом на территорию, жители которой и не помышляют о независимости? Безусловно, какие-то меры следовало принять. Вопрос – какие?

А гнусная практика торговли людьми, расцветшая за три года существования независимой Ичкерии? Международное сообщество довольно равнодушно смотрело на происходящее, молчаливо считая, что это – проблема Кремля. Вот Кремль и принялся решать эту задачу, как умеет. А, между прочим, существует, кажется, Конвенция ООН о запрещении работорговли – так что даже формально захват заложников с целью выкупа не является внутренним делом России.

Так что аналогия с косовской ситуацией существует, и отмахнуться от нее не так просто. В обоих случаях – массовые и грубые нарушения прав человека в некоем регионе; в обоих случаях – военное вмешательство «извне» с декларируемой целью положить конец этим нарушениям. То, что в одном случае действия интервентов соответствуют провозглашенным целям, а в другом – лишь прикрываются этими целями, конечно, важно. Но это лишь усугубляет проблему. Ибо, если в принципе такие действия признаются возможными и желательными, то как отличить одну ситуацию от другой? Успех косовского вмешательства будет бесконечно провоцировать в мире ситуации, подобные нынешней чеченской, – а у мирового сообщества нет ни критериев, по которым можно отличать дозволенное вмешательство от недозволенного, ни объективных и независимых судей, способных применить эти критерии надлежащим образом.

Прошу понять меня правильно. Я ни в какой мере не оправдываю действия Путина. Я считаю нынешнюю жесткую западную реакцию на действия российской армии в Чечне оправданной (непонятно только, почему эта реакция практически отсутствовала во время прошлой кавказской войны). Сейчас речь идет о физическом выживании целого народа, ставшего жертвой погони за процентами на предстоящих президентских выборах в России.

Я полагаю, что сегодня единственный способ остановить бойню – это жесткие ультиматумы, адресуемые всем конфликтующим сторонам.

Россия должна немедленно прекратить варварское кровопролитие.

Чечня должна немедленно выдать правосудию Басаева и Хоттаба, ликвидировать в своем законодательстве варварские обычаи средневековья, прекратить работорговлю на своей территории. Кому предъявлять эти требования? Конечно, Аслану Масхадову. Какой он ни есть слабый и недееспособный президент, он все же легитимный руководитель своего народа, и легитимность его признана была, в частности, и Москвой.

Иными словами, я в основном согласен с мирным планом Григория Явлинского (которого, кстати, идейный вождь моей собственной партии, Анатолий Чубайс, уже обозвал за этот план «предателем Родины» – таковы нынче нравы российских демократов). С одной поправкой: осуществление этого мирного плана должно происходить в присутствии множества международных наблюдателей, надежно защищенных от возможных посягательств и обладающих определенными правами на вмешательство в ситуацию. Допуск наблюдателей – это *minimum minimum* того, что Европа должна потребовать от России в ситуации, когда на массовые и грубые нарушения прав человека одной стороной конфликта, другая сторона отвечает еще более массовыми и грубыми нарушениями.

Иными словами, я – за максимально возможную интернационализацию чеченской проблемы.

И надо, наконец, всем сесть и подумать: какой установить в мире порядок, чтобы ничего подобного больше никогда и нигде не повторилось.

Содержание

<i>Об авторе</i>	3
Россия: от выборов до выборов	5
Веймарская Россия?	17
На рубеже двух тысячелетий	24
Какие мы демократы – такая у нас и демократия	31
Права человека как национальная идея	42
Трагикомедия власти	52
Не забудьте выключить телевизор	55
А.Д.Сахаров: ответственность перед разумом	66
Заметки на полях кризиса	79
Наш последний и единственный шанс	109
Остаюсь при своей позорной кличке – демократ	111
Открытое письмо Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину	117
Чечня является частью Европы	123
Речь идет о чести чеченцев	127
Россия и расширение НАТО на восток	128
Россия после Чечни	138
Испытание Балканами	152
Милошевичу просто не повезло...	158
О прагматике правового идеализма	161
Чеченский капкан	166

Ковалев Сергей Адамович
МИР, СТРАНА, ЛИЧНОСТЬ

Компьютерная верстка *Татьяна Кудрявцева*

Оригинал-макет изготовлен в Институте прав человека. Москва, 1999

ЛР № 062750 от 18 июля 1998 г.

Сдано в набор 25.10.1999. Формат 60 x 90 /16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11. Тираж 3000 экз. Заказ 33.

Издательство «Изограф»

111020 Москва, Княжекозловский пер., 6–70

Тел. 289-97-82, факс 289-04-54

Сергей Адамович Ковалев – фигура, вызывающая в российском обществе самые противоречивые и даже полярные оценки. Особенно эта поляризация мнений усилилась после чеченской войны.

Он пользуется большим авторитетом у значительной части демократически настроенной российской интеллигенции. В то же время многочисленные сторонники «государственного» и «прагматического» подходов к проблеме прав человека в России считают его беспочвенным идеалистом, чья бескомпромиссность принесла обществу больше вреда, чем пользы. А националисты разных толков вообще рассматривают Ковалева как обного из главных врагов нации – не только из-за его конкретных высказываний и поступков, обличающих в нем «ненавистника всего русского», но, главным образом, из-за его последовательного «западничества» в области права и политики, его приверженности классической либеральной теории, последовательного отрицания идей «особого русского пути» и «державных ценностей».

